

14

84(2)Рос.55
П19

Андрей Пассар

МИ УРЭХЭМБИ НИНГМАНСАЛ

ТЭЛУНГУСЭЛ
НИНГМАНСАЛ
НАМБОКАНСАЛ
ГУЧУДЯРИНСАЛ

СКАЗКИ МОЕГО ДЕТСТВА

ЛЕГЕНДЫ
СКАЗКИ
ЗАГАДКИ
ПЕСНИ

Хабаровское книжное издательство
2002

МУК МЦБ
Амурского
муниципального р-на

ББК 84.3 Нан
II 19

Художник
Сергей Александрович Чешкин

ISBN 5-7663-0365-3

© А.А. Пассар, автор, 2002
© Переводы с нанайского на русский, 2002
© С.А. Чешкин, оформление, 2002

АВТОР ХЭСЭНИ

Буэ нани устнай творчестводоани эгди хачин эрдэнгэ дякасал: нингмансал, тэлунгусэл, модакансал, деуруэнсэл, дяринсал, намбокансал, яансал гучи гой-гой хэсэсэл.

НИНГМАН. Нани найни мангади улэсичи мэнэ эрдэнгэ нингмамбари. Дамана, даняна, нингмамбачи бодомари, диа диачиари гисурэйчи, хали-да тэй нингмансал на оялани будэси осигоачи.

Нингманди най, улэнди савори нингмамба, мэнэ голи балдивандини, мэнэ мурундулэи энэвэндини. Туй тами нёани уйдуй-дэ улэнди, уйдуй-дэ дянгианди, нани хэсэдиэни нингмандини. Туй би найва нингмасо найди гэрбиэсичи.

Тамача нингмасо найва гэрэн ихонкансал мэнчиэри гэлэй бичичи. Поани гурунсэл, дяиди, огдади, нёанчиани димамари хара, илалта-дуилтэ аонгачимари досоди бичичи. Тамача нингмасо найва даи, нучи гурунсэл, гэсэ досодихачи.

ТЭЛУНГУ. Тэлунгу - эй буэ хони балдихапу, буэ хайла сэтэхэпу дякава, гисурэури мэдэ. Тэлунгувэ, тэнг сагди дамасал, тэнг сагди данясал-рагда, гисурэйчи. Нёанчи балдимари, бимэри хайва-да хэм сахачи, хайва-да хэм ичэхэчи.

Тэлунгүвэ тэнг сихсэ, най хэм дэгду очогойчи гэсэ, сагдилсал дэруричи:»Хайла Актанка хала агбинкимбани?», «Хайла Бельды хала балдихамбани», «Хайми Пассар халани мэпэри Дергульдүлэ сэтэхэпу ундивэчи», «Хайми Заксор халани мэпэри Гуси пиктэсэлчим бодойвачи»...

Тотамари нани халасалчи мэнэ балдихамбари тэхэвэ мангади бодойчи: Актанка хала тэхэни - пурэн Амбан, Бельды хала тэхэни Мапа, Пассар хала тэхэни - Дергуль, Заксор хала тэхэни-тэни Гуси.

МОДАКАН. Эй чу улэн, эрдэнгэ дяка. Нёани чу вайлин хэсэ. Модакамба, сайна, тэнг мурунку поэт-донгмор агбимбохани. Танго минган айнганива хамаси модакан балдихани.

Модакан балана балдихан-да, нёани эсидэ-лэ найсалба енуэлэйни. Нёани нани хэсэвэни баян, хэмбэру, осивандини. Бонгоду модакамба элкэ-элкэ умбури. Тэнг улэнди отолипи-рагда, тургэн-тургэн модакалаори. Туй хупими диа-диадари мэлдеурини.

Улэн модакан эсидэ-лэ школаду бэлэчини. Нани хэсэвэни тачиочи нучикэндюэнду, нёани тэнг улэн алосимди!

ДЕУРУЭН. Деуруэмбэ хусэ, эктэ, гурунсэл деуруэнди-чи. Эктэ гурунсэл, хайва-да улпимэри, хайва-да гэсэ тамари, хачин деуруэмбэ агбимбойчи. Най тавондоани пади-пади деуруэнку, хачин хачинди эрдэнку. Нёанчи мэнэ дола диаласимари мэлдейчи.

Хусэ гурунсэл-дэ мэнэ пади деуруэнку. Нёанчи хайва-да ангосимари: огдава, дяива, дёва гучи гой-гой дякасалба - эйду деуруэнди-чи, Дёбонду нгала ядаси осигоани, ангори дякасал улэн, пакси, огоани.

ДЯРИН. Нани найни дяричи-да улэн, хэлэнчи-дэ хэмбэру. Нёанчи тэин-аняду, улэн саринду дяри бичичи. Улэн

дярисо гурунсэлбэ нани долани тэнг бодой бичичи. Нёамбани мэнчиэри хэрси, яохичи, тахачи. Нани долани эктэ, хусэ гурунсэл хэм дяричи. Тотами тэнг эдику наондёан эктэ-рэгдэ дяриасини. Эдини паполай бичини.

«Мангбо долани эм паталан балдихани. Нёани гэрбуни Дэулэнкэ. Чу дярисо, хэлэн бичини. Дэулэнкэ, эмуту кэкуй-мэт, найсал миандидиани дярихани. Нёани дяривани эдини камалихани.

Дэулэнкэ энүлэхэни, тотара эдичии туй ункини: «Ми саман одаси осини, нэ будемби!»

Дэулэнкэ улэнди сарини, эктэ саман дяривани уй-дэ паполасивани. Туй дярисо Дэулэнкэ миавани эдии аргалахани. Таванки, нгэлэхэн Дэулэнкэ эдини, асии дяривани чихалахани. Дэулэнкэ, саман ода, Мангбова хэи, соли пулсими, найсалду дяrimi дэрүхэни. Дэулэнкэ дярини эсидэ-лэ, нани долани балдини.

НАМБОКАН. Намбокамба нучи гурунсэл тэнг улэсичи. Намбокан нучи гурунсэлбэ, тэнг мурунку най осивандини. Балдимари, хайва-да хэм улэнди мурчимэри, отолигоачи.

Намбоканди эниэнэ, эгэнэ гэсэ хупичи, нучи гурун намбокамба намбогоачи. Тотами хусэ гурунсэл кэту хупиэси. Намбокансалба хэм эктэ гурунчи апогохачи, нёанчи мэнэ урэй пурилбэри мэнэ алосигоачи.

ЯЯН. Эй тэнг даи, манга хэсэ. Яями най тавони аба отолиаси! Яями, тэнг саман очин най-рагда мэтэйни. Нёани бай би най биэсини. Нёани Эндур на оялани саихани най! Туй би найва Эндур яяорива тачиочини, алосини. Яян гой хэсэ, гой илдун!

ХУСЭ НАЙ НИНГМАНИ. Буэ нани нингмансални хусэ, эктэ нингмани хэм пади-пади бини. Эй ми нирухамби нингмансал, эктэ гурунсэл нингманчи. Чава ми нучи-

дуивэ, ми энимби нингманди бичини. Тэнг улэнди, тэнг хэлэнди, мэнэ гучкули нани хэсэдиэни. Туй тами ми нучилэи-бэки тэй нингмансалба эсидэ-лэ улэнди эдечии.

Поалдоани, эниэ дёгду корпиаси осиючиани, минду ми даи эйкэи Нидэ нингманди бичини. Нёани, нингмами, ми сарии нингмансалба мэнэ мурундулии хангиси энэвэндини.

- Эниэ! - ми моралой бичимби. - Нидэ-гэ гучи модан хангиси си нингмамбаси нингмандини! Энгэй! Ми досодиасимби!

Эниэ таи дякасалба хангиси нэкурэ, ми дякпадоива тэгурэ, тэнг хэлэнди нингмами дэруйни.

Ми кумэктэй, эйду-тул мэнэ дасигойни, мимбивэ нингман дочиани ивугуми, тэнг агдапси, кэси балдинчи, нихэлини. Туй нингман толкинчи игуми, мимбивэ онгасаговандини.

«Ми урэхэмби нингмансал» - туй би дангсава ми нирухэмби. Эйвэ ходипи, гой хусэ най нингмансалбани нирудемби. Буэ бичхэ ана вайлин нингмансалпу сагдилсалди гэсэ будэси осигоани. Дамана, даняна айсима нингмансалбачи, на оялани балди хачин голосал холагоачи. Буэ Бундиэ-мэргэнгупувэ улэсигуэчи.

«...Бундиэ Мэргэн нава хэтэпи, эси-тэни нёани Эндур боавани хэтэуриэ дёнкини. Тотара биладу балди Биалтонпудинчи димаорива, сиунду балди Сиулэки-пудинчи энэуриэ мурчихэни. Туй мурчи-дэ, Мэргэн сарасини, хони тэй Эндур нёнгиан боачиани товорива.

Туй энэмиэ, туй пулсимиэ, мэнэ поктодои Мэргэн эмгогда, вами мова бачихани. Хонь-да ичини-кэ, тэй мо сүэни сиунчи бай ек балдихани. Мо бэени хэм килу-килу бичини. Гарасални, эмуту гидасал-мат, чэм-чэм бичичи.

Тэй гарасалду: мохансал, баторсал, хахасал, тап-тап энэ-мэри, буйкичи. Уй-дэ таоси тоичимари чилахачи.

Бундиэ Мэргэн-дэ мочи тоичами чилахани. Туй мохора, мо тэхэдуэни илигохани, тотара хэй-соли дяримми дэрухэни: «Хэриэ-риэ! Хэриэ-риэ!» - нёани мэнэ дякасалчий бэлэчимбэ гэлэлухэни.

- Мэргэн, хайми сонгойси? - мэнэ хамиалаи долдихани. Хонь-да долдини-да, эмуту нёани асини дилгани—мат, бичини.

- Аба, хай сонгора, - дилгангохани Мэргэн, - мэнэ дярии!

- Туй-дэ би-дэ саваси? Нава хэтэхэн Мэргэн, хай бай би моди тэрихэси? - инэктэлухэчи дюэр гасакасал, най дилидиани дилику дякасал.

- Тэй мо дачамбани хулэру? - дэрухэни эмдимэ гасакан. - Чаду на пуйсини миаван муэвэ бадячи! Тэй муэвэ нэ омиру? Тэнг маси, тэнг имдар най осидячи. Сиунчи, Биачи, лур тодячи!..»

Туй буэ Мэргэнгупу нёнгиан Эндур боавани хэтэми дэрурини. Эмэчэ эрдэнгэ нингмансалба, эиндии, аминдии, гэсэ досоди бичимби. Гэсэ досодимари, буэ най тавони, эмдиэди «кэк-кэк!» кэкуй бичипу. Нингмари найва бодомари, улэнди кидухэпу.

Ми-дэ даи гурунсэлбэ амдами «кэк-кэк!» моракаи, тэй нингмаро найва аплодисментади банялай-мат... Тэде, нёани минду, эмуту кэси-мэт, нани хэсэдиэни мэнэ вайлими-би бухэни.

Мэнэ нани хэсэвэни, тэнг школаду тачиочими-рагда, хали-да улэнди отоливаси. Тэде, эниэ, ама, дёгду мэнэ дола хисангоаси осини, пурилсэл хали-да отолиаси. Буэ нучилэбэки бонго хэсэпу «ЭНИЭ!» бичини. Чу улэн, бобой хэсэ!

Ми энимби пакси эктэ бичини. Нёани гэрбуни - Дубэгэ. Ми амимби гэрбуни-тэни - Гапчи. Чу паосо най! Мимбивэ-тэни Числади хэрсихэчи. Гэ, эрдэнгэ, хайми ми гэрбуи Андрей очини? Хайми ми амимби-тани - Александр очини? Эй хэм ми балдихамби тэлунгу.

«Ми, гэрэн нанайсалдола 1925 айнгая 25 март биала, чу бонгоду лоча больницадоани Синда ихондоани балдихамби. Ми чу хаморой - поянго пиктэ. Тэй эркиэн ми энимби 50-си сэдүз бичини. Амимби-тани чава нянга нгэлэчими, ми энимбиивэ сари лоча докторчиани ирахани. Ми балдиочиива, мимбивэ эй боачи дяпахан доктор мэнэ гэрбуи минду бухэни. Ми Вячеслав очимби.

Дёкчи мочогопари, эниэ, ама лоча докторни минду бухэни гэрбувэ толим онгбогохачи. Гайдамари нёанчи дёнгочихачи. Туй тай-да хаси хал-хал бичичи. Тэнг павала даи биа гарпаочиани-мат, ама морапсинкини: «Дубэгэ, пиктэпу гэрбуни Биа!» Таванки-мат доктор бухэни илдун гэрбувэ, минду носохачи, ми туй»Биачисла» очимби. Нани хэсэлэни «Биа», лоча хэсэлэни «число».

Школаду нучикэндюэн минди туй инэктэй талохачи: «хавой Биа? Хавой число?». Ми, тэде, сонгоми сори бичимби. Туй би гэрбувэ эчиэ улэсиэи!

Эм модан, буэ даи дёгдопува, эм чаоха най - Краснай Армия командирни каодярахани. Нёани, сикун хотомба - Комсомольскава, най ангойни тэвэсэлбэ гуэлэй бичини. Тэй лейтенантава ми аяпохамби. Нёани гэрбуни Андрей бичини.

Лейтенант Андрей, тэнг энугилэй моданду-мат, туй ункини: - Биачисла, си Андрей гэрбиэсиуриwэ чихалайси? -

Ми, эмуту дэгдэй-мэт, миавандола агдахамби. Тэде, мидэ эй лейтенанта-мат, командир опорива мурчихэмби. Туй

мурчихэн-дэ командир-дянгаян эчиэ одаи, тэнг сикун гэрбугуи-рэгдэ бахамби!

Гочин айнгая эриндуэни, буэ ихондопова колхоз «Рыбак-охотник» очини. Эй колхозачи ми амимби-да, мэнэ адолидии, мэнэ огдадии, ихэни. Тотара колхоз, лочасалди гэсэ, Синдинскай хэвэмбэни кадихачи. Тэй кадинду ми амимби лочасалди гэсэ дёбохани.

Кадинду ми амимби Гапчи, эм лочади улэн доха очичи. Гэсэ тэри, гэсэ сиари, талохачи. Тэй лоча гэрбуни - Александр, Саша бичини. Гапчи диаи гэрбуwэни моняси-ми, мэнэ Сасади хэрсилухэни.

- Гапчи, гэ, нуктэwэси хадялагоари? - Александр-Саса гиндэхани. - Туй би нуктэ дёбонду эчи!

Гапчи инэмусими ичэгүхэни. Нёани мэнэ долаи чалиорива-да аясихани. Тотаи, мэнэ асии Дубэгэwэ мурчигупи, дони хоно-хоно очини. Гапчи улэнди сарини, Дубэгэ нуктэ ана найва хали-да улэсиэсивэни. Дубэгэ, нёани нуктэwэни аяпоми, тул-тул силкочи, силичи тахани. Эйwэ хэм улэнди мурчигурэ, Гапчи дони пакчим очини: «Саа! Аба! - дилгангохани. - Ми нуктэи улэнди посичиамби! Нёани минду эчи ана!»

Александр сарини, хонь-да даи нанисал мэнэ пэевэри уйлэ посигойвачи. Туй никтэи посигопи, дёбонду-да улэн, миочалаориду-да ая, нуктэ пэйси тугуэси.

Эм модан, тэнг ботаори эрин ходигойни поргинду, тэй даи кадинчи аракива гадэхачи. Ботай гурунсэл ходи дёбомба дэлхэчигумэри, нянга аркилахачи.

Аркиламари най тавони лэр-лэр соктохачи. Гапчи-да Сасади гэсэ омихачи. Гапчи чими тэгүхэни. Дилини манга-

ди энусихэни. Нёани мапама сэптухундуи тэсими, дюэр нгаладии дилии дяпагора, олокиана морасинкини: «Нуктэ-э!»

Нёани дякпадоани Саса хончирами аохани. Эйду Гапчи отолихани. Нуктэвэ тэнг Саса нгалани-рагда эрдэлэхэни. Гапчи кучэмби дяпагора, аори Александрчи морасинкини: «Са-са-а! Си, ми нуктэивэ чалихаси?!»

- Саша, обожди!.. Саша, обожди! - амикто дилгандии Александр моралохани.

Эйду ботамдисал хэм сэнэгүхэчи, тотара бай дур моралохачи: «Саша, обожди! Саша, обожди!»

Гапчи кучэмби тугбугүхэни. Найсал хэм нэр эрсингүхэчи, тотара тэй дюэр диасилди инэктэлүхэчи...

Туй ми амимби Гапчи-гарпамди мэндуй сикун гэрбу-произвищева бахани: «Саша, обожди!» очини.

Таванки най нёандоани паспортава бурини эринду, нёани паспортадоани сикун лоча гэрбүвэни нирухэчи. Туй ми амимби Александр очини, ми-тэни - Андрей Александрович! Гэ, туй бини ми балдихамби мэдэ-тэлунгу.

Андрей ПАССАР

ХАМАРИХАН КАЙЛАН

ТЭЛУНГУСЭЛ
НУНГМАНСАЛ
ГУЧУДЯРИНСАЛ

НАНИ НАЙНИ

/наондэан гурун дяринчи/.

Эйнивэ дургимэри буэ дяриапу,
Мэнэ головари банялайпу!
Наондэан гурунсэл бунчи дидусу,
Бонго дергичи илиндаосу!

Нани найни на оялани нучи, ой-да -
Най таони пудин, мэргэнсэл!
Нани найни боа ялодоани нучи, ой-да -
Най таони Ака гурунсэл!
Хани-рани-на-на,
Хани-рани-на,
Най таони Ака гурунсэл!
Дуйлэ ниэчэнсэл дургим морайчи,
Гарпай сиумбэ бачилайчи.
На оялани най таони -
Гухэ, кэсикуди, балдигоани!

ПРИПЕВ:

Анда, бариана, нгалай бурусу -
Урэй дяламбари масилтосу?
Буэ миавампу, буэ мурумпу -
Маси нгаладоари дяпачайпу!

Нани найни на оялани нучи, ой-да -
Най таони пудин, мэргэнсэл!
Нани найни боа ялодоани нучи, ой-да -
Най таони Ака гурунсэл!
Хани-рани-на-на,
Хани-рани-на,
Най таони Ака гурунсэл!

МАНГБОНКАН БОТАМДИСАЛНИ

/дярин-чангалан/.

Буэ Мангбонкан ботамдисални
Эйнивэ дэунчи, дэунчи ирэпу.
Сиун пидари, Мангбо торонди
Бумбивэ ирчими-ла катерпу тонгтори!
Тонг-тори тонг-тонг-тори,
Катерпу тонгтори!
Тонг-тори тонг-тонг-тори,
Катерпу тонгтори!
Гиоли гурунсэл масиди гиолиосу,
Таондэан пуйкуи, таондэан пуйкуи!

Коктомба гади най коктомба эуриусу?

Тонг-тори тонг-тонг-тори,

Коктомба гади най коктомба эуриусу!

Тонг-тори тонг-тонг-тори,

Катерпу тонгтори!

Тонг-тори тонг-тонг-тори,

Катерпу тонгтори!

Татай гурунсэл масиди татаосу,

Кэчи мэлэи, кэчи мэлэи!

Илбэхэвэ гади най илбэхэвэ дигдаосу!

Тонг-тори тонг-тонг-тори,

Илбэхэвэ гади най илбэхэвэ дигдаосу!

Тонг-тори тонг-тонг-тори,

Катерпу тонгтори!

Тонг-тори тонг-тонг-тори,

Катерпу тонгтори!

Буэ Мангбонкан ботамдисални

Дёкчиари энумэри дургими дяриапу.

Долбо биалтанду Мангбо торонди,

Мангбо торонди-да катерпу тонгтори!

Тонг-тори тонг-тонг-тори,

Катерпу тонгтори!

Тонг-тори тонг-тонг-тори,

Катерпу тонгтори!

ГОРМОХАКАНСАЛ

/тэпэтэури дярин/.

Дёа эрин буэ сахаринди,

Сиунду буэ дегдэгуйпу!

Туэ эрин буэ чагдянди,

Тэтуэвэри калагойпу!

«Борбос! Борбос!» - морапу!

«Корбос! Корбос!» - дяриапу!

Симата бай турини,

Буэ хэм чам очогойпу!

Соликасал сарасил,

Енгурсэл-дэ уйнгэсил!

ПРИПЕВ:

Буэ сиампу чу сэхур,

Туй тами ванимини!

Буэ бэгдипу чу косар.

Туй тами пукчисуни!

ПРИПЕВ:

Енгуркэнсэл дидусу,

Бунди гэсэ тэпэтэусу?

Соликан-да, гэ, ая,

Эйне бунду, гэ, аня!

ПРИПЕВ:

Нгалавари моксамари,
Сикун айнганява бачиапу!
Бэгдидиэри тэпэтэмэри,
Улэн, енуэди, хупиэду!

ПРИПЕВ:

ЧОЛЧОМИАКАН

/тэпэтэури дярин/.

Сиун уйси гарпама,
Ниэчэн дургим морама.
Бунди эрдэ тэрусу,
Сиумбэ нэ бачиосу?

«Чол-чол-чол-чол!» - морапу!
«Чол-чол-чол-чол!» - дяриапу!
Хэпэр-хэпэр дэгдэмэри,
Эуси, таоси дорапу!
Дэнгэр-дэнгэр донгдомари,
Уйси, пэйси, пулсиэпу!

Чими эрдэ дёбомари,
Мосалба окточиапу!
Улэн, хэкпэ ярсимари,
Колансалба чокиапу!

«Чол-чол-чол-чол!» - морапу!
«Чол-чол-чол-чол!» - дяриапу!

Хэпэр-хэпэр дэгдэмэри,
Эуси, таоси дорапу!
Дэнгэр-дэнгэр донгдомари,
Уйси, пэйси пулсиэпу!

Бунчи, анда, дидусу -
Нёнгиан мова этурусу?
Нёани наду балдигоани,
Гучкулиди силагоани!

ПРИПЕВ:

МОДАКАН

Дем-дем делискэн,
Дахо гачин дара морин.
Морин гачин Моктор эден,
Эден гачин Эхэ някан.
Някан гачин няндёр босо,
Босо гачан бомбор хото.
Хото гачин хонги сэден.
Сэден гачин Сиулэн пудин.
Пудин гачин Пудэ мама.
Мама гачин Мандёр мапа.
Агби гэрбуни Аландар,
Нэуи гэрбуни Нэлэндэр.
Гокси тэтуэи гондила,
Сэурэ тэтуэи сэнделэ.

Параду тэхэмби пакайган,
Сосха дяпахамби сойгакан.
Моримба пунгнэхэмби:»Чук! Чук!»
Уйси дэгдэхэмби - хурбэнчу!

ЭЛГЭКЭН

/старинная песня/.

Уйлэ Гэринду
Эворон хэвэнчи
Элгэкэн биракан
хэйни.

Тэй биракан
Нэмдэ, нгоними,
Муэнгуни манга
сонгтани.

Элгэкэн биракан
Нучикэн бим-дэ,
Нёани гэбуни
даини.

Хай-да айнганиа
Ботай гурунсэл
Элгэкэн барони
энэйчи.

Эгди хангова
Гой-гой очоамба
Элгэкэн биракан
бурини.

Уйлэ Гэринду
Эворон хэвэнчи
Элгэкэн бирани
Хэйни.

ОТАВА АНГОРИ ДЕУРУЭН

/Гэринкэн деуруэнчи/.

Ал-ал бонгалги,
Согбова вэксундэмби,
Бонгалги!

Ал-ал бонгалги,
Нантава уемби,
Бонгалги!

Ал-ал бонгалги,
Кэдэрэди кэдэрэмби,
Бонгалги!

Ал-ал бонгалги,
Сигдэвэ сигдэмби,
Бонгалги!

Ал-ал бонгалги,
Отава улпиэмби,
Бонгалги!

Ал-ал бонгалги,
Оива ангои,
Бонгалги!

Ал-ал бонгалги,
Бэюмбэ хасиамби,
Бонгалги!

УМЭКЭЧИУРИ ДЕУРУЭН

Солиади сэмпэндусу,
Хэдиэди хэйкумэри?
Хэдиэди хэтулиусу,
Солиади солومари?

Кэндэ - кэюки!

Кэндэ - кэюки!

Санасал сапчория,
Дякпадиа дигдаосу?
Гучэнсэл гукуриэ,
Талгиадиа татаосу?

Кэндэ - кэюки!

Кэндэ - кэюки!

Килториа тайдоани,
Киотом дяпаосу?

Лумбуриэ тайдоани,
Лумбур лунгбэусу?

Кэндэ - кэюки!

Кэндэ - кэюки!

Солиадиа сэмпэндусу,
Хэдиэди хэтулиусу?

Умуивэ урулиусу,
Пэмундиэри пэргэусу?

Кэндэ - кэюки!

Кэндэ - кэюки!

НАЙВА ДОЛДИАСИ ПИТО

(нингман)

Эм ихоканду эм эктэ балдихани. Тэй эктэ гэрбуни -
Аёанка, гучкули, пакси бичини. Аёанкаду хусэ пиктэ,
хуюн сэду бичини - гэбуни-тэни Пито.

Амимби будини гэсэ, Пито энимби долдиаси очини.
Боала хупими, мэндуй нучи гурунсэлбэ эрулэхэни. Ча-
лани гучи, Пито арчокансалба-да хэмэ нэкуэсини.

- Пито, - Аёанка улэнди ундини. - Поя, туй там ача-
си, Кумбиэку амбан исиндадяра, тотара нгалаваси,
бэгдивэси, бай лопто-лопто татагора, огасамба ангоси-
дяра.

- Ми хай, мэнэ тэй Кумбиэку бэгдивэни, нгалавани татагодямби! Нёани бунчи хали-да дидэси осигоани!

Туй биписэ Пито гой эрдэмбэ агбимбохани. Эси нёани сагди гурунсэлди инэктэми дэрүхэни. Мапава, мамава, хайду-да ичэпи, Пито, эмуту бачигой-мат, сирмуи ванимиди агбимбойни.

- Пито, - Аёанка улэнди ундини. - Поя, туй тами соромбори! Кумбиэку амбан исиндадяра, тотара сирмувэси бай лопто-лопто татагора, огасамба ангосидяра!

- Ми хай, мэнэ тэй Кумбиэку сирмувэни лопто татагодямби! Нёани бунчи хали-да ирэси осигоани!

Эм модан, Пито энини Аёанка тулэхэмби чидямби ярсиндагоми энэйдуи, туй пиктэчийи ункини:

- Пито, ичэру? Ми ана уйвэ-дэ дөгчи эди чиндара! Отоликаси? Ми сихсэ мочогодямби.

- Чава си хай гасайси! - унгухэни Пито. - Мимбивэ Кабара-вэчэкэн мэнэ этури! Тэй амбанди нгэлэсимби!

Кабара-вэчэкэн нучи бонгал-бонгал би индакан. Нёани боала, эмуту конгоктокан-мат, хайва-да хэм вачихани. Тэнг Аёанка дяидии гулиндини гэсэ, Вэчэкэн вачими дэрүхэни:

«Пито! Пито! - гуэнг-гуэнг-гуэнг!

Амбан диди! - гуэнг-гуэнг-гуэнг!

Майтоди дилику,

Дэнгэр-дэнгэр! - гуэнг-гуэнг-гуэнг!

Силпонди бэгдику,

Кочар-кочар! - гуэнг-гуэнг-гуэнг!..»

Эйду Пито нгэлэхэни. Лэкэи, бурии дяпагора, колом очини. Кабаракан хаси мэнэ сола вачихани:

«Пито! Пито! - гуэнг-гуэнг-гуэнг!

Амбан диди! - гуэнг-гуэнг-гуэнг!

Куэгэди хэмдэку,

Куэгдиэ-куэгдиэ! - гуэнг-гуэнг-гуэнг!

Эүгэли сирмуку,

Чилэм-чилэм! - гуэнг-гуэнг-гуэнг!

Пито бади манга нгэлэхэни. Нёани дони сонгомо-сонгомо очини. Вэчэкэн-кабаракан хаси мэнэ сола вачихани:

«Пито! Пито! - гуэнг-гуэнг-гуэнг!

Амбан диди! - гуэнг-гуэнг-гуэнг!

Палоади хойпонку,

Кэндэ-кэндэ! - гуэнг-гуэнг-гуэнг!

Комбоди насалку,

Болдя-болдя! - гуэнг-гуэнг-гуэнг!

Сурэди хуктэку,

Сэрбэ-сэрбэ! - гуэнг-гуэнг-гуэнг!

Тургэнди сириндару, - гуэнг! Гуэнг!..»

- Эниэ! Эниэ! - моралохани Пито.

Нёани эйду-тул энимби даи гуйсэчиэни чул ихэни. Тотара, гуйсэ комтамбани нянга нихэлирэ, Кумбиэкувэ ичэдихэни. Кумбиэку, Пито тэсихэни банданду тэрэ, мэнэ инему дяримби дэрүхэни:

«Кумбиэ, Кумбиэ, хи-хи-хик!

Хайду сирихани Питокан?

Кумбиэ, Кумбиэ, хи-хи-хик!

Хайду бини наондёкан?..»

Кумбиэку туй эрдэлэйдүэни, Пито кэтэлэ инэктэлүхэ-

ни. Мэпии дэнг-дэнг дяпачими, аличихани. Кумбиэку паланчи илигора, опорой уйси эуригурэ, эуси-таоси пунгичихэни:

«Сонк-сонк! Ми опорой,
Питова тургэнди уйнгэру?
Сонк-сонк! Ми ваксаи,
Сирихан Питова баогору?
Сонк-сонк эрсиэмби,
Гуйсэду си тэсиси!
Сонк-сонк ундэмби,
Сирмуди си хуписи!
Ха!Ха! Питова ми намбохамби!
Ха! Ха! Питова ми баогохамби!...»

Кумбиэку туй инемуди эрдэлэйдүэни, Пито бай»хихир-хихир» инэктэлүхэни.

- Ха! Ха! Гуйсэду ми тэсиэмби! Кумбиэкувэ ичэмби! Си, амбан, хангиси энуру? Эси-тул сирмуи анадымби, опороваси бай лип дасидямби!

Туй уми Пито гуйсэлэ болдыр агбингора, Кумбиэку опоровани лип ваними сирмудии дасихани.

- Ана-на! - эйду-тул Пито морапсинкини.

Пито хайва-да уми-дэ эчиэ корпиани, тэнг нёани насалдолани-рагда нимоктасал тэмбулиэ хээхэчи.

Сиксэ Аёанка дидюхэни, тотара Питова хэрсигуми морахани:

- Пито! Пито! Поя, дидю?

Сирму ана Пито бандаканду дунгум тэсихэни. Нёани, эмуту эбэ-мэт, «энг-энг!» чорихани.

Аёанка Питова хэрсидуэни, Вэчэкэн-кабаракан вачими дэругүхэни, опородии Кумбиэку поктовани пунгичихэни. Тотара, эмуту амбан поктовани ичэучи-мэт, дүлэси пагдиалахани. Аёанка хэм отолихани, хамача дяка Пито сирмувэни лоап татахамбани.

Аёанка пиктэи нгаладоани дяпагора, вачи Кабаракан хамиалани пагдиалахани. Эси нёанчи иландиари: Аёанка, Пито гучи Вэчэкэн, горо хурэмбэ хуэлимэри, лугди дүэнтэвэ далимари, эм нэен боачи исиндахачи. Тэй боаду эм дёо илисихани. Нёани дякпадоани гогда сан илисихани. Тэй гогда санду, эмуту огасамба ловохан-мат, хачин дякасал холгохачи: бэгдисэл, сиансал, дилисал, нгаласал, сирмусэл гучи гой-гой хачинсал. Туй Кумбиэку оркин гурунсэлбэ эрулэхэни.

- Пито, ичу! Ичэру? - Аёанка пиктэчии ундини. - Эй бэгдисэл оркин наондёкансал бэгдичи! Эй нгаласал чово наондёкансал нгалачи! Тэй сиансал найва долдиаси наондёкансал сианчи! Тэй сирмусэл си-мэт сирмуи агбимбой наондёкансал сирмучи!...

Аёанка туй тайдоани, Вэчэкэн-кабаракан гучи модан вачилохани:

«Вав! Вав ! Вав!».

Вэчэкэн, тэнг парпин сирму пундулэни, Пито сирмувэни тэрэк баогохани. Аёанка эйду-тул пиктэи сирмувэни сандиади ачогохани. Тотара силэмсэди сирмувэ силкогора, гарпай сиунчи михоранкини:

- Сиун, сиун! - Мимбивэ бэлэчиру? Ми пиктэи сирмувэни лактогованду? Пито улэнди хисангогоани, улэн наондёкан очогогоани?

Аёанка туй ундени гэсэ, хаяди-ну эм сахаринди дили-
ку Чиндэ исиндахани. Нёани хасардии хэпэр-хэпэр тами,
гучкулиди дярилохани. Эйду-бэки Пито сирмуни бэун-
чий дип лактогохани.

- Эниэ! Эниэ! - Пито моралохани. - Эвэнки ми арчо-
кансалба хали-да оркиласимби! Сагди гурунсэлди-дэ,
аба, инэктэсимби! Симбивэ, эниэ, тул-тул досидидямби!
Хайва-да хэм бэлэчидемби!

ИЛАН АХОНДА ГАКИСАЛ

(нингман)

Эм оmodo, тэнг хэвэн кирадоани даи оmodу илан гаки-
сал ахондосал балдихачи: даидима гэрбуни Тораки, то-
кондима гэрбуни Ураки, чу нучи гэрбуни-тэни Гаки.

Дёа холимари балдимари нёанчи урэхэчи. Энинчи,
аминчи, пурилби дэгдэчигуэчи тачиочимари дэрүхэчи.
Туй там-да оmodиари гакикансал дэгдэуриw нгэлэчи-
хэчи. Нёанчи тэй хэй муэчи ичэдимэри, сонгой дилган-
диари»гак-гак!» морахачи.

Гаки-Эниэ, Ама-гаки, пурилбэри бусэсимэри, нёанчи-
да»гак-гак!» морахачи. Туй морайчи-да, нучи гакисал
эчиэ дэгдэчи.

- Ая, мама, - Ама-гаки ундени, - дему мэнэ дэгдэвэн-
ди!

- Гэ, пэргэгуэри? – Эниэ-гаки чихалахани.

Таванки даи гакисал хаоси-ну бай чоп дэгдэгүхэчи.

Оmodу илан гакикансал лаломари тэсихэчи. Туй тэсипэ-
ри, тэнг дюэр агасал оmodиadi дэгдэхэчи: Тораки гучи
Ураки. Эси тэй дюэр агасал омовари кэндэли дэгдэчи-
мэри, нэвуwэри хэрсихэчи:

- Гаки! Гаки! Ая, дэгдэру?

Нучи, Гаки дюкэн долдиориди»гак-гак!» морара, ди-
лии хархихани. Гаки мангади муэди нгэлэйни, чалани
паорими-да отолиасини. Туй оmodо тэсими, муэду чаг-
дян мова ичэхэни. Тэй даи мо эе-тая калтани, эмуту по-
пон-мат, сэпэр-сэпэр бичини.

- Эй-кэ улэн, маси мо, - мурчихэни Гаки.

- Таоси дэгдэй осини, ми-кэ, сайна, эриэсимби!

Туй мурчирэ, Гаки мо оячиани дэринкини, тотара дэнг-
дэнг чавактадии мова дяпахани. Гаки тэнг дяпайни гэсэ,
мо уюн-мэт, зуси-таоси туйнкуми, муэчи игулуйни.

- Гак! Гак! - гакикан нгэлэми аганава хэрсилүхэни.
Нёани хониа морай-да, уй-дэ эчиэ ичэйни, уй-дэ, аба,
долдиани. Гаки хаолиа чавактаи ачогора, муэдиэди лун-
гбурагбингохани.

- Гак! Гак! - сонгоми морахани.

Эйду-мэт Тораки, Ураки долдихачи, тотара Гакикам-
ба омо барони гадёхачи.

- Гак-гак! - Гакикан чорини, - элэ будэмби!

Тораки, Ураки нгэлэхэчи, тотара Гакиду Эрчэн ниэ-
чэни самамбани гэлэхэчи. Саман, хайди-да Гаки нгэлэ-
рэ энүлэхэмбэни, пангагоани. Омо барони Эрчэн сама-
ни дичини, тотара кури-кури би унгчүхумби дяпагора,
туй яями дэрүхэни:

«Чик, чик! Чик-чи-рик!

Коламба муэду ичэхэни!

Чик, чик! Чик-чи-рик!

Таоси нёани тухэни!».

- Аба, тэй колан биэсини! - Гаки моралохани, - Си, Эрчэн, оркин саман тачи! Си, арган, делэнкуси!

Эйду-тул агана Эрчэмбэ оmodиади пунгнэгухэчи, тотара Сакси самамбани Гакиканду хэрсихэчи. Саман, хайди-да Гаки нгэлэми энулухэмбэни, пангагоани. Омо барони Сакси самани ихэни, тотара сахарин унгчухумби дяпагора, туй яями дэрүхэни:

«Ми Сакси саман тамби, сак-сак!

Уйлэ пэгилэ, дэгдэчиэмби, сак-сак!

Чаду тангма бичини, сак-сак!

Тангмади си нгэлэхэси, сак-сак!»

- Аба, тэй тангма биэсини! - Гаки моралохани, - Си, Сакси, оркин саман тачи! Си делэн арканкуси!

Эйду-тул агана Саксива оmodиади пунгнэгухэчи, тотара Кэку самамбани Гакиканду гэлэхэчи. Саман, хайди-да Гаки нгэлэми энулухэмбэни, пангагоани. Омо барони Кэку саман дичини, тотара топ-топ би унгчухумби дяпагора, туй яями дэрүхэни:

«Кэкук! Кэкук! - дяриамби,

Хэлэн дилгандии ундэмби:

- Биава муэду ичэхэси,

Нгэлэми муэчи тухэси!»

- Аба, тэй Биа биэсини! - Гаки моралохани. - Си, Кэку, оркин саман тачи! Си парган ниэчэнси!

Эйду-тул агана Кэкувэ оmodиади пунгнэгухэчи, тотара Папи самамбани хэрсихэчи. Омо барони Папи саман дичини, тотара нёнгиан унгчухумбэ дяпагора, туй яями дэрүхэни:

«Па-па-па! Ми тэрэк ундэмби,

Муэду адимба, си, ичэхэси!

Па-па-па! Ми тэрэк пангамби,

Адинчи си пуйкухэси!..

Адин муэчи игухэни,

Гакикамба гадёхэни!..»

- Гак ! Гак! - Гакикан морахэни, хасардии масиди хархихэни:

- Си саман, Папи, тэрэк намбохэси, будиивэ нэ хорихэси! Гак! Гак! Эси ми ая очогохамби, дэгдэчими-дэ, тэде, отолихамби!

ХОНИ АКТАНКА ХАЛА ОЧИНИ

/тэлунгу/

Мухэн онини долани эм дёо илисихэни. Тэй дёгду а-нэу балдихачи. Ангни гэрбуни Ванчо, эктэ нэуни-тэни Майла. Майла улэн, гучкули, пакси паталан. Нёани дёгду хайва-да хэм тэнг улэнди этхихэни.

Эм модан, Ванчо горочи Мэкэн хурэнчиэни энэхэни. Майла дёгду бичини. Нёани, мэнэ улпии илгава дяпагора, улпими дэрүхэни. Туй улпими-тул, Майла мэнэ дола дярилохэни. Боала, тэнг уйкэ дадоани уй-ну, уй-ну нё-

ани дяривани амдай-мат, пиокиачилохани.

- Эй-кэ, сайна, ага дидюхэни, - Майла дола мурчихэни. - Ми дярива нёани амдайни?..

Майла, тургэнди накандиади илигора, уйкэвэ элкэ нихэлирэ, боачи гурпункини.

- Ага! Си зугухэси? - даиди Майла мэдэсихэни.

Уй-дэ эчиэ дилгандани. Майла уйкэвэ даиди нихэлирэ, боачи неичэхэни. Туй тамы-тул тэнг мэнэ дюлиэлэи, Майла пурэн Амбамбани ичэхэни. Амбан Майла поктовани бай лип дасими аохани.

- Ага-а! - нгэлэми Майла морапсинкини.

Майла, уйкэ дадоани хумэси турэ, сонгоми михорачихани.

- Дама, гэ, ая, энурү? Буэ симбивэ эчиэ оркилапу!.. Амбан илигора, Майла насалчиани ичэдихэни, тотара най дилгандиани бай лэр дилганкини:

- Майла, эди нгэлэрэ? Ми симбивэ оркинди тасимби. Чихалай осини, мимбивэ дабал гиранду?

Майла эйду бади мангади нгэлэхэни. Эмуту эбэ-мэт, хэсэ ана очини. Нёани, сонгоми уйкэвэ тургэнди дасигора, дэнг-дэнг дяпачахани.

- Сайна, эй толкин, бидерэ? - Майла мурчихэни.

Таванки ини тайондоани пурэн Амбани, Майла барони пулсими пиокиачи бичини. Майла уйкэвэ нихэлини гэсэ, Амбан хаси най дилгандиани туй ундини:

- Майла, эди нгэлэрэ? Ми симбивэ оркинди тасимби. Чихалай осини, мимбивэ дабал гиранду?..

Майла уйкэи дасигора, хэмэ агби халачими тэсихэни. Дуилтэ бими Ванчо мочогохани. Майла сонгоми Ван-

чочи хэм гисурэгүхэни; хонь-да Амбан пиокиачивани, хонь-да най хэсэдиэни хисангсими, мэпии дабал Майла-ва гирамбованкичахамбани.

- Ванчо Майлава улэнди досодяра, Амбан оркинди тасивани отолира, нэучии туй ункини:

- Поя, Майла, чимана ми хаси горо боачи токодямби. Гучи модан Амбан дидюй осини, ая, эди нглэрэ. Хэмэ нёамбани дабал гиранхари.

Диа иниэ Ванчо токойни гэсэ, Амбан хаси дидюхэни, тотара уйкэ дадоани лип апсинкини. Майла уйкэвэ нихэлини гэсэ, Амбан бай лэр дилганкини:

- Майла, эди нгэлэрэ, ая, мимбивэ дабал гиранду?

Майла, агби хэсэвэни дёнгора, аори Амбамба дабал гиранкини. Байг-да Майла гирандини, тэй Амбан эйду-тул аба очини. Хаоси Амбан энухэмбэни, Майла ичэми-дэ абани.

Таванки тэй Амбан Майла барони пулсиэси очини. Майла дёгду улпими дяри-да уй-дэ пиокиачиасини. Эси Майладу манга оркин, пайхапси очини. Туй би-дэ Майла, Ванчова халачими, дёгду хайвада хэм улэнди тахани.

Ванчо дёкчи зугүхэни. Майла гучи модан хэм гисурэхэни, хайми эси Амбан пулсиэси очимбани. Ванчо-да хал-хал мурчихэни, хамача дяка бими туй эрдэлэйни...

Оркин туэ исихани. На оявани ои симата тухэни. Туй би эринду, тэде, хайва-да хангпамбовасини, хайва-да вавасини. Лалори поргин очини. Туй би-дэ, Ванчо, хаси мэнэ поктои пулсихэни. Нёани, тэде, хайва-да варасини.

Эм модан, дуйси токопи, тэнг Мэкэн хурэни порондоани най пиокиачивани долдихани. Хонь-да мурчини-дэ,

сайна, Майла пурэн амбангони эрдэлэйни. Туй мурчирэ, Ванчо дёкчий эугуми дэрүхэни. Элэ дёгби исигодои, тэнг поктой долани эм даи Эхэ-нэктэ буйкимбэни ичэхэни. Буйкин нэктэ, эмуту кучэнди чир чалиохан-мат, долиндолани мокто бичини.

Амбан поктовани Ванчо ичэпи отолихани, тэй дяка нёамбани бэлэчивэни. Ванчо эйду-тул Амбан покточияни михорачими дэрүхэни. Таванки, хаоси-да Ванчо энэхэн-дэ эчиэ чор эугуэни. Амбан нёамбачи эй манга эринду хайди-да хэм оболахани: бочанди, тоди, мапади гучи гой-гой усэлтэсэлди.

Эм модан сиксэ Майла горола хурэнду Амбан пиокиачивани долдихани, тотара Ванчочи туй ункини:

- Ага, мимбивэ най хэрсигуйни. Эвэнки эди мимбивэ гэлэгурэ Ванчо отолихани, Амбан Майлава хэрсигуйвэни. Долбо, пакчи очогойни гэсэ, Майла хаоси-ну, хаоси-ну хурэнчи энүхэни.

Таванки Ванчо эмүчэкэн балдими мэтэси очини. Аоми-да аораси, сиами-да сиараси. Ванчо мэнэ нэуи Майлава дёнгоми дэлу-дэлу очини. Тотара сиун гарпайни дюлиэлэни тэрэ, Мэкэн хурэнчиэни энэхэни.

Тэй хурэн горо, гогда бичини. Чаду тэнг хурэн порондоани эм дёлома дёо илисини. Нёани эе-тая калтани, эмуту падиран-мат, килу-килу дёлосал илисихачи. Дёлома дёо порони-тани тэвэксэсэлчи ек бичини. Чала, эмуту сангнянди-мат, тэвэксэсэл эуси-таоси хэдункичи. Ванчо эй дёлосал долани Майла дилгамбани долдихани:

«Бэ-бэ, бэбэ-кэ! Поя, аору бэбэ-кэ! Бэ-бэ, бэбэ-кэ! Масиди урэру, бэбэ-кэ!»

- Майла! Майла! - Ванчо моралохани.

- Ага, эйду ми балдиамби, - долдигохани Ванчо.

- Майла, поя, дёкчи энугуэри?

- Ага, ачаси! - унгухэни Майла.

Эйду эм дёло сангардолани Амбан бэгдини агбинкини.

- Агдаси осини, ага, ичэру? Эй ми нглаи. Ванчо отолихани Майла эси най биэсивэни. Ванчо начи турэ, сонгоми дёлома дёкчи михорачихани.

- Ага, - гучи модан Майла дилгангохани.

- Ми хусэ пиктэвэ бахамби. Чава си тургэнди дяпагору? Туй таси осини, нёани-да амбанчи гойлингодяра! Нёани гэрбуни Актанка. Нянга даила урэйни, нэ най барони гадэхари? Нёани муруни хатан, чалани айктанку - Мэргэн одяра.

Майла туй уми, дёло сангардолани эм хусэ наондёкамба Ванчоду апогохани. Ванчо нучи Актанкава дёкчи гадэхани. Таванки, нянга наондёкан урэйни гэсэ, Мангбо кирачиани Сакачи-Алян ихончиани нуктэгүхэни.

Актанка, даиди урэми, маси, хатан Мэргэн очини. Хайди-да хэм найсалба бэлэчихэни, хайва-да хэм вахани.

Актанка Перменка хала паталанговачи улэсихэни, тотара тэй пудинди асилахани. Нёандоачи эгди пиктэсэл балдихачи.

Туй нани долани Актанка хала агбинкини. Нёанчи пурэн Амбандолани сэтэхэчи. Туй найсал тэлунгуйчи Актанка хала тэхэвэни.

ХАМАРИХАН КАЙЛАН

(тэлунгу)

Гарпай сиумбэ бачими
Мангбо кирадоани тэсиэмби.
Пуйси хэеди гучкулсими
Элкэ дола дяриамби.

Эйду ми туй дяридоива
Хамача-ну муэдиэди олокиана,
Сунгпун-мэт пакариа агбиндини,
Онёами минчи ланг одини.

Масиим-да нянга нгэлэхэмби,
Мапа-мат би кайламба ичэхэмби.
Ангмаи минчи тойгапи-тани,
Най-мат, бай лэр дилганкини:

- Хайми, поэт, эрдэ тэхэси?
Уйвэ си Мангбоду халачиси?
Бумбивэ-кэ, анда, гахсойси-ну?
Андарби-ка эйду халачиси-ну..?

- Аба, уйвэ-дэ ми халачиасимби,
Соивори дякава-да мурчиэсимби,
Амимби дёнгора Мангбоду тэсии,
Мэнэ кэсии нёандоани дярии.

- Хайгои мимбивэ туй аргасиси,
Сагди кайланди хай инектэйси?
Бумбивэ соивасу уй-дэ хэм сарини,
Тэде ундэмби, кама минду иламони.

Илан танго айнгани пулэмиз
Гой най оркимбани хоасиамби.
Эй инициэ балдими, тэде,
Эси-мэт синди бачихамби,

Эвэнки будэлэ балдиохан,
Эси-лэ, гудиэлэ, хориохан!
Мимбивэ улэнди досодяру,
Тотара байтапова ачору?

Минчи туй кайлан хисангойни,
Нимокта тэмбулиэ тэлунгуйни:
- Эй байта балана очини,
Чава сари най эси абани...

Боава, нава ангопи-тани хайлара,
Ини, долбо, эм аорами, Эндур-Ама
Намо боачандоани тэсихэни,
Бичхэвэ найсалду нирухэни.

Тотара нёани бумбивэ
Гэрэн колан-усэлтэвэ,
Тэй боачанчи гадёхани,
Эйду-тэни туй ункини:

«Улэн оркин-да ми сумбивэ балдиванкимби,
Силай нава чу бонгодо пулсивэнкимби.
Туй тами сумбивэ такораорива мурчии,
Эй бичхэсэлбэ найсалчи ирайвасу гэлэи.

Чихалай гурунсэл минчи нэ михорандусу!
Маси мурундиэри минчи лэр дилгандусу!
Тэй акаду даи кэсивэ будемби,
Эну ана балдигоани нэдемби!»

- Эндур гиодами хэмэ тэсихэни,
Сиун балана толим игухэни.
Уй-дэ эчиэ дилган-да.
Уй-дэ эчиэ михоран-да.

Пурэн амбани кэксэ-мэт, кэчингухэн.
Маси гусисэл-дэ гукчурэк тэгухэн.
Сангпар оронсал очойган очичи,
Сирмудиэри лакпахан-мат, сиргундичи.

Чиалан гивана сэмди сэнэгуйни,
Туй тами-да уй-дэ дилгандасини.
Сунгпунсэл-мэт хэмэ тэсихэчи,
Диа диасилчиари ичэдихэчи.

Чаду-мат ми дамимби,
Чу даи кайлан - амимби,
Эндур эденчи михоранкини,
Тотара туй дэрүхэни:

«Муэвэ ми, малта-мат, паориамби.
Нава-тани, мапа-мат, пукчиэмби.
Эй байта минду-рэгдэ аяни,
Эйвэ си, Эндур, чихалай осини...»

- Таванки дама дарамачиани
Дангсасалба Эндур камдохани.
Нава хэкпэ пулсими,
Голосалду бичхэвэ бугуэни.

Намо умбури Мангбо биэсини,
Вата чаду, хомаран-мат, гогдани.
Намова даогоми гудизлэ дамимпу
Кэтэлэ буйкини манга пухсинду.

Туй тами-да дангсасалба хорихани,
Тэнг суэнгивэ-рэгдэ чаду тугбухэни,
Эсидэ-лэ суэ дангсасу намоду бини,
Уй-дэ чава эси баогоасини.

Туй тамари суэ бичхэ ана очису,
Туй тамари суэ бумбивэ соису!
Илан танго айнганива ми сонгоамби,
Симбивэ байчами, хэкпэ пулсиэмби.

Тэдеси осини, дарамачиива ичэру,
Эндур бичхэсэлбэни чаду холару.
Лактохан бичхэсэл тэпэмди очичи,
Илгасал-мат, чуктурэк тэсичи.

- Поэт, ая мимбивэ гудиэсиру,
Олбиачии байтапова ачору?..
Сии-рэгдэ эйвэ мутэйси,
Поэт, си чу вайлинси! -

Сонгочи кайламба ми гудиэсихэмби,
Гиндёми нёанчиани туй унгухэмби:
«Туй би дяка осини, хай сонгори -
Эси-тул чава хэм ачори!..

Тотами си, кайлан, хамарихаси -
Илан танго айнганива аохаси!
Сумбивэ халачимари буэ чилахапу,
Айсима бичхэвэ буэ ангохапу!

Школаду нучикэндюэн балана тачиочи,
Мэнэ хэсэдиэри дангсасалба холайчи.
Ми-дэ нанай хэсэдиэни нируэмби,
Синди бачихамби гисурэмби!»

* * *

Кайлансалба халачими балдихан осини,
Пакчиду, сунгпунсэл-мэт тэсимчэпу.
Хончирами нёанчи-мат аохан осини,
Хайва-да сарами бали-мат балдимчапу!

УЙ УЙДУИ АРГАНКУ

/нингман/.

Балана долбо дидюхэни,
Хайва-да ичэвэси очини.
Гаки, сунгпунду досими,
Хангова чаду этурини.

Горола потарак осактасал,
Гакиди инэктэй-мэт дэнгэричи.
Поалдоани амоанду согдатасал,
Гакива гиндёй-мат, сомойчи.

Гивана чамди осиючиани,
Амоанчи Мапа эухэни.
Сунгпунду Гакива ичэпи,
Эйду-тул мэдэсихэни:

- Хайва, Гаки, этуриси?
Долбо тиап эйду сиргундиси?
Эгди согдатава вахаси-ну?
Минду-дэ нянга буриси-ну?..

Гаки Мапава ичэпи,
Мангади агдахани.
Эйду-тул тунгэмби дуктэми,
Хангова соилохани:

- Хамача чукин Ханголаи
Мимбивэ толим аргалахани.
Эйлэ-тэни, тэде, ундэмби
Насалбачи-рагда чокидямби!

Гаки хэм гисурэхэни,
Мапа инэктэми дэрүхэни.
Сунгпумбэ нихир-нихир дигдасоми,
Онди, хумэси, даголахани.

- Гаки, эди си сонгора,
Хангокан мангава бадяра.
Амоамба эйду хэм омидямби,
Мэпии мактами-да ундэсимби!

Амоан эйду ичэуриди,
Эмуту пагой-мат, абанайни.
Агдахан Гаки-тани хатанди,
Хангова гигдочими дэрүхэни.

Ханго атарими морайвани,
Соли дуйлэ долдихани.
Муэвэ оми мапава ичэпи-тэни,
Хэмдэлэни олокиана анахани.

Эйду Мапа олора,
Муэвэ хэм чиндагохани.
Дюкэн-дюкэн илигора,
Чочагой Солива ичэхэни.

Бологодапа Мапа Соликава
Дуэнтэду хасими чилахани.
Эм модан ониканду Мапа
Хэсиктэку Солива ичэхэни.

Соли камдомба пуюми,
Хайва-ну яами тэсихэни.
Хэсиктэди бэеи лактоми,
Эмуту мэури-мэт, талохани.

- Эй-кэ, сайна, си?
Мимбивэ вадёлихан Соликаси!
Ми симбивэ такохамби,
Хонь тахан-да вагодямби!

Соли Мапачи кэчэрингурэ,
Насалби аргамосо нэкурэ,
Хэсиктэку бэеи ичэучими,
Мапачи туй унгухэни:

- Мапа, си хони тайси?
Сайна, си эндэхэси?..
Ми хэсиктэку Соли тамби,
Чалани гучи саман тамби!

Чихалайси осини баогори,
Байгоамбаси нэ дяпагори.

Бонгодо насалби камдора,
Гэсэ эйду онгасара,

Толкинду байгоамба ичэгудепу.
Хонь бичин Соликава сагодяпу.
Мапа Солива тэдехэни,
Тотара насалби камдохани.

Ядахан Мапа апсинкини,
Эйду-тул хончирами дэрүхэни.
Толкинду Солива хасисими,
Сикучи, сэмпэчи талохани.

Арганку Соли-тани тэгүрэ,
Инэктэми хангиси энурэ,
Хэсиктэи хэм силкогохани,
Тотара дуйси чочагохани.

Боло балана бологойни
На коах-коах гэчигуйни.
Симата хэмпэ тухэни,
Мапава чам дасихани.

Нонгдиду мосал пикоричи,
Курэктэ кэндэли котаричи.
Мапа хайва-да долдиасини,
Насалби-да нихэлиэсини.

Сиун уйси токолохан,
Симата наду улүхэн.
Дуэнтэду хонгдан очини,
Эйду-мэт Мапа тэгуйни.

Сэнэгүхэн Мапа нгэлэхэни,
Хайва-да ичэси очини.
Морами, насалби хоскачини,
Дюкэн насалби нихэлихэни.

Балана Мапа насални,
Комбо-мат, даи бичини.
Гудизлэ, эси-тэни
Сойракта-мат, очини.

Гогда хурэнду Соликасал,
Дёан илан арганкосал,
Токиди эйду сусуэкэчичи,
Дуэнтэвэ хэмпэ хоаландичи.

Мапа чава долдипи,
Будурими таоси толохани.
Нёамбачи ланг исипи,
Хэсиктэку Солива мэдэсихэни:

- Хэсиктэку Соликамба сарасипу,
Балдихандиари ичэмэри-дэ абапу.

Хэсиктэку соли би осини, ичэру,
То тэй Биачи мэдэсіндэру?

Нёани насални даи,
Улэнди долбо ичэйни.
Чихалай осини, токиду тэру -
Тотара тэй биачи димару?

Дёлова мэндии дяпару,
Хэсиктэку Соличи нангачиру
Симбивэ буэ аргаласипу,
Хэмтудиэри эйду халачидяпу.

Тэргэдэй Мапава тэвэн-дэ,
Дёлова токичи тэучихэчи.
Кас би хурэнчи энэвэн-дэ,
Мапава пэйси анахачи.

Мапа тугуйвэни ичэдимэри,
Соликансал агданасихачи.
Хуйгудиэри дуктэмэри,
Мэнэ мэлэри мактахачи.

Эйду-тэни арганку Солика,
Чихинчи тургэнди токора,
Хуйгуи уйси зурихэни,
Тотара туй дэрүхэни:

- Ми хэсиктэку Соли тамби,
Эй Мапава ми вахамби!
Энүэвэ мамачи гэлэндэусу,
Мапава минду пуюндэусу!

Энүэвэ Соликасал гэлэрэ,
Мапава пуюндэмэри энэхэчи.
Бояхан токичи зугурэ,
Чаду Мапава хуэдэхэчи.

Мапа-тани бэгдии боялира,
Ирчигоми хаоси-ну энүхэни.
Таванки-тани, хайлара,
Бэгдини хуйру очини.

Соликасал катава бахачи.
Энүэвэ начи нэхэчи.
Хони эси ирагори?
Хони мамава аргалаори?..

Соликасал, туй мурчимэри
Диа диавари аргалайчи.
Ини тиап тэсимэри,
Диа диавари аносичи.

Туй там-тул арганку Солика
Мэпи мактами дэрүхэни:
«Элэ буди мамачакамба-ка
Буэ хай аргалавасини?..»

Эйду-тул энюэчи пуйкухэни,
Тотара диасилчии унгухэни:
- Мимбивэ мамачи ираосу?
Нёанчиани туй унгусу:

- Эй Соли туримбэсу сияхани,
Чалани-тани буэ нёамбани,
Мама, синду вахапу,
Тотара синчи ирахалу!... -

Мимбивэ эди суэ гасасу,
Ми-мэт мурункуди балдихарсу!
Мапава-да ми аргалахамби,
Найва-да ми аргаладямби! -

Эньюэвэ Солисал хоанколара,
Мама дёкчиани ирагойчи.
Уйкэчиэни ланг илиндара,
Хуйгудиэри дуктэлуйчи.

Мама уйкэи нихэлихэни,
Дёан дюэр Солива ичэхэни.
Соликасал дёкчи ихэчи,
Тотара наканду тэхэчи.

Мама мангади агдахани,
Дамахи́ва эйду-тул туихэни.
Солисал понгтоар омилойчи,
Мамава эйду макталойчи.

Дамахиди соктомари,
Мэнэ сола хисангойчи.
Мамади инэктэмэри,
Сои, гаксой талохачи.

Мама эйду аякталара,
Уйкэи дэнг-дэнг якчигора,
Паваи сигуми дэрүхэни,
Дёгду пакчи очини.

Мамачи Соликасал, ичэдимэри,
Хал-хал эйду тэсихэчи.
Поани эрдэнгэсимэри,
Дола туй хисангохачи:

- Сангнян ниэрэси огоани,
Сайна, мама дасигойни.
Бунду улэн осигоани,
Гудизлэ, бусэсини. -

Сингэрэ омовани-да
Мама хэм сихэни.
Тэнг голдёмби-рагда
Мама онгбогохани.

Сэлэмэ молдёи дяпагора,
Омолби улэнди татагора,
Мама Солисалба дуктэлуйни,
Дуктэми, туй пакпарини:

- Арганбасу балана сахамби,
Эйлэ-тэни сумбивэ дуктэмби!
Найва хали-да аргаласису.
Эйвэ будэлэ отолидясу!

Дэгду хоан очини.
Мама енуэвэ бахани.
Эмун-дэ эчиэ энуэчи,
Хэм соктокто бичичи.

Тэм арганку Соли-рагда
Дамахива ичиэ омиани.
Мама онгбохани голдёндола,
Пака-пака ниегухэни.

Таванки сэгден Солика
Сахарин Авата очини.
Тэнг нёани дармадоани-рагда,
Пуниктэнсэл чарак лактохачи.

TACUMA НИНГМАНСАЛ

ТАСИМА

Дай Мангбо кирадоани эм мапади, эм мамади, балдихачи. Мапа гэрбуни Гарга, мама гэрбуни-тэни Нидэ бичини. Туй гэсэ балдимари хусэ пиктэгуэри тул-тул мурчихэчи. Туй мурчихэн-дэ сагдангодала хусэ пиктэ-дэ, аси пиктэ-дэ ана балдихачи. Голдён дюлиэлэни иинэ Тиэп Гарга тэсими, сарби кучэндии сэгден урэктэвэ часоми, нучи гурун хупикэмбэни ангосихани: буриwэ, лэкэсэлбэ, дөгбова гучи гидава.

Мама Нидэ-тэни дякпадоани сактанду тэсими, тэнг гучкули илгасалди улпими, нучи гурун ахоравачи ангоктахани: унтисэлбэ, апомба, тэтуэwэ гучи качамава.

Эм модан, мама, такточи токпачира, холгохан дава чапасалдиани эм дай эпэн-тасимава ангохани.

- Гарга, синду ми тасимава пикихамби, - мама унди-ни. -

- Мапа, чава тунгэлэрэ дуэнтэчи хайва-да вандару?

Мапа чихалахани.

- Ма-а! - ундэ мама тасимава мапачи монгмолахани. Тасима, эмуту хасарку-мат, уйпэ кэргизэндэ, тэнг мапа тунгэнчиэни тугухэни.

- Бачигоопу, дама Гарга! Бачигоопу, даня Нидэ! - эйду-бэки най хэсэдиэни чолчира, гучкули дилгандии дяри-лохани:

«Ми наондёкан Тасима! Тасима!

Чапади ангосиохан найкан, хани-рани-на!

- Туй тамы ми сиун-мэт - айсима! Айсима!

- Суэ омоли пиктэсу чападакан, хани-рани-на!»

Мэнгумэ дилгандии Тасима дяrimi, мапа тунгэндуэ-ни пуйкунэсихэни. Мапа, мама, нимокта тэмбулиэ агда-хачи. Нёанчи, эси-мэт, чу кэсику очичи. Эуси-таоси Та-симава намасимари, айсима дэрэлбэни одёктахачи.

- Дама, хаоси баргичайси? - сагди Гарава Тасима мэ-дэсихэни.

- Поя, дуэнтэчи вайчандии, - Гарга унгухэни.

- Сагди най туй тамы ачаси, - дилгангохани Тасима. - Эси, дама, ми мэнэ вайчами пулсидемби. Хачин дяка-салди сумбивэ элэдэлэ омиванди, сиаиванди, тадямби.

- Хони, Тасима, вайчайси? Симбивэ сэгден солакисал сиядяра. Симбивэ сахарин гакисал гараладяра, - сонго-хани Нидэ.

- Хаоси, Тасима, тоичайси? Симбивэ хуктэку енгурсэл хэрчидерэл. Симбивэ айктаку мапасал аргаладярал, - нимочими, Гарга унгухэни.

Тасима, пакакан-мат, уйси чормок-чормок пуйкурэ, паланду бай чангсор илигопи туй унгухэни:

- Дама Гарга, ангоктахамби хадёнсалба минду буру? Чаду-мат си сагодячи. Даня Нидэ, улпихэмби ахоради мимбивэ тэтувэнду? Чаду-мат си ичэдечи.

Мапади, мамади, чихалахачи, тотара Тасимава баргихачи. Мапа, мама, дюлиэлэчи-тэни Тасима, эмуту мэргэн-мэт, бай чэк-чэк илигора, михоранкини:

- Пэдэми, дама Гарга, дэрэдигуру! - Пэдэми, даня Нидэ, дэрэдигуру! Мимбивэ эди суэ гасасу, улэнди мимбивэ халачихарсу?

Туй уми, Тасима уйкэлэ кэргиэми боачи ниэхэни. Таванки-тани дуэнтэ удэвэни пуйкунэсими энэлүхэни. Нёани нгаладоани бури гучи лэкэсэл чэк-чэк бичичи. Омоладой-тани ваними гидава ирчихани.

- Си уй дяка? - олокиана ванимиди сианку дяка сиоди-ади мэдэсихэни. - Си лоча Колобокани биэсиси?

- Аба! - Тасима дилганкини, тотара гучкулиди дярилохани:

Ми наондёкан Тасима! Тасима!

Дава чападиани пикиохан, Хани-рани-на!

Тотами чу гучкули - айсима! Айсима!

Манга мэргэн-чападакан, хани-рани-на!

- Си ванимиди сианку уй дяка? - сарасии дякава Тасима мэдэсихэни.

- Ми Гормахон! Амтаси пумбэси ми уйнгэхэмби, эси-тул симбивэ, Тасима, сиядямби!

- Гормахон, Гормахон, эди мимбивэ си сиара, - Тасима унгухэни, - бонгодо намбокамба намбору?.. Намбой осини, мимбивэ си сиядячи. Намбоаси осини, хэмэ дама Гаргачи, даня Нидэчи, энэдечи.

- Ая! - чихалахани Гормахон, - гэ дэруру?

«Дуэнтэду эм най туэ, дёа, тэсини. Туэгуйни гэсэ, нёани чагдян апомба тэтугуйни, дёагойни-тани апон ана тэсини?..»

- Ха-хай! - инэктэлүхэни Гормахон, - эй буэ гормахонсал! Дёа буэ сахарин тэтуэвэ тэтугуйпу, туэ-тэни буэ чагдяди калагойпу. Ми тэрэк намбохамби!

- Аба, Гормахон, - Тасима унгухэни, - эчиэ намбоаси! Си минди гэсэ энэдечи.

Таванки нёанчи дюэрукэн: Гормахонди, Тасимади дуэнтэвэ энэйчи. Олокиана мосал алдандолачи эм кури-кури би дяка агбинкини. Сарби хуктэдии катар-катар тахани.

- Си уй дяка? - нёани мэдэсихэни. - Си лоча Колобокани биэсиси?

- Аба! - Тасима дилганкини, тотара дяrimi дэрүхэни: Ми Тасима! Тасима! Хани-рани-на!

Чапади ангосиохан наондёкан.

Тотами айси-мат пудэндии, хани-рани-на!

Хайди-да нгэлэси чападакан!

- Си, кури-кури би, уй дяка? - сарасии дякава Тасима мэдэсихэни.

- Ми Енгур! Сиодиadi дирган пумбэси уйнгэхэмби! Эси-тул симбивэ, Тасима, лумбэдемби!..

- Енгур, Енгур, эди мимбивэ лунгбэрэ, - Тасима унгухэни, - бонгодо намбокамба намбору?.. Намбой осини, мимбивэ лунгбэдечи, намбоаси осини, хэмэ дама Гаргачи, даня Нидэчи энэдечи.

- Гэ, ая! - Енгур чихалахани. - Тургэнди, Тасима, тэп-
чиру? Демуди отоми элэ будэмби!..

«Эм еруду дуин адо-ахондосал балдичи. Нёанчи чими
тэмэри, диа диадиари мэлделуйчи. Тотами уй-дэ уйвэ-дэ
муэрэси, уй-дэ уйвэ-дэ хангпандаси. Сиксэгуйни гэсэ, эм
боаду очогойчи, хончирамари гэсэ аоричи?..»

-Энэ-нэ! - морапсинкини Енгур, - намбохамби! Нам-
бохамби!

Эй буэ ахондо енгурсэл! Дуин адо пиктэсэл! Хаоси эниэ
энэй осини, таоси буэ пукчиэпу, ядапари-тани эм боаду
аорапу!

- Аба, Енгур, - Тасима унгухэни, - эчиэ си намбоаси!
Си-дэ минди гэсэ энэдечи.

Таванки нёанчи иландиари: Гормахон хамиалани Ен-
гур, Тасима хамиалани Гормахон - дуэнтэвэ энэйчи.
Олокиана хурэндиэди эм сахарин лэксэ-лэксэ би дяка
агбинкини, тотара илгианкини.

- Си уй дяка? - нёани эйду-бэки мэдэсихэни. - Си лоча
Колобокани биэсиси?

- Аба! - Тасима дилганкини, тотара дяrimi дэрүхэни:
Ми наондёкан Тасима! Тасима!

Чапади ангосиохан чападакан, хани-рани-на!

Тотами чу гучкули - айсима! Айсима!

Хайди-да нэлэси мэргэкэн, хани-рани-на!

- Си, лэксэ-лэксэ би уй дяка? - сарасии дякава Тасима
мэдэсихэни.

- Ми-Мапа! Дирган пундулэси ми сэнэгүхэмби! Эси-
тул симбивэ сэкпэндемби!

- Мапа, Мапа, эди мимбивэ сэкпэндэ, - Тасима унгу-
хэни, - бонгодо намбокамба намбору? Намбой осини,
мимбивэ сэкпэндечи,

К намбоаси осини, хэмэ дама Гаргачи, даня Нидэчи, энэ-
дечи.

- Ая, - чихалахани Мапа, - тургэнди дэруру, намбокам-
ба гисурэру?

«Нёамбани тонгалай осини, эм боаду кочирангои.
Сэкпэнди осини, пэмун силтэри. Пачилай осини, май
сэпэрси. Амбанди-да нёани нгэлэси, мапава хагдондиа-
ди пунгнэгуи?..»

- Ми-кэ, кама, нгэлэмби, - ункини мапа.

- Уйди си нгэлэйси? - мэдэсихэни Тасима.

- Хэрэдекэди, - унгухэни мапа, - нёани ивони!.. Туй
хисангора, хэмэ очогора, олокиана морапсинкини:

-Аян! Аян!.. Нёамбани хуктэ-дэ дараси, нёамбани май-
да вараси!

- Аба, Мапа, - Тасима унгухэни, - эчиэ намбоаси! Си-
дэ минди гэсэ энэдечи.

Таванки нёанчи дуиндиэри: Тасима хамиалани Гор-
махон, Гормахон хамиалани Енгур, Енгур хамиалани
Мапа - дуэнтэвэ энэлүхэчи. Туй энэйдүэчи олокиана сун-
гпунсэл алдандолачи сэгденди хуйгуку дяка агбинкини.

- Си уй дяка? - хуйгудии морянг-морянг тами мэдэси-
хэни. - Си лоча Колобокани биэсиси?

- Аба! - Тасима дилганкини, тотара хэлэнди дярилохани:
Ми наондёкан Тасима! Тасима!

Чапади ангосиохан найкан, хани-рани-на!

Тотами ми гучкули - айсима! Айсима!

Чу мурунку мэргэн-чападакан, хани-рани-на!

- Си, сэгденди хуйгуку, уй дяка? - сарасии дякава Тасима мэдэсихэни.

- Ми Солаки, на оялани чу гучкули! - пэмумби илэчи-ми дэрүхэни. — Боа долани ми бобой! Пэкэси пэмумби симбивэ пэргэйчини, сиумэ сирмуи симбивэ сияичайни!

- Солаки, мимбивэ пэмундии эди пэргэйчэрэ, сирмудии эди сияичара! - Тасима дилгангохани. - Бонгодо намбокамба намбору? Намбой осини, мимбивэ пэргэдечи, намбоаси осини, хэмэ дама Гаргачи, даня Нидэчи энэдечи.

- Ая! Хай чава гасайси? - чихалахани Солаки, - Минчи ланг, Тасима, осирү, тотара намбокамба сиянчиива симуэчиру?

«Нёани согдатава вайчасини, тотами ини, долбо ваними багбава ирчини. Дюкэвэ тади аба дочиасини, тотами ини, долбо сиясин ана пулсини?»

- Эй-кэ, сайна, си амтаси чападакан! На оялани, пакакан-мат, сиясин ана кэргизэндиси! Эй-кэ, сайна, си наондёкан! Боа удэвэни, сиун-мэт, сэм пүдэндиси! Ми симбивэ, Тасима, такохамби, эси-тул симбивэ лунгбэдемби!

Тасима барони Солаки хукчүхэни. Тасима-тани, эму-ту хасарку-мат, соли дарамачиани пуйкүхэни. Тотара Солаки дарамавани эуси-таоси кэргизэми дэрүхэни. Солаки манга чирива бахани, дуэнтэ та оралдидиани инэк-тэлүхэни.

- Арганку Солаки, эчиэ си намбоаси! - имдарди кэрги-

эми Тасима морахани, - си-дэ хэмэ даня Нидэчи, дама Гаргачи энэдечи!

- Ая, чихани хулунгуру? - ядахан Солаки чихалахани. - Кама, мимбивэ толим аргалагохаси!

Таванки нёанчи тойнгадиари: Гормахон хаминалани Енгур, Енгур хаминалани Мапа, Мапа хаминалани Солаки, Солаки хаминалани Тасима - Мангбо кирачиани эугуйчи. Гидава чэк-чэк дяпачими мапа Гарга, мама Нидэ дёкчиани Тасима далигойни, тэнг енуэ дилгандии дярини:

Ми наондёкан Тасима! Тасима!

Чапади ангосиохан - айсима! Айсима!

Дамачи, данячи будуригуэмби, хани-рани-на!

Хачин бэюнсэлбэ хэтэгүхэмби, хани-рани-на!

Гаргади, Нидэди Тасима дилгамбани долдихачи, тотара боачи ачандамари ниэхэчи. Мэнэ дюлиэлэри Гормахомба, Енгурбэ, Мапава гучи Солакива ичэпэри, тэрэм энэхэчи.

- Даня Нидэ! - морахани Тасима. - Ичэру, хониа эгди непултэсэл. Дама Гарга! - морахани Тасима. - Ичэру, хониа эгди уликсэсэл.

- Тасима, аба, непултэвэ буэ хай гэлэдепу, - унгухэни Нидэ.

- Тасима, аба, уликсэвэ буэ хай мурчидепу, - унгухэни Гарга.

- Нёамбачи нэ чиндагору, мэнэ пурилчиэри мэнэ энугуэчи.

- Дамана, даняна, туй тамы ачаси! Нёанчи минду пэрэхэчи, ми намбокамбиива сарасичи!..

- Туй би осини, Тасима, си мурун, - дилгангохачи ма-
пади гучи мамади.

- Диасилби дёкчи ивэнду, тотара улэнди тэвэнду. Эй-
ниэ, Тасима, си кэсиси! Эйниэ, Тасима, си балдихаси!

- Ура-а! - эм дилганди Гормахон, Енгур, Мапа гучи
Солаки, моралохачи. - Тасима балдихани ини! Тасима
балдихани ини!

Тотара кэндэли Тасимава хордингора, дуэнтэчи подар-
кава ганигогоари чиндамба гэлэлүхэчи.

- Тасима, Тасима, - данини элкэ дилганкини, - ая, поя,
чиндару? Буэ нёамбачи дёгду халачимари баян дэрэвэ
баргичидяпу.

- Гэ, ая, - чихалахани Тасима.

Эйду-тул Гормахон, Енгур, Мапа гучи Солаки, хаоси-
да хэм дуэнтэчи бай сар пагдялагохачи.

Таванки бэктэн бипэри, нёанчи хэм мочогохачи: Гор-
махон хордапунду могосалба, амтакасалба гадёхани.
Енгур уликсэвэ гадёхани. Мапа даи коангсаду амтаси
каксова гадёхани. Солаки эгди хачин согдатасалба гадё-
хани.

- Кама, агдапси! - Нидэ ункини, - дёкчи ирусу?

- Кэси хай-да! - Гарга ункини, - дэрэчи тэрусу?

Нучи нэктэкукэн дэрэ оялани хачин сияптангисал би-
чичи. Даи нучи, дава чападиани ангохан эпэнсэл, эмуту
айсин-мат килтолимари, сугбинкичи. Нёанчи дурунчи,
Тасима-мат, гучкули бичичи. Пукчэ-пукчэ илгаку саха-
рин дутунсэл, эмуту шоколадка-мат, амтасихачи. Хэкпэ
огосансал гучи судули пунчи сургихэчи. Парпин тала-
да чаду сэр-сэр бичини.

- Андахасалдо-ла ми чу даи тамби, - дэрүхэни Мапа. -
Тэде, буэ эм намбокамба-да эчиэ намбоапу. Чава эси
мурчивэси. Эси буэ Тасима чу улэн доха диасилни очипу!
Тотамари буэ Тасимава нёани балдихани Иниди ба-
чаапу!

- Ура-а! - дур моралохачи. - Тасима, буэ симбивэ улэ-
сиэпу! Намбокамбаси намбоасилари хаоси-да энүэсипу!..

- Чава хай мурчису, - даня Нидэ ундини, - гэсэ намбо-
качиори.

- Чава хай гасайсу, - дама Гарга ундини, - намбоаси
осини, нучи гурунсэлчи бэлэчимбэ гэлэури. Нёанчи хэм
саричи, нёанчи хэм намбойчи.

- Ура-а! - гучи модан моралохачи, - нучикэндюэн, бэ-
лэчиусу? Тасима намбокамбани намбосу?..

Таванки Гормахон, Енгур, Мапа гучи Солаки Таси-
мава намангохачи, тотара дургимэри дярилохачи:

Тасима, Тасима, симбивэ банялайпу!

Айсима диавари хали-да онгбаосипу!

Эвэнки гэсэ дүлэси энэдепу,

Дай ахондоди гэсэ балдидяпу.

Дама Гарга, баниха! Хани-рани-на!

Даня Нидэ, баниха! Хани-рани-на!

Улэн пиктэвэ суэ бахасу,

Миаван диагоапова бухэсу!..

Тасима намбокани туй бини

1. Гормахон намбокани – Чихин.

2. Енгур намбокани – Бэгди.

3. Мапа намбокани – Пунчилкэн.

4. Солаки намбокани – Сингэрэ.

ЭРДЭНГЭ ПАЛОА

Эм боаду эм мапади, эм мамади балдихачи. Туй балдимари нёанчи пиктэ-дэ ана бичичи. Мапа балана боаточии ходихани. Наондён поктои илигоми-да мэтэсини. Ини - долбо энуси гирмаксаи пикичими хулди на-канду аохани.

Эм модан такточи мама тохани. Чаду ахирими, эм хородо опава бара, агданасими мапачи ункини:

- Гара, Гара, тэру? Мокамба дуйси молонду. Ми таси-мава эпэмигуи мурчиэмби.

Гара чорими тэгүхэни. Тотара топтова сүрэвэ дяпагора, гириачи томи дэрүхэни. Горо нёани тохани-ну, дидя мапа энэхэни-ну. Туй элкэ энэми, туй элкэ томи, тэнг даи мочи кэнкэлипи-мэт, мапа илихани. Энуси пэеи Гара тэмирирэ, тэй мова ярсими дэрүхэни. Хонь-да ичэйни-дэ, эй мо гогда холгона бичини.

- Эй-кэ улэн мо, - мурчихэни Гара.

Сүрэи дяпагора, мова чапчими дэрүхэни.

- Дама Гара, эди мова си тугбурэ? - уйлэ най дилгамбани долдихани.

Гара нгэлэхэни. Сүрэи хамаси нангалара, мо суэнчиэни ичэгүхэни. Тэнг нёани порондоани эм даи омо бичини.

- Нучи пурилбиивэ, дама, эди оркилара, - най дилгамбани оmodиади Гара гучи долдихани, - бумбивэ ая гудиэсиру?

Гара уйси дурбиэчими, тэй омоду гакива ичэхэни. Тотара мэнэ дичимби байтаи гисүрэхэни.

- Мапа, ми хэм сарамби, - гаки лэр дилгангохани, - симбивэ мамаси такорахани. Ая хай гасайси. Ми симбивэ бэлэчидемби, тотами эй мова эди чапчира. Эйлэ-тэни синду худирэкувэ будемби. Гара, ичэру? Эйвэ си уйчи-дэ эди гисүрэрэ. Эй худирэку, мапа, бобой дяка! Хайва чихалай осини, нёанчиани гэлэру, нёани симбивэ айсила-годяра.

Гакива улэн хэсэди банялагора, дёкчий Гара мочогохани. Тотара мамадии гэсэ тэгүрэ, хайва эй худирэкучи гэлэуриwэ мурчихэчи.

- Мапа, дему! Сиагоари гэлэгуэри?

Туй мама ундини гэсэ, худирэку, бай кургими кэндэлими дэрүхэни. Мама, мапа дюлиэлэчи баян котансал долачи хачин-хачин сияптангисал агбимари дэрүхэчи.

Мама, мапа эси-мэт элэдэлэ сияхачи. Тотара агданасимари понгтоар даивари тавогохачи. Туй дамахива омимари, Гара лэк дёнгохани элэ туэ исиндагойвани.

- Мама, мама, валяха. Элэ туэгуи! Бунду няма ахорасал аба. Гэ, пэргэми няма хадёмба гэлэгуэри?

- Мапа, си тэде ундиси, - мама чихалахани, - ая пэргэру?

Байгда мапа мама мэнэ долари туй тайчи гэсэ, худирэку бай кургими дёболохани. Эси нёани хамаси кэндэлими дэрүхэни. Сагди гурунсэл дюлиэлэчи хачин ахорасал агбимари дэрүхэчи: тэтуэсэл, унтисэл, апонсал, качамасал гучи гой-гой лэр илгаку дякасал. Туй мапади, мамади улэн балдимари дэрүхэчи.

Сагди Гара мурунку, улэн най. Нёани наондёндои

хайва-да вари осини, найсал таондоани оболай бичини. Уйвэ-дэ эчиэ оркилара, уйвэ-дэ эчиэ болора.

- Хони туй би баян дякади лалой диасилби бэлэчивэ-сини? - туй Гара мэнэ дола мурчихэни.

Гара диасилби бэлэчими дэрүхэни. Эси нёани худирэ-куни дёо таондоани дёбохани. Поани гурунсэлду сиаори дякава баргихани. Поани найсалду хачин тэтуэсэлбэ ангосилохани.

Ихонду най таони улэнди балдилохачи. Бобой худирэку найсалба бэлэчивэни Баян мапа сахани. Нёани манга кота най бичини. Баян мапа, мэнэ суркусэлдии гэсэ Гара дёочиани ирэ, худирэкувэ чихэни.

Эси сагди Гара дёогду лаломи тэсихэни. Ихонду би найсал-да хэм демуди отомари дэрүхэчи. Гара мамани ини - долбо сонгойни: сиаори дяка-да аба, тэтури хадёнда алихан.

- Хони эси туй балдиори? - наканду тэсими Гара гасехани.

Эйду-бэки нёани тэй гакива дёнгохани.

- Сайна гакичи токори, - мапа мурчихэни. - Нёани улэнниэчэн. Бумбивэ нэ гудизидерэ...

Гара чими эрдэ тэрэ, топтова, сурэвэ дяпагора, дуйси томи дэрүхэни.

Гойдами дуэнтэвэ нёани пулсихэни-ну, гойдами гири-ава нёани памачихани-ну, туй пулсимиэ, хаолиа холгона мочи тэрэк дидюхэни. Тотара мова чапчими дэрүхэни.

- Дама Гара, эди си чапчира, - гаки дилгамбани уйлэ долдигохани.

Гара, сурэи хамаси нангалагора, сонгочими, мэнэ бай-тай гисурэми дэрүхэни.

- Ая, Гара, хай сонгойси, - гаки най дилгандиани унгухэни.

- Ми хэм сарамби. Симбивэ габалан Баян мапа оркилахани. Чава, Гара, гасаваси. Ми симбивэ бэлэчидемби. На, дяпару эй палоава?

- Аба, гаки, хайгои ми палоава гэлэдемби, - ачканасихани Гара, - минду гучи худирэкувэ буру?

- Гара, Гара, сагди найду баямбори дяка хай тэдеку! - даи дилганди гаки ункини. - Наондёан очогори дяка - чу даи кэси! Балапчи-мат маси, хатан очогорива, хай, галойси?... Эй палоа, Гара, бай би дяка биэси. Нёани синду наондёан кусумбэ будерэ, мэргэн вайлин очогодячи. Сагдангохамби ачогойчи осини, мимбивэ улэнди долдиру?... Тэй палоади мэнэ дилилаи илан модан пачилай осини, эйду-бэки, сагдии сарами, наондёан бээди илигодячи. Гара, улэнди отолиру, тэнг илан модан пачилару?

Гара палоава тунгэлэгүрэ, гакива банялагора, дёкчийи эугүхэни. Мапа нгаладоани палоава ичэпи мама сонгоми дэрүхэни. Мамаду худирэку манга кайран бичини.

Гара мама дякпадоани тэгүрэ, гаки ункимбэни дэн дандиани гисурэгүхэни. Мама, насалби хаочигора, наондёан очогорива чихалахани.

Гара илан модан мама дилилани элкэ пачилахани. Туй тайни гэсэ, нёани насални дюлиэлэни сагди мама гойлингохани. Гара, эм агдами, мама дэрэлбэни тэмирими дэрүхэни. Тэде, сагди мама, паталан-мат, гучкули, наондёан очогохани.

- Мама, си-кэ, гэ, пудин! - агдами Гара морахани.

Гара, наондэан мамай дюлиэлэни илигора, эрдэнку палоава дяпагора, мэнэ дилии илан модан пачилахани. Нёани-да эйду-бэки гогда, маси мэргэн очогохани.

Таванки наондэан Гара мэнэ вайчай поктои илигохани. Хайва-да хэм вами балдилохани. Туй дуэнтэвэ пулсими, мэнэ поктодои сагди найва бачи осини, тэй найва Гара эйду-тул наондэан очогованди бичини.

Гара балдини ихонду эси сагди найва ичэвэсини. Эктэ хусэ гурунсэл - хэм гучкули наондэан бичичи. Тотами, тэнг Баян мапа-рагда гучи нёани суркусэлни ихонду сагди бичичи,

Баян мапа ини долбо мэнэ дёогдои худирэкувэ эуси-таоси кэндэлими дёбованкини. Нёани дёогдоани хама-ча-да хэм тиас-тиас очичи: тэтуэсэл, отасал гучи гой-гой снаори сияптангисал.

Эм модан хайла-ну Баян мапа суркусэлни эрдэнку палоава сара, Баян мапачи гисурэхэчи. Эйду Баян мапа мангади аякталахани. Нёани баямби этугуи наондэан очогорива мурчихэни. Эйду-тул, суркусэлбэ гаралами, Гара барони исиндахани. Тотара эрдэнку палоава чихэни.

Даи панячико дюлиэлэни тэгурэ, Баян мапа наондэан очогорива будурихэни. Суркусэл Баян мапава кэндэли илигохачи. Нёанчи Баян мапа хонь-да наондэан очогой-вани эрдэнгэсихэчи.

Баян мапа палоава дяпачими, мэнэ бочогохан дэрэл-би тэмирими, пилкихани. Нёани, нгэлэчими болдадиха-

ни. Туй тапи-мат, патарими, илан модан пачилахани. Суркусэл, эмуту олохан-мат, дур морапсинкичи, тотара, хамаси мичигора, Баян мапачи михоранкичи. Нёанчи дюлиэлэчи Баян - наондэан бээдии тэсихэни. Суркусэл нэлэхэмбэчи галоми, Баян аякталахани, тотара туй мо-рами дэрүхэни:

- Мимбивэ суэ будэлэ олованкису! Эси ми чу наондэ-ан тамби! Чу баян най очимби! Суэ-мэт сагди суркусэл-бэ ми гэлэсимби! Хаоси чихалай осини, таоси хэм энусу!..

Баян, палоади хархими, сагди суркусэлбэ пунгнэгүхэ-ни. Тотара эйду-тул уйкэи дэнг-дэнг якчигохани.

Эуси-таоси паламба дуэрэчирэ, гучи модан Баян па-нячико барони тэгүхэни. Нёани мэнэ-мэндии гучкулси-ми салилохани. Туй панячико дюлиэлэни тэсими, пава-чи нёани ичэгүхэни. Боала эгди наондэан гурунсэлбэ ичэхэни. Нёанчи хэм, нёани-мат, маси, наондэан бичи-чи. Поани гурунсэл Баяндой-да гучкули бичичи. Баян, мэндуй гучкули найсалба ичэпи, мангади аякталахани:

- Аба! На оялани ми чу баян! Ми чу гучкули! - олокиа-на Баян моралохани. - Тотами ми чу наондэан одямби!

Баян туй аяктачими морайдоани, нёани наондэан дэ-рэлни сэрбэр оми, эмуту сагдангой-мат, бочором-бочо-ром очини. Эйвэ панячикоду ичэпи, Баян мангади нгэ-лэхэни. Тотара эйбу-бэки мэнэ дилии палоади пачичи-ми дэрүхэни.

Хониа нёани палоади пачичихамбани, уй-дэ сараси-ни. Туй дёо оралдидиани морами-тул, Баян онди тухэ-

ни. Нёани морахани дилган эси, эмуту онгака сонгойни дилган-мат, очини. Палан оялани Баян, онгака-мат, нгаладии гучи бэгдидии вачал-вачал тахани.

Эрдэнгэ палоади нёани эгди модан дилии пачичихани бими, эси-тэни Баян мапа онгакади гойлингохани. Даи баян дёо долани нёани эмучэкэн «онгак-онгак» сонгоми, ини - долбо морахани. Уй-дэ нёанчиани ирэсини, уй-дэ нёанчиани кириасини. Туй Баян мапава нёани котани вагохани. Туй Баян мапава нёани баяни корхилахани. Баян дяка даи кисиако - аба кэси биэсини! Эйвэ уй-дэ хэм улэнди сарини!

СЭЛЭВЭ ЧАПЧИ ГОКО ГУЧИ ЧИНДЭ

Эм сэлэвэ чапчи най Гокоди гэрбуку бичини. Гоко умбури - улэн най, даиди мурунку. Чалани гучи, Гоко вайлин, пакси, бичини. Нёани сэлэди хайва-да хэм ангоми отолихани: гидава, сурэвэ, багбава, кучэмбэ, дёгбова гучи гой-гой хадёнсалба. Гоко паксивани гэрэн найсал долдихачи. Тотара нёани барони хэдиэди, солиади хамари дэрүхэчи. Эгди хачин сэсумбэ кэкчэхэчи. Сэлэвэ туй чапчи-да Гоко улэн вайчамди бичини. Нёани найсалди гэсэ боатоачими пулсихэни.

Гоко ахондо агасални тойнга мэргэнсэл бичини. Нёани тэй ахондола чу нучи - поянго. Эм модан Гоко барони нёанчи, гэсэ дидэ, туй ункичи:

- Хай ебэдуэни, Гоко, туэ си вайчайси? Тэй орондола-ни хэмэ сэлэвэ чапчихан осини, горо тэдеку бичин. Бун-

ду-дэ намчиан, найсалду-да улэн. Си дёбойси туримбэ-ни буэ мэнэ будепу: элэдэлэ сиавандяпу, гучкулиди тэту-вэндепу.

Агана туй хисангохамбани Гоко чихалахачи. Таванки нёани дуэнтэчи тораси очини. Тэнг мэнэ сэлэмэ дёбомби-рагда тэдючими дэрүхэни. Найсал сэсумбэни-дэ улэнди ангосилохани. Агасал хадёнгоачи-да паксиди баргилохани. Туй Гоко ини тиап улэнди дёбой-да, ахондо агасал ункимбэри хэсэвэ балана онгбогохачи. Хайва-да Гокоду бурэсичи, тэнг мэнэ сэсумбэри-рэгдэ мурчичи.

Гоко, туй эрулэми балдими, оркин мурумбэ бахани. Эси нёани арганко, габалан, очини. Най сэсундулэни хачин туримбэ дяпами дэрүхэни. Туй дяпахан-да, хайва-да ангоасини. Аргамби чиндами аори, сиари, талохани.

Эм модан, Гоко туй аоридоани чагдянди дилику Чиндэ дичини. Баки Гоко сияхани, пуртусэлбэ тамачигора, агданасими дяриими, нёани оявани донгдохани. Туй донгдоми, хонь-да Гоко палоади дуктэхэмбэни амдами, хэмдэвэни чокихани. Баки Гоко хайва-да

эм сарами, хайва-да эм долдиами, онди аоми хончирахани.

Боло эрин исихани. Дуйси боатой гурунсэл сэсумбэри гэлэн-дэгүхэчи. Баки Гоко хаси туй хончирахани. Дёава холими нёани эм дякава-да эчиэ ангоани.

Дуин ахондо агасални-да дичичи. Баки Гоко хас туй аоми хончирайни. Хониа нёанчи сэручи-дэ – аба, баки сэнэгуэсини. Эйду агасал аякталахачи, тотара Гокова

дуктэмэри дэрүхэчи. Гоко, эмуту буйкин най-мат, нико-
нико очини. Туй очин-да, хаси хончирахани.

- Элэ! Чихани, - даи акчи дилганкини, - чимана Гоко
ангоаси осини, ая, гучи модан дуктэури!

Агасал энүхэчи. Хонь-да нёанчи Гокова тойканким-
бачи, Чиндэ хэм ичэдихэни. Баки Гоко Чиндэду манга
кайран очини.

- Суэ аяктаку агасал мэнэ оркинсу! - мурчихэни Чин-
дэ.

- Улэн Гокова лангдан, баки, осиванкису! Туй тойкам-
бориду най хали-да сэчэн очогоаси!..

Чиндэ биранчи дэгдэхэни. Тотара гириа сэнкурэвэни
гадэхани. Дегдэхэн сиалбичи чава нэрэ, куэгэми дэрүхэ-
ни. Нёани туй куэгэйдүэни, хаолиа понгтоар дегдэлүхэ-
ни.

Гириа сэнкурэни оркинди пункуни. Гоко аоми манга
кэктэриwэ бахани: сингмиси, яксочи талохани. Туй як-
сочими, туй сингмисими, нёани олокиана моралохани:

- Анана, дегдэмби! Анана, будэмби!

Чиндэ, инэктэми бади масиди куэгэхэни. Дөгду лао-
лао сангнян-маня очини.

- Бэлэчиусу! Бэлэчиусу! - буди дилгандии морахани.

Туй морами-тул, мапакса сэптүхундиэди паланчи пу-
элинкини. Эйду-бэки кичотак илигора, даи муэлуwэ дя-
пахани. Эуси-таоси хал-хал ичэктэпи-мэт, Гоко отоли-
хани. Тотара, дегдэй сэнкурэди инэктэми, туй хисанго-
сихани:

- Эй-кэ, сайна, агана минди гиндехачи...

- Аба, ми симбивэ туй сэругүхэмби! - даиди Чиндэ дил-
ганкини. - Туй аоми, Гоко, аписи-да балана алихан. Туй
хончирами билгаси-да балана биэхэн. Ахондо агасал
пулсихэчи, бакиwаси нянга таохачи. Чимана нёанчи ди-
дюдэрэл, гучи модан дуктэдерэл.

Гоко отолихани, хайми нёани бэени туй энусивэни.
Тургэнди палоава, эүгэwэ дяпагохани. Тотара найсал сэ-
сүмбэчи ангоми дэрүхэни. Чиндэ нёамбани бэлэчилүхэ-
ни. Эуси-таоси чормок-чормок донгдоми куэгэхэни. Туй
Чиндэ куэгэми хачин дилгандии дярихани. Гокоду ман-
га сэбдени очини. Нёани пакси нгаладоани-тани, эси
хачин сэлэмэ хадёнсал тургэнди балдимари дэрүхэчи.

Долбо инэдэлэ Гоко, эм ядами, сэлэwэ чапчихани. Тэни
сиун сэмди гарпайни гэсэ, найсал сэсүмбэчи хэм мутүхэ-
ни. Туй нучи Чиндэ пакси Гокова бэлэчихэни. Улэн, гоко
най очогованкини. Гоко мангади агдара, туй Чиндэчи
ункини:

- Чиндэ, си чу улэн ми диаи. Си мимбивэ хорихаси.
Эйлэ-тэни, гэрэн гурунсэл сагоачи, гэрэн найсал ичэгуэ-
чи, ми симбивэ саигои тамби!

Туй ундэ, Гоко, сахарин сиалтакава дяпара, чагдянди
дилику Чиндэ пэевэни пака-пака модорихани.

Таванки дуэнтэду сахаринди дилику Чиндэсэл агбин-
кичи. Нёанчи сэлэwэ чапчи най Гоко диасилчи. Тотама-
ри Чиндэ найди нгэлэсичи. Си эйwэ тэдеси осини, Чин-
дэwэ ичэпи, пэргэми хорои алору. Чиндэ си хорочиаси
дора, туй морадяра: «Ми сэлэwэ чапчи най Гоко даи до-
хани!»

ХОНИ СОЛИ ХОНГМОВА АРГАЛАХАНИ

Эм даи намо кирадоани эм Хонгмо балдихани. Нёани даи мо онголодоани омогои ангохани. Тэй омодади намо барони улэнди ичэурини. Чалани гучи, намо кирадоани хамача-да хэм сияптангини эгди бичичи. Хонгмо мэнэ илан пурилдии хамачава-да хэм баргихани: бокто-салба, могосалба, амтакасалба гучи намоду балди канё-салба.*

Эм модан пакчи-пакчи би долбо уй-ну, уй-ну нёанчи уйкэлэчи дуктэми дэрүхэни.

- Хонгмо! Хонгмо! Мимбивэ си долдиачи?!. Уйкэи тургэнди нихэлиру! Ми гэрэн гурун эдени! Даи пурэн амбани!

Хонгмо, нгэлэрэ, павала пэйси гурпункини. Пэгилэ нгэлэпси амбамба ичэхэни: хуени тойнгади гараку, хуйгуни сэрбэр сэгден, дарамани-тани, кэчи-мэт, хэсиктэку бичини.

- Тунг! Тунг! - гучи модан уйкэлэ дуктэхэни. - Ми гэрэн гурун эдени! Даи пурэн амбани! Хонгмо, минду чу даи пиктэи буру? Туй таси осини, сумбивэ хэм вадямби!

Хонгмо, нгэлэрэ, даи пиктэи бухэни. Иниэ тиाप джээр пиктэи тунгэсими, сихсэгүдэлэ дилган ана тэсихэни.

- Тунг! Тунг! - сиксэ гучи модан Хонгмо долдихани.

- Ми гэрэн гурун эдени! Дуэнтэ, дэту, амбани! Хонгмо, токон пиктэи буру?!. Туй таси осини, дёвасу дегди-демби!

*Кане – намо калдэктани.

Нгэлэпси амбан мэнэ сэгден хуйгудии эуси-таоси эл-кухэни. Эй-тэни, эмуту пиолан-мат, сэм-сэм талохани. Хонгмо, будэлэ нгэлэрэ, токон пиктэи бухэни.

Чими сиун уйси токочиани, Хонгмо барони эм Вачака димахани. Эй Вачака тэнг мурунку Вачака бичини. Нёани намо боачандоани балдихани. Вачака гучкули хуйгуни намо кирадоани чу ваними бичини. Элкэ Хонгмо омочиани дондара, ваними чоодии дуктэми дэрүхэни. Туй нёани дуктэй-дэ, уй-дэ эчиэ дилгами-да абани. Вачака гучи модан масиди дуктэлүхэни. Хонгмо, нгэлэми, коло-коло тэсихэни. Нёани поянго пиктэи мангади кайранкини.

- Хонгмо! Хонгмо! - Вачака моралохани. - Туй дёгдо аоми, сайна, дёвава хамарихаси!.. Бала, уйкэи нихэлиру!..

Вачака дилгамбани долдипи, Хонгмо агдахани. Тота-ра сонгоми уйкэи нихэлихэни. Мурунку Вачака, дилии уйси эуригурэ, гойдами Хонгмова досодихани. Хэм улэнди сапи, Вачака туй ункини:

- Хонгмо, эди си сонгора. Эй хамача эдени-дэ биэси. Эй бай би сэгден Соли. Нёани горопчи то хуедиэни нгэлүчихэни. Нёани сэгден хуйгудии элкухэни. Нёани кэчи хэсиктэдиэни бзеи камдохани. Бай чукин Солиди хай нгэлэйси. Чимана дидюй осини, соими чоп пунгнэгүхэри!

Иниэ тиап сонгой Хонгмова миахосира, тэнг сиун элэ тугуйдуэни-мэт, Вачака намо боачанчиани дэгдэгүхэни.

- Тунг! Тунг! - долбо гучи модан Соли исиндагохани.

- Ми гэрэн гурун эдени! - дэрүхэни Соли. - Нучи пиктэи, Хонгмо, минду буру?!

- Аба ми синди нгэлэсимби! Си бай арганку соли! Си хангиси чоп энур! - даиди Хонгмо морохани.

Арганку Соли тэрэм очини. Тотара начи тэгүрэ, хамиа бэгдидии илигохани.

- Хонгмо, Хонгмокан, - аргамби чиндами дэрүхэни.

- Гэ, унду. Хавой низчэкэн синчи туй чолчихани? Хавой сингэрэкэн синчи туй симуэчихэни? Эйлэ-тэни пурилбэси хэм бугудемби.

- Аба, Вачака алосихани! Пиктэивэ тургэнди бугуру?!

- Хонгмо агдами моралохани.

Соли, инэктэми, намо кирачиани пукчигүхэни. Даи сиун сэмди намодиади агбингоми дэрүхэни. Сиакан оявани эуси-таоси пунгичими Вачака поктовани хасихани. Туй тамитул Соли мэнэ дюлиэлэни эм даи боачамба ичэхэни. Тэй боачан намо кирадоани илисихани.

Соли таоси даоричами чилахани. Пуйкүчэми горо, онёами ачаси. Туй гасами-гасами, Соли, намо кирадоани тэрэ, сонголохани:

- Энэнэ! Энэнэ! Хик, хик!..

- Тэй боачанчи онёами эри осини... хик, хик! Ми сэгден сингактаи намо карчани осидяра!

- Энэнэ! Энэнэ! Хик, хик!..

- Чаду тури осини, ми чагдян гирмаксаи намо дёлони осидяра! Хик, хик!.. Чаду буди осини, ми сэнгпэр сиамби намо калдётани осидяра. Хик, хик!

- Гэ, Соли, хайми туй сонгойси? Ми аори агасалбива чурингиси! - эм буйгу гиокса, намодиади агбин-да мэдэсихэни.

- Гиокса, гиокса, хайми си туй ундиси? - олокиана Соли инэктэлүхэни.

- Ми-кэ хай сонгодямби. Намоди гүчкулисими, эйду дярйамби. Насалби аргамосо нэкурэ, элкэ гиоксачи мэдэсилүхэни:

- Гиокса, си диасилси намоду эгди-ну?

- Эгди! Эгди! - мактами гиокса дилгангохани. - Эуси ми нёамбачи хэрси осини, тэде, намоду гиоксасал, эмуту мадахан мантосал-мат, тиас агбиндяра.

- Гиокса, - Соли унгухэни, - ми мэнэ диасилби эуси хэрси осини, тэде, эй намо кирани чачакасал-мат, сагден солисалди силадяра.

- Тэде-ну? - эрдэнгэсихэни гиокса.

- Тэде, тэде, - унгухэни Соли.

- Агдаси осини, унэчигуэри, уйду-дэ агасал, эгэсэл чу эгдивэчи. Бонгоду, гиокса, хэрсими дэруру? Ми нёамбачи эмдиэчи таоми тэпчиугуивэ. Туй тапи-мат, ми-дэ, мэнэ сэгден эгэнэи гэлэндэгуми, то тэй боачан барони энэдемби. Си таонгоаси, эуси гадёдымби.

- Буйгу гиоксачи Соли Вачака балдини боачанчи ичэхихэни. Гиокса, чихалара, намо барони, диасилби гэлэндэгуми, игүхэни.

- Соли! Соли! - гиокса, агбингора, моралохани.

- Гэ, ичэйси-ну, хониа ми агасалби эгдивэчи! Бала тургэнди таоми дэруру!

Тэде, гиоксасал намоду боачанчи ек тиас бичичи. Нёанчи буйгу дарамасалчи муэ оялани бай коктарак очичи.

- Эмун... джэр... илан! Эмун... джэр... илан! - Соли таоми дэрүхэни. Гиоксасал, диливари эуригурэ, сэгден Соличи ичэдимэри, эрдэнгэсихэчи. Соли-тани, поани гиоксасалба дабал-дабал пуйкунэсими, боачан барони даолохани.

- Соли! Си мимбивэ дабал пуйкукэси!.. Соли! Си мимбивэ таоми-да абаси! - нучи, даи гиоксасал моралохачи.

- Эмун... джэр... илан! - эм дилгандами, Соли таонкини.

Нёани, гиоксасал оявачи пукчими, боачан барони буруихэни. Тэнг хаморой гиоксадиачи начи дэрингуйдуимэт, хамаси Соли кэчэрингурэ, инэктэми туй ункини:

- Пэдэми дэрэдигусу, мурун ана гиоксасал! Ая мимбивэ халачиосу! Хамаси мочогоидои сумбивэ хэм таонгодямби!

Дай намо боачандоани джэр хурэн бичини. Нёанчи алдандоачи Вачакава Соли ичэхэни. Вачака мэнэ пиктэи, хайди-ну улими, эндучивэни госолахани. Тэй эринду Соли Вачака барони муйкуми бэйчэхэни.

Вачака хайва-да сарасини. Тэнг ичи эрин опочианимат, Соли Вачака барони пуйкухэни. Туй ичи бичин-дэ, Соли нянга тасиарахани. Нёани Вачака ваними хуйгудуэни дэнг-дэнг сэкпэнкини. Вачака, оломи, «киак!» морамитул, уйси дэгдэгүхэни. Нёани хуйгудуэни Соли лэнкэ-лэнкэ очини.

Вачака элкэ-лэкэ намо учизэни Солива тобойни. Туй тобора, Вачака хэриэми дэрүхэни. Соли дилини, хаволхавол оми, кэндэлилүхэни. Туй тамиде Соли, дэнг-дэнг

хуктэдии дяпачихани. Намо барони тувуриуэ мангадингэлэчихэни. Туй тамитул олокиана Вачака хуйгуни чопторам энэхэни. Соли тэй ваними хуйгуди гэсэ, чамватори намо барони тугүхэни.

- Энэнэ, эриэмби! Хик, хик! - Соли морамисонгохани.

Вачака, тэй удэвэни инэктэми кэндэлирэ, мэнэ пиктэчи мочогохани.

Оркин, арганку, Солива гиоксасал сагохачи. Нёанчи, хайва-де эм дилгандамари, намочи хэм игүхэчи. Туй Соли, намо оявани пататами, аба очогохани.

Таванки ванимиди хуйгуку Вачакасал хуйгу ана очичи, уйвэ-дэ мэнчиэри хали-де ланг чиндасичи.

ХАЙМАРИ ИНДАСАЛ БИАЧИ БУЧИЧИ

Эй тэлунгу балана, балана балдихани. Эси эйвэ уй-дэ сарасини, эси эйвэ уй-дэ тэдесини. Тотами эйвэ найсал туй тэлунгуйчи.

Эм нучи ихонду эм арчокан аминдии гэсэ балдихани. Нёани гэрбуни - Биа, чалани чу гучкули бичини. Нёани амини улэн вайчамди. Мангбо кирадоани балдими, хайва-де хэм вами балдихани.

Туэ амимби дуэнтэчи токочиани, Биа дэгду эмучэкэн очогора, мэнэ индасалби уди бичини. Индасалба арчокан мангади улэсихэни.

Эм модан туэ Биа амини дуэнтэду мангади энүлүхэни, тотара джукэн дёкчи исиндагохани. Хайва-де сиараси,

муэвэ-дэ омиаси очини. Ини, долбо, амимби этэхими, Биа сонгохани. Туй нёани сонгой-да, хамача дякани-да бэлэчиэсини. Туй нёани кэйнгэй-дэ, хамача дякани-да ичэсини. Нянга туй амини эрулэрэ, буйкини. Дё долани эмучэкэн Биа ангадян очини.

Биа амини будини гэсэ, арчокан барони даи саман пулсилухэни. Нёани хэмэ Биа амини бэундуэни тэрэ, дамахива омими тэсихэни. Тэнг арганку саман насални-рагда Биачи тул-тул ичэдихэни. Саман урэхэн арчокан-ди манга гучкулисихэни. Биа лугди, сахарин нуктэни тэндулэ ек тугуй бичини. Саман туй пулсими, туй тэсими, эм модан туй дэрүхэни:

- Биа, эси си паталан очиси. Туй тами мимбивэ улэнди отолиру? Си амиси будии дюлиэлэни симбивэ минду бу-гуриwэ хисангосихани. Тотами синчи ми пулсии. Эси-тэни чихалай, чихаласи-да симбивэ нэ гадёдымби!

Бонгоду Биа нгэлэхэни. Саман сагди най бичини. Биа, талома муэлусэлбэ дяпагора, улэн дилгандии унгухэни:

- Ая, дёгду халачиосу? Ми муэwэ муэлэндэмби. Улэн чаива туидемби...

Туй ундэ, Биа, муэлуwэ дямдялагора, боачи ниэхэни. Тотара син барони сонгоми пагдылахани.

Боала пакчи-пакчи бичини. Биа син дочиани пурим-буриwэ мурчихэни Нёани дюлиэлэни гогда хурэндулэ даи биа, эмуту сэгден насал-мат, бай сэм агбими дэрүхэни. Нёани, уйси-уйси токами, сонгой арчокамба ичэхэни.

- Анда пудин, уй симбивэ оркилахани? - биа лэр дилганкини.

- Ага биа, мимбивэ сагди саман дяпагойчини! - арчокан сонгохани, - мимбивэ тургэнди сириванду?

- Ая, эди си сонгора, - даи биа дилгангохани, - ми симбивэ улэнди дяядиамби! Ми омигоива муэлуду муэwэ тиас сополагору...

Арчокан муэwэ тиас-тиас сополаочиани, даи биа мэнэ ваними нуктэи начи тугбуми дэрүхэни. Эй-тэни, эмуту покто-мат, начи ек очини.

Саман дёгду арчокамба халачими чилара, боачи ниэхэни. Боала уй-дэ аба бичини. Тотара уйси ичэгүхэни. Чаду ичэхэни, хонь-да арчокан даи биачи уйси торивани. Саман мангади аякталахани, тотара арчокамба хас-поалахани. Уйси тори самамба ичэпи, Биа мангади нгэлэхэни.

- Арчокан, арчокан, хай нгэлэйси! - даи биа морахани. - Тургэнди самамба муэди масалду!

Биа саман дэрэлдулэни муэди маскалахани. Байгда туй тайни гэсэ, боа, на, пакчим энэхэчи. Хэдун, пуксин, агдирами, тонгалахани. Туй тапи-тани, эмуту муэлуди евэ-риури-мэт, тугдэй, боной талохани. Саман мангава бара, уедиэди пэйси тугуми дэрүхэни. Туй онди, хумэси тугуми, индасал аоричиачи тэрэк түхэни. Индасал эйду-бэки самамба сэкпэчимэри дэрүхэчи. Саман дюкэн дёкчи чо-чагохани.

Таванки саман индасалба тойками сиавандаси очини. Нёани улэнди сарини, хонь-да арчокан индасалба улэсивэни. Хонь тахан-да, Биа индасалби сиавандагоми начи эугудерэ Тотами Саман арчокамба этуми дэрүхэни.

Даи биа дөгдоани тэнг эмун муру-муру би пава-рагда бичини. Арчокан гойдами биа дөгдоани балдилохани. Муру-муру би биа пававани нянга нихэлирэ, нёани начи гурпучихэни.

- Ага биа, павай нэс нихэлиру? Ми индасалби балана лалохан, бидерэ!

- Арчокан, гучи нянга халачиру, - даи биа дилгангохани, - саман хасти этури!

Саман арчокамба наду гойдами этухэни. Этуми сагди саман ядара, масиди онгасахани. Эйду-мэт даи биа нэс павай нихэлигухэни. Тотара ваними нуктэи пэйси тугбугурэ, арчокамба начи чиндагохани. Ядахан саман хончирами аохани. Арчокан индасалби элэдэлэ сиаванкини.

Байгда саман сэнэгуйни гэсэ, арчокамба уйси дяпагора, даи биа муру-муру би павай толим дасигойни. Тотара арчокамба хаоси-да чиндаси бичини. Таванки гучи павай элкэ-элкэ нихэлими, начи Биа гурпучи бичини. Саман, ядами онгасагойни гэсэ, биа мэнэ павай нэс нихэлигурэ, арчокамба начи чиндагой бичини...

Туй там павай биа нихэлигуйни гэсэ, индасал вачи бучи талойчи. Нёанчи агданасичи саман арчокамба дяпами-да абавани.

Арчокан балдихани ихонкансал, таванки даи сэгден биава арчокан гэрбудиэни «Биади» гэрбиэсихэчи.

Эй тэлунгувэ тэдеси осини, даи сэгден биачи улэнди ичэгуру? Чаду тэй арчокамба си нэ ичэгудечи. Нёани чаду муэлуку, дямдяку илисини. Улэн индасалби саман аоридоани элэдэлэ сиавандагойни.

ГАЙКОАН ГУЧИ АРГАНКУ ТУРИ

Эм нучи наондёкан гэрбуни Гайкоан бичини. Нёани даи дөгду эмучэкэн балдихани. Туй балдими, туй бими, эм модан Гайкоан дөгдиади энэуригэ мурупсинкини. Тотара дёи нангалара, хаоси насалби ичэй осини, таоси энэми дэрухэни. Горо туй энэхэни-ну, дидиа туй дичини-ну, туй энэми, туй дими, мэнэ дюлиэлэни эм даи тактова ичэхэни.

- Манга демувэ, - Гайкоан мурчихэни.

Тотара тэй такточи тохани. Такто долани хай-да абани, тэнг дёконду-рагда эм гуйсэ бичини. Гайкоан гуйсэвэ нихэлихэни. Чаду-да хай-да абани. Гайкоан гуйсэ пэрэлбэни суйлими дэрухэни. Туй суйлими, суйлими, нёани эм даи туригэ бахани. Демуси Гайкоан, туригэ ангмачии нэрэ, лунгбэйчэхэни.

- Синк! Синк! Мимбивэ эди лунгбэрэ, - эйду-бэки Гайкоан най дилгамбани долдихани. - Ми симбивэ эйлэ бэлэчидемби!

Гайкоан эрдэнгэвэ бахани. Туригэ нгаладои дяпачира, мэнэ тунгэнчии гидалагохани.

Таванки Гайкоан энэми дэрухэни. Туй горова энэхэни-ну, туй дидява дичини-ну. Туй энэми, туй дими, мэнэ дюлиэлэи эм даи дёва ичэхэни. Гайкоан мангади агдара, тэй дөгчи будурихэни.

- Гайкоан, Гайкоан, хандами ми дөгчиива ихэси? - наондёкамба мама мэдэсихэни.

- Дада, демуди элэ отоамби. Мимбивэ нянга сиаванду? - Гайкоан сонгоми дилгангохани.

Мама эйду аякталахани. Тотара ваними даидии палан-дола пачилахани. Байгда мама пачилайни гэсэ, хаяди-да хэм сингэрэсэл агбимари дэрүхэчи. Мамава кэндэли пул-симэри хачин дилгандиари сингэмэри дэрүхэчи.

- Эйсэлбэ си ичэйси? - мэдэсихэни мама. - Мэнэ-хэй хал-хал тэсиэмби, хайди-да эй пурилсэлбэ сиавамборива!

Гайкоан, хэмэ очогора, дёконду апсинкини. Кота мама-тани долбо инэдэлэ тэй сингэрэсэлди хупими дэрүхэни. Тэнг гивана гарпайдоани-мат, наканду мама хончирами онгасахани. Эйду Гайкоан тунгэндиэдиэни тури болдяр агбин-да, пуйкунэсими, туй дярилохани:

- Ми тури, тури, бай би дяка биэсимби! Тунг! Тунг!

- Ми тури, тури, сингэрэди-дэ нгэлэсимби! Тунг! Тунг!

Сингэрэсэл буйгу туривэ уйнгэхэчи. Тотара хасимари дэрүхэчи. Дёгду хоан очини.

- Хайва хоаландайсу! - мама олокиана моралохани. Сингэрэсэл хэмэ очогора, хамиа бэгдидиэри кириим илигохачи. Тэнг нёанчи хуйгучи-рэгдэ нгэлэмэри дэнгэрэхэчи.

- Туриуэ хасихапу! - сингэрэсэл дилгангохачи.

- Ми турингуивэ сингэрэсэл сияхачи! - наондёкан сонголохани. - Туриуэ бугусу? Туриуэ бугусу?..

- Хай туй морайси! - мама аякталахани. - Сингэрэвэ дяпагора, хаяди дичин осини, таоси тургэнди энур!

Таванки Гайкоан сингэрэкэмбэ тунгэлэгурэ, дюлэси энэми дэрүхэни. Туй энэми, туй дими, мэнэ поктодои эм дёва ичэхэни. Гайкоан мангади агдахани. Тотара тэй

дөгчи будурихэни. Хонь-да Гайкоан ичэйни-кэ, эй дё, эмуту сингэрэ эдени дёни-мат, бичини. Эйду-дэ эм мама балдихани.

- Гайкоан, Гайкоан, хандами ми дёкчиива ихэси? - наондёкамба мама мэдэсихэни.

- Дада, демуди элэ отоамби. Мимбивэ нянга сиаванду? - Гайкоан сонгоми дилгангохани.

Мама эйду аякталахани. Тотара ваними даидии палан-дола пачилахани. Байгда мама пачилайни гэсэ, хаяди-да хэм хачин кэхсэсэл агбимари дэрүхэчи.

- Эйсэлбэ си ичэйси? - мэдэсихэни мама. - Мэнэ-хэй хал-хал мурчиэмби, хайди-да эй пурилсэлбэ сиавамборива!

Гайкоан, хэмэ очогора, дёконду апсинкини. Кота мама-тани долбо инэдэлэ тэй кэхсэсэлди хупими дэрүхэни. Тэнг гивана гарпайдоани-мат, наканду мама хончирами онгасахани. Эйду Гайкоан унтидиэдиэни тури, начи турэ, тэпэтэми туй дярилохани:

- Ми тури, тури, чу мурунку, гучкули! Тунг! Тунг!

- Ми кэхсэди-дэ аба нгэлэсимби! Тунг! Тунг!

Буйгу туриуэ уйнгэрэ, сингэрэ Гайкоан тунгэндиэдиэни болдяр ниэхэни. Тотара тэй туриуэ хасисими дэрүхэни. Кэхсэсэл сингэрэвэ ичэпэри морамари хасипоалахачи. Арганку тури эйду-тул Гайкоан унтичиэни бай чул игүхэни.

- Хайва хоаландайсу! - мама олокиана моралохани.

Кэхсэсэл хэмэ очогора, хамиа бэгдидиэри кичим илигохачи. Тэнг нёанчи лэхсэ-лэхсэ очин хуйгучи-рэгдэ нгэлэмэри дэнгэрэхэчи.

- Сингэрэвэ лунгбэхэпу! - кэхсэсэл дилгангохачи.

- Ми сингэрэнгуивэ кэхсэсэл сияхачи! - наондёкан сон-голохани. - Сингэрэвэ бугуру? Сингэрэвэ бугуру?

- Хай туй морайси! - мама аякталахани. - Кэхсэвэ дя-пагора, хаяди дичин осини, таоси тургэнди энурү!

Таванки Гайкоан кэхсэкэмбэ тунгэлэгүрэ, дюлэси энэ-ми дэрүхэни. Туй энэми, туй дими, мэнэ поктодои эм даи дёва ичэхэни. Гайкоан мангади агдахани. Тотара тэй дөгчи будурихэни. Тэй дё киравани моринсал, индасал, пулсихэчи. Тэнг индасал вачилойчи-тани дөгдиади дюэр мапариосал ниэхэчи. Нёанчи балдирчи диа-диачиари эмуту бичичи.

- Эй-кэ, сайна, Гайкоан бунчи дичини! - нёанчи гэсэ дилганкичи.

- Дамана, дакана, тургэнди мимбивэ сиавандусу? Элэ демуди лалоамби! - сонгоми Гайкоан ункини.

- Туй би дяка осини, симбивэ нэ хоридяпу! Элэдэлэ сиаван-да, апсинговандяпу! Туй лэр хисангопари, мапа-риосал Гайкоамба яохичилохачи. Эси-мэт Гайкоан, элэ-дэлэ сиара, улэнди онгасахани. Тэнг апсингои дюлиэлэ-ни Гайкоан гисүрэхэни, хонь-да нёани мэнэ диаи туривэ хуэдэхэмби. Тури, эйвэ хэмэ досодими, мэнэ дола инэк-тэхэни.

- Бай би туривэ, Гайкоан, хай кайрандиси, - мапарио-сал миахосихачи. - Гэ, эй кэхсэкэмбэ-кэ улэнди этэхирү? Нёани дёкчи кэсивэ гадёйни. Буэ-тэни синду улэн морим-ба, улэн индава, будепу. Тотами, Гайкоан, нёамбачи эди-эди оркилара.

Диа ини Гайкоан, моринду нямнягора, индаку, кэхсэ-ку, мэнэ поктои илигохани. Эси нёандоани енуэ очини. Моринду тэсими, дяrimi дэрүхэни: «Хани-рани-на, хай! Хэни-рэни-нэ, хэй!»

- Гайкоан, Гайкоан, - унтидиэди тури хэрсихэни. - Элэ, элэ, хулунду? Морин-да алихан, билгаси-да балана сиэ-хэн. То чаду дёва ичэйси? Тэй дё - баян кэрэн. Эй кэрэн-ду саман мамава хэурду нэхэчи. Нёани сингэрэсэл эдени мама, кэхсэсэл эдени мама, чу даи эйкэчи. Эй саман мама гэрэн муйкисэл, гэрэн дябдянсал гучи хачин-хачин ко-лансал эдени бичини. Гайкоан, нёамбани ходава пулси Хэмдэ-Мапачи дяпагоари?

- Аба, буйкин дякава уй гэлэйни! - дилгангохани Гай-коан.

- Ая, ая, дяпару? - тури дэрүхэни. - Тотара мимбивэ улэнди досодиру? Тэй ходава пулси Хамдэ-Мапа дёгдо-ани ангадян арчокан балдини. Нёамбани Хэмдэ-Мапа сингэрэйни. Чаива омигои ини, долбо, арчокамба муэл-сивэндини. Гэ, Гайкоан, нёамбани хоригоари?

Таванки саман, мамава дяпара, Хэмдэ-Мапа тоичиа-ни исихачи. Тотара, тэй мамава син кирадоани тэвэн-дэ, Хэмдэ-Мапа дёкчиани Гайкоан тохани.

Хэмдэ-Мапа - баян най бичини. Нёани дэрэ дюлиэлэ-ни тэсими, насалби чимчак нэкурэ, пэкэси чаива бай «чип-чип» оминасихани.

Туй чаива омидоани, Гайкоан Хэмдэ-Мапа уйкэлэни ихэни. Хэмдэ-Мапа хайва-да эм сарами, уйвэ-дэ эм ичэ-ми, хаси туй амтаси чаива омихани. Тэнг син кирадоани

морин ингирилочиани-мат, инда чаду вачилочиани-мат, гучи кэхсэ моралочиани-мат, Хэмдэ-Мапа дэнгэр оло-ра, нгэлэчими ангадямба мэдэсилухэни:

- Ангадьян, тоиду хамача дякасал морайчи?

- Гайкоан, Гайкоан, - симуэчилухэни тури, - тургэнди унду, - эй ми энимби гэкчими сонгойни...

- Хэмдэ-Мапа, эй ми энимби гэкчими сонгойни!

- Эй-кэ валяха! - дилии хосими, Хэмдэ-Мапа мурчихэ-ни.

- Ангадьян, муэвэ муэлэндэми зуру? Тотара эй наондэ-кан энимбэни то тэй сара дочиани полчиндагоани гэлэн-ду!

- Ангадьян, муэлувэ дяпара, синчи эуми дэрүхэни. Син кирадоани тэси мамава ичэпи моралохани:

- Дада, дада, дёкчи полчиндосу!

- Ангадьян туй морай-да, мама хаси хэмэ-хэмэ тэсихэни. Арчокан саман мамава хэрсими чилара, ланг дидэ, элкэ дарамалани анахани. Байгда Ангадьян тонгалайни гэсэ, саман - мама хумэси туми, син дочиани бай чул пуэлин-кини.

- Энэнэ, энэнэ, наондэкан энимбэни синчи ми анахам-би! - Ангадьян сонгоми дёкчи токохани.

- Ми энимбиивэ бугусу! Ми энимбиивэ таодагосу! - сонгоми Гайкоан морахани.

- Хэмдэ-Мапа хал-хал очини. Тотара аякталара, дэрэи дуктэми, моралохани:

- Эй Ангадьян-маня оркини! Чихалай осини, эй арчо-камба дяпагора, хангиси чоп энусу!...

Гайкоан, Ангадьян-арчокамба дяпагора, инэктэми ни-эгүхэни. Таванки нёанчи морин оялани гэсэ нямнягора, дюлэси сиун гарпайни барони энэмэри дэрүхэчи.

Горо нёанчи энэхэчи-ну, дидя нёанчи дичичи-ну. Туй энэмэри, туй димэри, эм боаду морин дэнг-дэнг илиха-ни.

- Гайкоан, Гайкоан, - тури дилганкини, - гэ, пэдэмэри дэрэдигусу! Мимбивэ оркинди эди мурчиэсу. Эси синду, Гайкоан, хай-да хэм би: морин, инда, кэхсэ гучи арчо-кан Ангадьян. Ангадямба си нэуи-мэт дэдулэру? Эди ор-килара! Ми-тэни гой поктола энэдемби. Эрун, синэди гурунсэлбэ бэлэчидемби!

Туй уми, тури, Гайкоан тунгэндиэдиэни начи бай тус пуйкугурэ, хаоси-ну, хаоси-ну дярими кэргиэнкини. Тэнг нёани гучкули хэлэмбэни-рэгдэ горола долдиори бичи-ни: «Ми тури, тури, бай би бизсимби! Тунг!- тунг! Ми чу мурунку, арганку тамби! Тунг! Тунг!»

МАКТАЙ НАЙ

Коля Гейкер-улэн наондэкан. Школаду нёани улэнди тачиочини. Туй тами, тэнг мэпии мактайни-рагда, ман-га оркин бичини.

Эм модан Коля пойкади эм гормахомба вахани. Агда-насами, Коля симата оявани пуэлиэкэчими дэрүхэни. Эмуту чагдьян мапава вахамби-мат, мурчихэни.

Гормахомба дёкчи Коля гадёчиани, нёани дамини Камбока мапа агданасими туй ункини:

- Коля, си чу мэргэн вайчамди. Тотами, хайва-да чу бонгоду вари осини, нёани уликсэвэни пуюрэ, тэнг сагди найва сиявамбори. Туй тай осини, си вайлин вайчамди одячи.

Диа чими Коля школачи чу бонго дидюхэни. Тотара учитель дэрэчиэни тэрэ, диасилчии мактами дэрухэни. Хонь-да «чагдьян» мапава» вахамби, тотара нёани диливани пуюрэ, дамимби сияванкимби. Коля, гисурэми хэсэ таондоани «тэде ундэмби!» хэсэди ходи бичини.

- Даи урэпи, тэде ундэмби! Дама Камбука-мат, чу вайлин вайчамди осидямби. Тэде ундэмби! Мапасалба, нэк-тэсэлбэ, чихалай осини амбамба-да уюнди дяпадямби! Тэде ундэмби!..

Коля улэн диани Боря Актанка, досодями, иламова бахани. Боря, Коля-мат, илачаи классаду тачиочини. Боря дэрэлни мактай Коляди иладими, сэrbэр очини. Туй хэмэ тэсими-тул, Боря мэдэсихэни:

- Коля, си уки нингмамбани долдикаси?

- Аба, - Коля унгухэни.

- Туй тами си, уйки-мэт, мэпии мактайси. Туй тай осини, гучэн хэмдэчиэни лумбур идечи!

Эйду нучикэндюэн дур инэктэлүхэчи.

- Коля Уки! Коля Уки! - нёанчи моралохачи.

Школадиади Коля сонгоми дидюхэни. Тэй эринду нёани дамими Камбука мапа, мэнэ миочамби хаочими, дэгду тэсихэни:

- Коля, хайми туй сонгойси, - мэдэсихэни Камбука, - сайна, уйди-дэ си сорихаси, биэси?

- Аба, - дюкэн долдиориди Коля унгухэни.

- Туй тами хай сонгомони?

- Бай Боря оркилахани. Нёани укиди мимбивэ гэрбиэсихэни. Эси школаду мимбивэ хэм нучикэндюэн укиди хэрсичи...

- Чу улэн диаси Боря Актанка? - эрдэнгэсихэни Камбука.

- Боря, тэде туй ункини осини, манга валяха!.. Тэде, Коля, си мэнэ тамача гэрбувэ бахаси, бидерэ? Туй биэси осини, хэм улэнди гисурэру? Чаду-мат тэрэк сагори, уйдэ эйду оркимбани...

Колява Камбука дякпадои тэгувэндэ, тотара улэнди досодяхани, хонь-да школаду бичимбэни.

- Коля, валяха! Валяха! - Камбука дилии хархихани.

- Чу оркин мэдэ! Тэде иламо. Ми тул-тул мурчихэмби, си чу бонго школьникам! Эси хай?.. Уки-мэт мактасо очиси?

- Дама, эвэнки ми мэпии, аба, мактасимби, - Коля унгухэни. Дамимби дэнг-дэнг намангора, Коля мэдэсихэни:

- Дама, тэй мактасо укивэ минду нингманду?

- Нингманди-да ая, - чихалахани Камбука, - гэ, улэнди досодяру, хонь-да уки мактами дэрухэмбэни?

«Эй эрдэнгэ дяка балана-балана очини. Гэ, эй-тул Мангбо долани эм нгэлэктү уки балдихани. Нёани лахасалди, дядихинсалди, гучэнсэлди чу манга нгэлэй бичини. Тотами уки, тэнг даи пата пэгиэлэни ини, долбо, сиричихани. Карго долани балдими, нёани дарамани топ-топ илгаку очини.

Эм модан Мангбоду даи далан бичини. Тэй уки балдини патачи хаяди-ну даи согдата, адара, гойдами чаду илисихани. Эй эрдэнгэ согдатава Уки эси-мэт ичэхэни. Нёани гэрбувэни-дэ сарасини. Уки, эрдэнгэсими, тэй согдатачи ичэдихэни. Согдата опорони ваними бичини. Чалани гучи, нёани даи ангмани пэгийлэни, дюзэр хурми бодякта эуси-таоси туйнкухэчи. Дарами, мо-мат би, бэени холдомбани, эмуту попон хуктэсэлни-мэт, сэпэр-сэпэр бичини. Туй Камбука нингмами-тул Колячи мэдэсихэни:

- Эй согдатава сариси?

- Сарамби, дама! - агдахани Коля. - Эй даи Адин!

- Коля, тэрэк намбохаси. Эй Мангбоду балди Адин!

- Гэ, тэй Адин, эм боаду хэмэ илисими, - нингманкини Коля дамани, - тэнг даи вачкисалдии-рагда, эмуту мэлбуэнди-мэт, туйнкухэни. Бонгоду Уки мангади нгэлэхэни. Пата долани, сиргуми, хэмэ-хэмэ бичини. Туй сиргуми-сиргуми Уки отолихани, нёамбани эй согдата тонгалаорива мурчизивэни. Тотара Уки Адимба улэнди такосими дэрүхэни.

- Этэтэ даива дякава, - Уки мурчихэни, - тэде, номохон согдата. Ми-дэ даиди урэми, сайна, эй согдата-мат, осидямби.

- Уки пата долани туй мурчидуэни тэй согдата хаосину аба очогохани. Байгда нёани аба очогойни гэсэ, Уки барони эгди очокасал дичичи.

- Энэнэ, нгэлэпси Адин, - очокасал мэнэ дола симуэчихэчи.

- Бумбивэ, тэде, эм модан хэм лунгбэми-дэ чиласи!..

Туй очокасал хисангсилайчи Уки сахани тэй даи согдата гэрбувэни. Тотара патадиади болдяр агбингора, туй моралохани:

- Ничикэндюэн! Нучикэндюэн! Хайди суэ нгэлэхэсу? Ми тэй Адин бэе эксэни! Ми-дэ урэми, эмуту Адин-мат, одямби! Тэде ундэмби! Тэде ундэмби!

- Ура! - нучи очокасал моралохачи.

- Андана, бариана, эси хайди-да буэ нгэлэвэси! Эй пата долани Адин эксэни Уки балдини!

Туй очокасал хоаландамари, пата кировани понгтамба зурихэчи. Муэду дуку-дуку пакчи очини. Уй-дэ ичэмэри абачи, хони хуктэку Гучэн тэй хоанчи дичимбэни. Нёани зйду-бэки бай хадомсак тэй мактай Укивэ лунгбэхэни. Тэде ундэмби! Тэде ундэмби!..

Камбука мапа туй Коля мактахани хэсэди нингмамба ходихани. Коля-тани хэмэ-хэмэ тэсихэни. Дилии тэнг пэгийлэ дяпачихани, сайна, оркимби нёани отолигохани.

- Дама, аба, эвэнки ми мактасимби, тэде ундэмби! - дилии зуригурэ Коля унгухэни.

- Ми-дэ, Коля, сарамби! Тэде ундэмби! Тэде ундэмби! Си хали-да мактасиваси!

Камбока мапа инэктэми, Колява амдалохани. Таванки нёанчи гэсэ намангора, дёо та дэргидиэни инэктэхэчи. Тэде ундэмби!

ИКТО ГУЧИ ИЛБО

Эм эктэ най Кэкэ бичини. Нёани дюэрди пиктэкуни: даидима гэрбуни Икто, нучидимэ-тэни Илбо. Тотаи даидима Икто - нёани бэе пиктэни биэсини, бай эдини пиктэни.

Икто, Илбо, тул-тул хаоси-да хэм гэсэ пулси бичичи. Нёанчи ахорачи хэм эмуту, хэм гучкулиди илгаку. Ихонду балди гурунсэл тэй дюэр наондэкансалба тул-тул эндэй бичичи: хавой Икто, хавой Илбо.

Икто амини улэн вайчамди, хайва-да хэм ваи балдихани. Эм модан нёани короа бахани. Даи мапа дигдагора, мангади сияхани. Пуевэ бахан Икто амини, таванки гойдами-да абани. Икто туй ангадьян очини, нёани бэе энини балана буйкини.

Эдии хумупи, Кэкэ муруни хангиси очини. Иктова сингэрэми дэрүхэни. Хаоси-да Илбова Иктоди гэсэ чиндаси очини. Чалани гучи, тэтуэвэчи-дэ хэм калахани: Илбоду тэнг сикун, Иктоду-тани тэнг горопчи. Поалдоани Илбо Иктова ага хэрси осини, Кэкэ эйду-бэки моралой бичини:

- Ангадьян най, Илбо, - си акси биэси! Икто си сурукуси! Эйвэ, Илбо, будэлэ отолиру!

Илбо сонгоми хэмэ-хэмэ бичини. Нёани Эктова мангади улэсихэни. Хайва-да хэм тамари урэхэн ага Илбоду кайран очини. Икто дёконду тэсими ини, долбо, демусихэни.

Илбова миахосими Кэкэ даи гуйсэвэ нихэлихэни. Эй

гуйсэду Икто амини улэн ахорасални бичини: унтисэл, апонсал, тэтуэсэл гучи гой-гой дякасал. Кэкэ, гуйсэдиэди агбимбоми, Илбо дюлиэчиэни нэктэхэни.

- Илбо, ичэру, - инэктэми Кэкэ дэрүхэни, - урэйси гэсэ, эй хэм си ахораси-маня одяра!

Илбо хаси хэмэ-хэмэ тэсихэни. Нёандоани манга иламо бичини. Хайми нёани энини Иктова туй оркилайни. - Эм модан Кэкэ чими эрдэ тэрэ, гучэнсэл чапасалдиани улэн тасимасалба пикихани. Тотара Илбова кирадои тэгувэн-дэ, сиявами дэрүхэни. Илбо, хаси хэмэ-хэмэ тэсими, сиараси очини. Тэнг нёани насалдолани-рагда нимокта тэмбулиэ хээхэни. Илбо дёкончи ичэдиэхэни. Чаду демусими тэси Иктова гудизсихэни. Байгда Кэкэ боачи хандами-ну ниэрини гэсэ, Илбо тургэнди илигора, чу даи тасимава Икто тунгэнчиэни гидалахани.

- Ага, тургэнди дяяру? - Илбо дола ункини. Кэкэ дёкчи игупи, Иктова госолами дэрүхэни:

- Хайми дёконду хумсиэ-мэт тэсиси! Боала эм мода аба! Тургэнди молору?!

Кэкэ туй морами Иктова боачи пунгнэхэни. Икто, сонгоми токива дяпагора, дуйси томи дэрүхэни. Дуэнтэду хаси пакчи-пакчи бичини. Манга нонгди мосалба дуктэми тутүхэни. Туй тами-тул сиун сэмди гарпалойни.

- Сиун, сиун, тургэнди агбингору? Элэ ми гэкчиэмби! - Икто туй сонгохани.

- Икто, Икто, эди сонгора, - нёани хамиалани уй-ну дилганкини.

- Аба, ми сонгоасимби, - сиргуми Икто дилгангохани, - энимби, амимби, дёнгохамби...

- Икто, си эмуту амимби-мат, даи мурункуди урэйси! Ми хэм сарамби, - хамиалани эй-тул дилган хисангосихани.

Икто, насалби хаочими, хамаси кэчэрэнгүхэни. Мэнэ дюлиэлэи эм сагди моримба ичэхэни. Нёани даи насални, най-мат, мурунку бичини.

- Икто, лаломи элэ будэмби! - гучи модан морин дилгангохани, -мимбивэ нянга сиаванду?

Икто тургэнди Илбо бухэни тасимава агбимбогора, тэй моримба хэм сиаванкини.

- Икто, будэлэ агдаохан! Эси ми дармачиива тэру, тотара дэнг-дэнг дяпачиру?..

Туй умми, сагди морин дуэнтэвэ пагдялами дэрүхэни. Туй тами-тул, эмуту хасарку-мат, уйси дэгдэлүхэни: хурэн, дэту удэвэни. Туй дэгдэми, туй пукчими, нёани эм гогда дёлома хурэнчи исиндахани.

- Чок-Чок! - дюлиэ бэгдидии морин пачилахани.

Байгда туй тайни гэсэ, хурэн эмуту эуси-таоси уйкэкумэт, нэс нихэликпини. Икто, мориндиади хулунгурэ, тэй хурэн дочиани ихэни. Чаду илан гиалакосал бичичи.

Бонго гиалакоду даи дэрэ оялани хачин сиавори дякасал бичичи. Демуси, Икто дэрэчи тэрэ, сиами дэрүхэни. Эси-мэт нёани элэдэлэ сияхани. Туй сиами нёани хаосида морин энүхэмбэни ичэми-дэ абани. Таванки илигора, дюзе гиалакова нихэлихэни. Эйду хачин баян ахорасал бичичи. Икто мангади агдахани, тотара мэндуй ачи тэтуэсэлбэ тэтүхэни. Таванки ниэгүрэ, илачаа гиалакова нихэлихэни. Эйду айсинсал, мэнгунсэл, сойрактасал гучи хачин бобойсал тиак-тиак бичичи.

Икто габалан най биэсини. Нёани тэй баян дякасалба тонгалами-да абани. Тэнг хаду-ну айсимба, мэнгүмбэ, тунгэлэрэ ниэгүхэни. Тотара дёлома уйкэчи мочогохани. Чаду Иктова морин халачими илисихани.

- Икто морин оялани тэгүрэ, дэнг-дэнг нёамбани наманкини. Морин даиди ингирини гэсэ, дёлома уйкэ бай нэс нихэликпини. Морин эмуту хасарку-мат дэгдэми пукчи-хэни. Дуэнтэ, дэту удэвэни. Хурэн, гириа, довани. Туй тами-тул Иктова токи барони тэрэк гадёхани.

- Икто, пэдэми дэрэдигуру! Хайва-да гэлэй осини, эуси дидюхэри? Ми симбивэ бэлэчидемби!

- Морин, морин, пэдэми дэрэдигуру, - агдапси дилгандии Икто унгухэни.

Морин эйду-тул аба очогохани. Икто мова тиас молсигора, дяrimi дёкчийи зугулүхэни.

- Хани-рани-на! Хани-рани-на! - Икто дярихани.

Икто дярини дилгамба долдипи, Кэкэ мангади нгэлэхэни. Амимби бурпучизни Икто хали-да эчиэ дярира. Кэкэ, Икточи ачапчи пагдиалара, хаям очини: Икто умми, эй Икто биэсини. Нёани ахорани тэнг баян бичини. Туй тэргэдэми-тул Кэкэ Иктова такогахани. Ваними мова дяпара, наондёкан барони хукчулүхэни.

- Ми дёи кирадоани эди дярира! - моралохани Кэкэ.

- Мимбивэ эди пачилара! - даи дилгандии Икто ункини. Кэкэ тэрэм очини. Мова начи нангалагора, аяктаи туручими, туй дэрүхэни:

- Нэку, ми симбивэ тонгаласимби. Ая, минчи гисурэру, хайду бахаси туй би улэн ахорасалба? Гудиэлэ, Илбода эй-мэт би тэтуэсэлбэ мурчини.

Икто улэнди миаванку наондэкан бичини. Нёани эйду-тул эникэндуи хэм гисурэхэни. Хони сагди морин баян хурэнчи ирачихамбани.

Диалан чими Кэкэ эрдэ тэрэ, гучэнсэл чапасалдиани эпэмими дэрүхэни. Нёани, тэнг улэн, тэнг амтаси таси-масалба ангоктара, эси-мэт Иктова элэдэлэ сиаванкини. Илбоду-тани, даи сомалансалба бурэ, хомоинди дуэнтэ-чи пунгнэхэни.

Гойдами Илбо дуэнтэду памачихани. Туй пулсими, туй энэми, хаолиа Икто бичини боачи исиндахани. Кэндэли хаши пакчи-пакчи бичини. Илбо токиду тэгүрэ, энимби ункини-мэт, сонгоми дэрүхэни. Сиун сэмди гарпалойдо-ани хамаиади Илбо долдихани:

- Илбо, хайми сонгойси? - най дилгани мэдэсихэни.

Илбо, хэмэ очогора, хамаси кэчэрингүхэни. Нёани дюлиэлэни эм морин илисихани. Нёани даи насални, най-мат, мурунку бичини. - Илбо, лаломи элэ будэмби! - гучи морин дилганкини, - мимбивэ нянга сиаванду?

Илбо, тунгэндиеди тасимава агбимбогора, тэй моримба хэм сиаванкини.

- Илбо, будэлэ агдаохан! Эси ми дармачиива тэру, то-тара дэнг-дэнг дяпачиру?

Туй умми, сагди морин дуэнтэвэ пагдиалами дэрүхэ-ни. Туй тами-тул, эмуту хасарку-мат, уйси дэгдэлүхэни: хурэн, дэту удэвэни. Туй дэгдэми, туй пукчими, нёани эм гогда дёлома хурэнчи исиндахани.

- Чок! Чок! - дюлиэ бэгдидии морин пачилахани.

Байгда туй тайни гэсэ, хурэн, эмуту эуси-таоси уйкэ-

ку-мэт, нэс нихэлипкини. Илбо мориндиади хулунгурэ, тэй хурэн дочиани ихэни. Чаду илан гиалако бичичи.

Илбо, энимби хэсэвэни дахорсими, дюэр бонго гиала-косалчи эм ирэми, тэнг илачаа гиалакова нихэлихэни. Чаду айсинсалба, мэнгунсэлбэ ичэхэни. Илбо тургэнди айсинсалба, мэнгунсэлбэ, сомалансалчи тэучими дэрүхэ-ни. Нёани сомалансални тиас-тиас очичи. Туй энимби ункимбэни бусэсэми, Илбо до мурундуэни иламо очини.

Сомалансалба чаду нангалагора, Илбо тургэнди тая-диади ниэгүхэни. Тотара дюэе гиалакочи ирэ, Икто тэ-туэни-мэт би ахорасалба тэтугүхэни. Таванки бонго ги-алакочи эм ирэми, дёлома уйкэ барони мочогохани. Чаду нёамбани морин халачихани.

Илбо, морин оялани тэгүрэ, дэнг-дэнг нёамбани на-манкини. Морин даиди ингирини гэсэ, дёлома уйкэ бай нэс нихэлипкини. Морин, эмуту хасарку-мат, дэгдэми пукчилүхэни. Дуэнтэ, дэту удэвэни. Хурэн, гириа дова-ни. Туй тами-тул Илбова токи барони тэрэк гадёхани.

- Илбо, пэдэми дэрэдигуру! Хайва-да гэлэй осини, эуси дидюхэри? Ми симбивэ бэлэчидемби!

- Морин, морин, пэдэми дэрэдигуру, - агдапси дилган-дии Илбо унгүхэни.

Морин эйду-тул аба очогоахни, Илбо мова токиду тиас молсигора, дярими дёкчийи зугулүхэни.

- Хани-рани-на! Хани-рани-на! - Илбо дярихани.

Илбо дярини дилгамба долдипи, Кэкэ мангади агда-хани. Айсимба, мэнгумбэ гадёйвани халачихани. Тота-ра Илбова ачапчи пагдиалахани.

- Илбо, хайду бини ми айсима сомалансалби! - Кэкэ моралохани.

Тотара, токиду би мосалба эуси-таоси нангачими, Кэкэ сомалансалба гэлэктэгүхэни. Хамача-да чаду абавани сагопи-мат, Кэкэ пиктэи барони хукчугүхэни. Илбо сонгоми моралохани. Эйду Икто боачи ниэрэ, эникэи дэнг-дэнг дяпахани. Кэкэ, эмуту пуевэ бахан мапа-мат, морамии сиасихани:

- Кисиако хай-да, Илбо! Балдихан энимби аргалахаси! Ая, ая, чимана нэ энэдемби! Сагди моримбасу халиа-гора, айсимба гадёдямби!..

Долбо инэдэлэ Кэкэ эпэмими дэрүхэни. Тэнг бонго чико морапсимбочиани-мат, нёани омологора боачи ниэхэни. Боала ваними топтова дяпагора, токику дуйси томи дэрүхэни. Боала хаси пакчи-пакчи бичини. Кэкэ мангади будурихэни. Сиун гарпайни дюлиэлэни тэй боачи исиндаорива мурчихэни.

Туй энэми, туй дими, Кэкэ хаолиа исиндахани. Тотара, токиду улэнди тэгүрэ, тасимасалба сиами дэрүхэни. Элэдэлэ хэм сиара, Кэкэ сонгоми дэрүхэни. Сиун сэмди гарпайдоани, хамиалаи Кэкэ най дилгамбани долдихани.

- Кэкэ, хай сонгойси? - нёани мэдэсихэни. Кэкэ, хэмэ очогора, мэнэ хамиалаи эм сагди моримба ичэхэни. Тотара нгалачии топтова хусуми дэрүхэни.

- Кэкэ, лаломии элэ будэмби, - гучи модан морин дилганкини, - мимбивэ нянга сиаванду?

- Демуси осини, гэ, ланг диду! - Кэкэ унгүхэни.

Морин ланг-ланг осини, арганду Кэкэ тэнг имдарди

морин монгончиани топтова нангалахани. Тотара тэй моримба токичии дэнг-дэнг уигүхэни.

- Но-о! - токиду тэсими, Кэкэ морапсинкини. - Тургэнди мимбивэ хурэн барони ирару? Чаду-мат симбивэ элэдэлэ сиавандямби!

- Но-о! - морин дарамалани Кэкэ пачилахани.

Морин, дайди ингирира, дюлиэ бэгдидии нава бангсачира, эмуту хасарку-мат, уйси дэгдэми дэрүхэни. Кэкэ, нгэлэми насалби чимчак нэкурэ, токива дэнг-дэнг дяпачихани. Хаоси энэи-дэ, хаоси дэгдэи-дэ, Кэкэ, аба, сарасини. Туй дэгдэми, туй энэми, морин начи тугучиэнимэт, Кэкэ насалби нихэлигүхэни. Нёани дюлиэлэни даи, гогда, хурэн бичини.

- Чок! Чок! - морин дюлиэ бэгдидии тэй хурэмбэ бангсачихани.

Байгда туй бангсалайни гэсэ, хурэн эмуту эуси-таоси уйкэку-мэт, нэс нихэликпини.

Кэкэ токидиади хулүндэ, дюэр гиалакосалба хамар энэми, тэнг илачиа уйкэлэ-рэгдэ илүхэни. Эйду, тиак-тиак баянсалба ичэпи, Кэкэ агдами инэктэлүхэни. Тотара паланчи түрэ, айсинсалба, мэнгүнсэлбэ, мэнэ пэгиэчии эбирими дэрүхэни.

- Эй хэм ми баямби! Эй хэм ми бобои! - даи дилгандии Кэкэ моралохани.

Байгда Кэкэ туй морайни гэсэ, на эмуту агдирай-мат, ингурими дэрүхэни. Айсима гиалако ичэуриди нучи-нучи очогоми, Кэкэвэ якчими дэрүхэни. Кэкэ мэнэ сомалансалби боачи кутучими, хаолиа токичи гадёхани. Тотара токиду тэгүрэ сагди моримба тойками дэрүхэни.

- Но-о! Но-о! - Кэкэ морахани.

Морин, масиди ингирими, дёлова бэгдидии бангсачихани. Байгда туй тайни гэсэ, уйкэ бай нэс нихэликпини. Эси-тэни морин, Кэкэвэ токиди гэсэ ирчими, гоан чок уйси дэгдэлүхэни.

- Элкэ дэгдэру! Пэгилэ энэру! - Кэкэ нгэлэми морахани.

Морин, хайва-да эм сарами, хайва-да эм долдиами, джолэси-рэгдэ пукчими дэрүхэни. Нёани туй дэгдэйдүэни, Кэкэ самалансални гудэ-гудэ энэхэчи. Эси-тэни сомалансалдола, эмуду боной-мат, айсинсал, мэнгунсэл, на хэкпэ тумэри дэрүхэчи.

- Эй ми айсингои! Эй ми мэнгунгуи! - Кэкэ уедиэди морахани.

Хониа гойдами морин дэгдэчихэмбэни, уй-дэ сарасини. Туй дэгдэчими, хаолиа топтова мокторам энэвэнкини. Таванки габалан Кэкэ, эмуту дёло-мат, токидии гэсэ начи тугүхэни.

На оялани таванки айсинсал, мэнгунсэл сар балдимари дэрүхэчи. Габалан Кэкэ, эси-дэл нава муйкуми мэнэ баямби этурини: «Эй ми айсингои! Эй ми мэнгунгуи!» ини, долбо Кэкэ морайни.

ЧОЛЧОМИАКАН

Эм нучи ниэчэкэн Чолчомиакан, сиунди гэсэ тэми, сиунди гэсэ апсингоми, иниэ тиан огдагои ангосими дэрүхэни. Хониа гойдами нёани дёбохамбани, хониа гойдами нёани ангосихамбани, уй-дэ ичэсини, уй-дэ сарасини.

- Хайва, Чолчомиакан, ангойси? - олокиана уй-ну мэдэсихэни. Чолчимиакан дякпадой сиани ваними Гормохокамба ичэхэни.

- Чол-чол-чол! - Чолчомиакан моралохани. - Агдиди соригои огдава ангои!

- Агдиди соригои? - мэдэсихэни Гормахокан.

- Нёани нучи гурунсэлбэ нгэлүчини! - Чолчомиакан дилгангохани.

Гормахокан, эси-мэт туй би дякава долдипи, мангади агдахани. Нёани-да Агдиди манга нгэлэйни. Тотара Чолчомиакан огдава ангойвани бэлэчиуриw мурчихэни. Гормахокан эуси-таоси чормок-чормок пуйкунэсирэ, дуэнтэчи диасилби гэлэндэгүхэни. Гормахоканду эгди бичичи: сангпар хулукэнсэл, сахарин сингэрэкэнсэл, гучкули улгикэнсэл, мурунку пунчилкэнсэл, буйгу оёсал гучи бэнгэ яндакосал. Нёанчи-да хэм Гормахокан-мат, Агдиди нгэлэмэри балдихачи.

Нянга бими, Гормахокан диасилби гадёми дидюхэни. Тотара дур Чолчомиакамба бэлэчимэри дэрүхэчи. Сингэрэсэл гиолсалба ангомари дэрүхэчи. Хулукэнсэл, гоомба гэрбэндэмэри, пагдиалахачи. Гормахонсал огдаду тэсичи, хамиа бэгдидиэри дангнямба пачилайчи. Пунчилкэнсэл эуси-таоси тутуэчичи, бэнгэ яндакосалба далачичи. Нёанчи коёлба эуричи, дургимэри морайчи.

Дуэнтэду хоалан очини. Хоаламба Соли долдихани, тотара эуси бэйчэми дэрүхэни.

- Чол-чол-чол! - коёлду досими, Чолчомиакан моралохани. - Агана, эгэнэ, пэдэ! Солика бунчи хукчуэмэ!

- Сингэрэкэнсэл, хулукэнсэл, улгикэнсэл, пунчилкэнсэл, гормахокансал, оёнсал гучи яндакосал эйду-тул мэнэ-мэнэ омочиари сиригохачи.

- Чолчомиакан, хаоси баргичиси? - огдаду тэрэ, Солика мэдэсихэни.

- Агдиди соригои тамби! - уедиэди Чолчомиакан дилгангохани, нёани нучи гурунсэлбэ нгэлучини!

- Ха-ха-ха! - инэктэлухэни Солика. - Туй би нгэлэктудиасилдии Агдива хони хэтэйчиси!..

Солика, инэктэми, огда довани пуэсэхэни. Туй инэктэми нёани Енгур дичимбэни ичэгуми-дэ абани.

- Солика, хайми туй инэктэйси? Ми улэнди аориива хайгои си сэрүхэси!..

Солика нгэлэхэни. Тотара, хамаси мичогоми, хэсэ ана коёлчи Енгурбэ ичучихэни.

- Хэ-хэйс! - эрдэнгэвэ Енгур бахани, - эй ниэчэкэн симбивэ туй инэктэвэндини?.. Ая, ая, Чолчомиакан, мимбивэ-дэ енуэлэвэнду? Туй таси осини, огдаваси сар такточидямби! Отоликаси?..

Чолчомиакан, нгэлэми хэмэ-хэмэ коёл суэндуэни досихани. Туй там-тул олокиана Мапа эуси исиндахани. Нёани эйду-тул Енгур монгондолани дэнг-дэнг дяпахани.

- Енгур, си хонь тайси? Нучи гурунсэлбэ туй эрулэйси?!

- Мапа ага, аба, - Енгур ачканасими дэрүхэни, - эй хэм арганку Солика-маня орбочихани!

Эйду Гормахокан диасилни оmodиари ниэгүрэ, Мапа-

ва кэндэли хординкичи. Тотара диа диавари аносимари, дэн дандиани хэм гисүрэхэчи.

Мапа нучикэндюэмбэ улэнди досидяра, Соликава гэлэгуми дэрүхэни. Соли хайду-да абани. Балана нёани чочагохани. Эйду Мапа мангади аякталахани, тотара Енгурбэ Огдаци халиахани.

- Мапа-ага, мимбивэ чиндагору? - Енгур сонгохани.

Мапа Енгурбэ долдиасини. Нёани, нучикэндюэмбэ огдаци хэм тэгүвэн-дэ, Енгурбэ пунгнэми дэрүхэни. Енгур огдава муэчи ирчилохани. Туй Енгур Солика орондолани мангава бахани. Тотами Енгурди, Солиди диадиавари кэту улэсиэсичи.

Улэн мапа бичини. Нёани нучикэндюэмбэ хали-да оркинди тасини. Нучи гурунсэлбэ дякпадои тэгүвэн-дэ, Мапа Чолчомиакамба горо покточи сусуэчихэни.

- Чолчомиакан, пэдэми энэру! - дур нучикэндюэнсэл морахачи. - Агдива хэтэгүрэ мочогохари!..

Таванки эмүчэкэн Чолчомиакан Мангбова соломи дэрүхэни. Нёани, коёл суэндуэни досими, дюлэси ичэди-хэни. Туй энэми, туй соломи, Чолчомиакан хэй Силпомба ичэхэни.

- Чолчомиакан, хаоси энэйси? - дюкэн Силпон мэдэсихэни.

- Чол-чол-чол! - уедиэди Чолчомиакан моралохани. - Агдиди ми сориндаи! Нёани нучи гурунсэлбэ нгэлучини!

- Энэнэ, - эрсингүхэни Силпон, - мимбивэ-дэ Агди эрулэхэни. Гүчэмбэ силпочира, мимбивэ-тэни муэчи нанга-

лахани. Чолчомиакан, мимбивэ си дяпару? Ми симбивэ бэлэчидемби!

Таванки дюэрдизери Мангбова солومари дэрүхэчи. Туй солумари, туй энэмэри, сиан оялани эм Гучэн диливани ичэхэчи.

- Чолчомиакан, хаоси энэйси? - Гучэн дилини мэдэсихэни.

- Чол-чол-чол! - уедиэди Чолчомиакан моралохани. - Агдиди ми сориндаи! Нёани нучи гурунсэлбэ нгэлучини!

- Энэнэ, - Гучэн дилини чорихани, - мимбивэ-дэ Агди эрулэхэни. Бэеивэ сиара, гакисалду мимбивэ сианду нангалахани. Чолчомиакан, мимбивэ-дэ дяпару? Ми симбивэ бэлэчидемби!

Таванки нёанчи иландиари Мангбова солумари дэрүхэчи. Туй солумари, туй энэмэри, мэгдинду суэндулэи калтарам энэхэн хоронколава ичэхэчи.

- Чолчомиакан, хаоси энэйси? - сонгоми хоронкола мэдэсихэни.

- Чол-чол-чол! - уедиэди Чолчомиакан моралохани. - Агдиди ми сориндаи! Нёани нучи гурунсэлбэ нгэлучини!

- Энэнэ, - хоронкола пикорихани, - мимбивэ-дэ Агди эрулэхэни. Таваку сурэдии дилиива калтарам чапчилахани. Осакта пиктэсэлби сар туридизэчи. Чолчомиакан, бумбивэ си гудиэсиру, осактасалба дяпару? Нёанчи симбивэ бэлэчидерэл!

- Таванки Чолчомиакан мэнэ сикун диасилдии Манг-

бова соломи дэрүхэни. Туй соломи, туй энэми, эси-тэни уй-ну, уй-ну огдава дуктэми дэрүхэни.

- Уй огдава пэгиэдиэди дуктэйни? - уедиэди Чолчомиакан мэдэсихэни.

- Чолчомиакан, хаоси энэйси? - уй-ну муэдиэди мэдэсихэни.

- Чол-чол-чол! - уедиэди Чолчомиакан моралохани. - Агдиди ми сориндаи! Нёани нучи гурунсэлбэ нгэлучини!

- Энэнэ, элэ эриэмби, - пэгиэдиэди мома Майто дилганкини, - мимбивэ-дэ Агди эрулэхэни. Сикун дёгоани ми ангохамби. Ангоми ходии гэсэ, нёани мимбивэ муэчи монгмолахани. Чолчомиакан, мимбивэ-дэ си дяпару? Ми симбивэ бэлэчидемби!

Таванки Чолчомиакан, коёлду тэсими, Мангбова соломи дэрүхэни. Эси нёандоани эгди диасилсал бичичи: Силпон, Гучэн дилини, Осактасал гучи мома Майто. Нёанчи гэсэ, туй солумари, нёанчи гэсэ, туй энэмэри, эм хурэн порондоани даи дёва ичэхэчи.

Тэй дё сикун бичини. Нёани долани уй-дэ абани. Силпон тургэнди Агди аорини наканчи сиринадахани. Гучэн дилини-тани эйду-тул муэку саолачи пуринкини. Осактасал диа диавари хамиалани голдён дочиани ихэчи. Майто, уйкэ чиачиани илира, Агдива халачихани. Чолчомиакан, паваду досими, дидюй Агдива ичэдихэни. Нёанчи гойдами-да эчиэ халачиачи, Агди ингурими эйду-бэки исиндагохани. Тотара нёани дё довани эуси-таоси пулсими аяктачихани.

- Кама нонгдива! - Агди ункини. - Сайна, тавава иван-гори.

Туй ундэ, Агди голдён барони тэгүрэ, сиалбисалба пучими дэрүхэни. Туй пучидуэни осактасал мадамари дэрүхэчи. Эйду-тул калтарам-калтарам энэмэри, Агди насалчиани посинкичи.

- Анана, дегдэмби! Анана, дегдэмби! - Агди нгэлэми моралохани.

Тотара, насалби дяпачими, саолачи дичини. Саолава дяпара, Гучэн дилидиани гэсэ, муэвэ хэм омихани. Гучэн дидини-тани Агди хэмдэни долани сэкпэчими дэрүхэни.

- Энэнэ, энэнэ, - Агди чорилохани.

Хэмдэи дяпачими Агди наканчи апсинкини. Байгда апсиндини гэсэ, Силпон Агди дармалани гидалахани.

- Анана! - гучи модан Агди моралохани. Туй морами Агди уйкэ барони пагдиалахани. Байгда уйкэ-лэ ниэрини гэсэ, эйду-бэки Майто Агдива лапам пачилахани.

- Анана-а! - туми Агди морахани.

Чолчомиакан, тухэн Агдичи уедиэди хукчүрэ, диливани чоками, морахани:

«Чол-чол-чол! Ми симбивэ хэтэхэмби! Нучикэндюэмбэ нгэлучиэси осигоаси! Чол-чол-чол! Буэ симбивэ дабдахапу! Уйвэ-дэ си оркиласи осигоаси!»

Туй Чолчомиакан Агдива хэтэхэни. Нёани хайди-да нгэлэсини, дуэнтэду балдини. Найва ичэй осини, Чолчомиакан найчи ланг-ланг догора, «чол-чол-чол!» моралойни. Нёани Агдива хэтэхэмби гисурэйни.

САЙЛА ГУЧИ МАЙЛА

Эм боаду дюэр паталан балдихачи. Сайла даидима, Майла-тани нучидимэ. Нёанчи, туй гэсэ балдимари, эмуту мэргэнсэл-мэт, хайва-да хэм вари бичичи. Хатан лэкэдиэри уедиэди нёнгнява тугбуй, сарби гидадиари ма-пава манай тахачи.

Эм модан паталансал дёгчиари эрдэ зугухэчи. Сайла сияорива баргичай, Майла-тани голдён кирадоани тэ-сими, нучи пиктэкэн тэтуэвэни согбоди улпихэни.

- Сайла, - мэдэсихэни Майла, - гэ, эгэ, чапади эктэ нэугуэри ангосигоари? Тотара Чападаканди гэрбиэсигуэри?

- Аба! - айттамосо Сайла унгухэни, - тамача дякава ми мурчизсимби. Чихалай осини, ми тэнг найва бадямби!

Майла, оркимосо очогора, хэмэ тэсихэни. Нёани дони тэнг мангади нучи нэугуи мурчихэни. Эйду-бэки улпии ходира, такто барони тохани. Тотара тактодиади Майла урэктэми тиас холгохан дава чапавани дёкчи гадёхани. Тэй чапасалба хэни долани нучими дэрүхэни. Чапасал, эмуту сэгден опа-мат осини гэсэ, Майла тади нучи арчокамба-Чападакамба ангора, тава кирадоани холгичихани. Улэн холгочиани, Майла Чападакамба улпихэмби тэтуэвэ тэтувэнкини. Тотара Чападакан нгаладоани дяпагора, элкэ ункини: «Майлава улэси осини, хаминалаива, нэку, илигору? Майлава улэсизэси осини, хаминалаива сар тугуру!.. «Туй уми, Майла Чападакамба мэпии дабал нангалахани.

Майла хамаси ичэгуйни гэсэ, хамналаи-тани найкан дилгамбани долдихани:

«Ми, Майла, симбивэ улэсиэмби. Ми, си, нэуси – Чападакан тамби!»

Таванки нёанчи иландиари балдилохачи. Паталансал мэнэ поктовари вайчамари пулсичи, Чападакан-тани дөгду бими, тэнг улэн сияптангисалба улсихэни. Туй там-да Чападакан эм даи Сингэрэди мангла нгэлэйни. Тэй Сингэрэ накан пэгиэлэни ини, долбо хэрчи, кочирай тахани. Эгэсэл сиксэ дидюйчи гэсэ, Чападакан тэнг дэнгэrimi сонгохани:

- Эгэнэ, эгэнэ! Ми Сингэрэди кама нгэлэмби! Ми диагоива тургэнди наондёкамба чапади ангосиосу? Хик! Хик!

Паталансал мангади Чападакамба улэсихэчи, туй там наондёкамба ангорива чихалахачи. Сайла эйду-тул такточи чапава нганиндами тохани. Тактоду манга пакчи бичини. Олокиана горопчи гуйсэ долани онгака пиктэ сонгойвани долдихани. Нянга тэргэдэрэ, Сайла гуйсэвэ нхэлэхэни, тотара чаду нилакон пиктэвэ ичэхэни. Пиктэ сонгоми бэгдикэндии, нгалакандии дэнгэр-дэнгэр тахани. Сайла миавани агдахани, нёани мурчихэни мурун тэрэк очини. Эйду-тул тунгэнчии тухилэгурэ, тэй пиктэ-кэмбэ дёкчи ивугухэни.

Таванки паталансал хаоси-да пулсиэси очичи. Нёанчи нучи хусэ нэучи ини, долбо уйвэ-дэ каока осивандасини. Наондёкан, нянга урэпи, сонгои ходиочиани-рагда, паталансал поктовари илигохачи. Нучи нэувэри Ча-

паканду дөгду апогохачи. Чападакан мангади агдахани, нэуи этхиуривэ улэсихэни.

Бонго ини пулсимэри, паталансал горо боачи эчиэ энэчи. Нёанчи тул-тул хусэ нэувэри мурчихэчи. Эм модан, гэсэ зугумэри, нёанчи эрдэнгэвэ ичэхэчи. Эмуту хайда дегдэйни-мэт, дёо коландолани тэнг сахарин сангнян агбинкини. Чалани гучи, тэнг оркин далгача пуни кэк-тэрсихэни. Паталансал нгэлэхэчи, тотами-да эрдэнгэсихэчи. Павачи ланг осира, дёкчи гурпункичи.

Паланду голдён кирадоани эм сагди мапачан тэсихэни. Нёани Чападакамба таваду далгачими сиарини.

- Туй симбивэ хэм сиядямби, - хисангосихани сагди мапа. - Амбан Онгакава бэлэчиуривэ чихалачиси. Хах! Хах! - инэктэхэни Онгака. - Экэсэлбэ аргасими, кама, ми лалохамби, хонь тахан-да, мурун ана эгэвэси хэм сиягодямби. Хах! Хах!

Уйкэду най сиасимбани долдипи, Онгака эси-тул нучи наондёкан очогохани, тотара дёо оралдидиани сонголохани. Сайла, тургэнди дяпагора, тэнг улэн дилгандии амиолихани:

- Гуделэ, поя-нэку. Тэде, ини тиाप демуди, чипчанди балдими элэ будини. Ая, эси-тул голдёмба ивангора, эси-тул энюэ тиас муэлсирэ, чарбар силкочидяпу, элэдэлэ сиявандяпу.

Наондёкан хэмэ очогойни гэсэ, пудинсэл муэвэ муэлсигурэ тавава ивангохачи. Энюэду муэ элэ-элэ пуйсими дэрурини, паталансал энюэ эе-тая кирадоани тэгурэ, наондёкамба дяпагохачи. Тотара нёани дэрэлбэни одёкта-

мари, энюэвэ дабал-дабал диа диачиари аломари дэрухэчи. Тэнг энюэду муэ посор-посор пуйсилуйни гэсэ, Майлади, Сайлади тэй амбамба энюэ дочиани тугбурэ, дан тункэди дэнг-дэнг дасихачи.

- Ала-ла! - морасинкини Онгака.

Амбан Онгака пуйси энюэ долани тункэвэ дилидии дуктэхэни. Паталансал эси-тул тункэвэ хуйгэ дёлосалди дигдахачи. Таванки хаоси насал ичэй осини, таоси пагдиалахачи. Горо пагдиалахан, дидя тутухэн, Майла као-дарахани. Тотара сонгоми эйкэчи ундини:

- Сайла, эвэнки ми пагдиаласимби. Дёгду эниэ бухэни хадёмба онгбохамби: мэрхэвэ, чуруэмбэ гучи билуэвэ. Таванки паталансал хамаси пагдиалагохачи. Дёо дола-ни хаси Онгака-Мапа морахани. Уйкэ-лэ, павала, пэкэ-си сугбин бай чам сугбинкини. Паталансал дёкчи игу-ривэ нгэлэчихэчи. Онгака-тани энюэдиэди долиндола агбингора, эуси-таоси дёлосалба нангачилохани.

- Сингэрэ, Сингэрэ, - паталансал хэрсилухэчи, - бум-бивэ мангаду бэлэчиру? Пава бэкэндуэни би чуруэмбэ, айсима мэрхэвэ, дёлома билуэвэ бунчи ирагору?

Сингэрэ мэпии эчиэ халачиванда. Нёани эси-тул пудинсэл хадёмбачи ирчими гадёхани.

- Си-дэ, Сингэрэ, бэлэчиси! - морахани Онгака. - Ая симбивэ-дэ сиягодямби!

Онгака-Мапа эйду-тул Сингэрэвэ дёлоди нангалахани. Сингэрэ-тэни бай чингими омочии чул игухэни.

Таванки паталансал хаоси насал ичэй осини, таоси пагдиалагохачи. Нёанчи хамиалачи-тани Онгака туту-

хэни, сарби хуктэдии катар-катар тами, морахани:

«Эси-тул сумбивэ хангпандямби! Эси-тул сумбивэ лунгбэдемби!»

Нгэлэми дабами, Сайла сонголохани, Майла-тани, тунгэндиедди айсима мэрхэвэ татагора, туй хисангсихани: «Эниэ айсима мэрхэни, хуктэси чу чингиани. Амбан дюлиэлэни начи тухэри, чингиан мосалди яп урэхэри?»

Туй уми, начи нангалахани. Эйду-тул тэнг Онгака-Мапа опорони дюлиэлэни чингиади гогда мосал балдихачи.

- Ала-ла! - мосал чиалани Онгака морахани.

Мангади Онгака-Мапа аякталара, мосалба хэрчими дэрухэни. Мосал нихир-нихир тумэри, амбамба дюлэси чиндахачи.

Паталансал хаоси насал ичэй осини, таоси пагдиалахачи. Нёанчи хамиалани-тани Онгака-Мапа тутухэни, сарби хуктэдии катар-катар тами, морахани:

«Эси-тул сумбивэ дяпадымби,

Эси-тул сумбивэ лунгбэдемби!»

Нгэлэми дабами Сайла сонголохани. Майла-тани тунгэндиедди чуруэмбэ татагора, туй хисангсихани:

«Чуруэн, хайва-да хэм чуктулиси. Си, хусэ мэргэн-мэт, масиси! Амбан дюлиэлэни начи тухэри, эйду-бэки чонг-дова яп хулэхэри?»

Туй уми, начи нангалахани. Эйду-тул тэнг Онгака-Мапа бэгдини дюлиэлэни сонгтади нава чуруэн явохани. Онгака олокиана тэй дочиани тундэхэни:

- Ала-ла! - таядиади нёани морахани.

Мангади Онгака-Мапа аякталара, эидиэди уйси хосихани. Эйду нёани сарби хосактасални моло-моло очини. Хаолиа уйси токохани. Паталансал хаоси насал ичэй осини, таоси пагдиалахачи. Нёанчи хамиалачи-тани Онгака тутухэни, сарби хуктэдии катар-катар тами, мо-рахани:

«Эси-тул сумбивэ хангпандямби. Эси-тул сумбивэ дал-гадямби!»

Нгэлэми дабами Сайла сонголохани, Майла-тани тур-гэнди билуэвэ татагора, туй хисангсихани:

«Си дёлома, чу маси билуэ, хайва-да хэм си сирухэси. Амбан дюлиэлэни начи тухэри, дёлома падиранди якчи-хари?»

Туй уми, начи нангалахани. Эйду-тул тэнг Онгака-Мапа опорони

дюлиэлэни, эмуту падиран-мат, тэвэксэчи ек дёло бал-дихани.

- Ала-ла! - килу-килу би дёло чиалани Онгака-Мапа дилгани оралкини.

Мангади Онгака-Мапа аякталара, тэй дёлосалба катар-катар хэрчими дэрүхэни. Эйду-бэки нёани, мэнэ сар-би хуктэсэлби мэр-мэр маниами, хаолиа даи сангарба хэрчихэни.

Паталансал хаоси насал ичэй осини, таоси пагдиала-хачи. Туй тутумэри, туй энэмэри, Майла, Сайла эм даи Они кирачиани зүхэчи.

- Андана пудинсэл, хаоси суэ тутуйсу? - мэдэсихэчи багиадиади дюэр мэргэнсэл.

- Агана Мэргэнсэл, бумбивэ хориосу, мэнчиэри даво-госу? - сонгохачи Пудинсэл.

- Онгака-амбан хасини, бумбивэ вайчайни!..

- Ая, эси-тул хоридяпу! - Мэргэнсэл чихалахачи. Ил-гаку таломат утунгивэри Мэргэнсэл анахачи, тотара Пу-динсэлбэ мэнчиэри гадёхачи. Тэнг нёанчи даогойчи гэсэ, Онгака-Мапа Они барони тутуми зүхэни. Тотара, опо-родии зүси-таоси пунгичими, моралохани:

«Эйду-тул сумбивэ уйнгэдемби! Эйду-тул сумбивэ ба-огодямби!»

Тая Они кирадоани Мэргэнсэлбэ ичэпи, Онгака-Мапа, хэмэ очогора, аргамби чиндами дэрүхэни.

- Агана-Мэргэнсэл, дюэр гиусэлбэ, сайна, суэ ичэхэ-су? Мэнчиэри, сайна, халбохасу?..

- Аба! - Мэргэнсэл дилгангохачи. - Буэ гиусэлбэ хаси-асипу, ичэмэри-дэ абалу!..

- Агана-Мэргэнсэл, - гучи модан Онгака-Мапа мэдэ-сихэни, - мимбивэ суэ давосу, сагди мапава бэлэчиусу?..

- Ая, хай гасайсу! - Мэргэнсэл чихалахачи.

Мэргэнсэл эйду-тул эм горопчи утунгивэ Оничичи ана-хачи. Тэй утунги сангарку бичини. Хэмбэр утунги бай чир Онива даохани.

- Гэ, Мапа, утунги! - морахачи мэргэнсэл. - Гиунгуи хазиру!

Тэй утунгиду Онгака-Мапа охани, тотара тайси сой-рами дэрүхэни. Тэнг Они токони янчи исими, луктукту утунги муэчи ими дэрүхэни. Чаду тэнг манга, эмуту пуй-си-мэт би, хэе морколахани. Онгака-Мапава муэчи бай топ татагохани.

Таванки эсидэлэ Они токондоани, манга хэе паогидоани, Онгака-Мапа атаривани долдиорини: «Ала-ла! Ала-ла!». Туй нёани ини, долбо бэлэчимбэ гэлэйни.

ГАРПАМДИ МЭРГЭН

Балана нангалаохан дёо долани, эм наондёкан балдихани. Нёани балдими-тул накан оялани аори бичини. Хаду айнганива нёани чаду аоривани-да, уй-дэ сарасини. Хаду айнганива нёани чаду балдихамбани-да, уй-дэ ичэсини. Туй ини - долбо урэми, туй дёа - туэ балдими, наондёкан мэнэ сола урэхэни.

Эм модан, толкиндуну, бай туй сэрундуну, чава наондёкан улэнди отолигоми-да абани. Хонь-да нёани мурчиникэ, эй хэм сэрунду бичин-мэт очини. Наондёкан улэнди долдихани, хонь-да дёо Гуси торани калтарам энэхэмбэни. Нёани улэнди ичэхэни, хонь-да калтахан Гуси торала, эм нучи сисама най агбинкимбани. Нёани нгаладои сэлэмэ урэхтэвэ дяпачихани.

- Ми симбивэ этури Дюлен тамби! - туй ундэ, Дюлен ланг-ланг осими дэрүхэни.

- Ми си сагдилси дёони этумдини! - Дюлен най хэсэдиэни элкэ хисангосихани.

Дюлен, туй хисангосими, наондёкамба ярси-мат, сой-рактама насалдii ичэдихэни.

- Эй инициэ байгоамбасу аргалами, симбивэ ини - долбо этуми, сиаванди, омиванди тахамби.

Туй Дюлен хисангойвани наондёкан, энимби, амимби дилгамбачи долди-мат, мурчихэни.

- Нэку, тэру? Тотара ичэндэру, хонь-да си кэси эниэ нанговаси сэлэмэ хасардии даи Кори* эрулэхэмбэни! На оялани урэй, балди дякасал хэм хангмахан. Нэку, илигору? Тотара ичэндэру, хонь-да си кэси боаваси сэлэмэ хасардии даи Кори сингэрэхэмбэни! Боа долани эрси, дэгдэй усэлтэсэл хэм абанахан. Гэ, поя, сэнэгуру? Тотара чори найи кандёндару! Гэ, поя, илигору! Тотара балди-хамби Мангбонгои масилтору!

Туй элкэ най хэсэдиэни хисангора, Гуси тора дочиани Дюлен игүхэни. Наондёкан тургэнди тэгүхэни, тотара Дюлен илисихани палан токончиани илигохани. Эрдэнгэсими, Гуси торава ярсими дэрүхэни. Хони ярси-да, Гуси тораду хамача калтавани-да эчиэ барани. Гуси тора, эмуту дёло-мат, килто-килто бичини.

- Хэ-хэйс, - мурчихэни наондёкан, - сайна, улэн толкимба ичэхэмби, бидерэ?..

Туй мирчирэ, наондёкан мэнэ бэунчи бай дюпук апсингохани. Эм боаду аоми, зуси-таоси пойпоачими, гучи модан наондёкан масиди онгасагохани.

Гойдами нёани туй аохани-ну, гойдами нёани туй хончирахани-ну, Гуси тора гучи модан уедиэди начи ек калтарам энэхэни. Эйду-бэки калтакала тэй Дюлен гучи модан агбингохани. Тотара, мэнэ илисихамби бэунчи дидюрэ, най дилгандиани дэрүгүхэни:

*Кори – сэлэмэ даи гаса.

- Поя, си гэрбуси Гапчи! Эй-тэни Гарпамди - на оялани чу паосо най! Мэргэн бими, мэргэндуи мэргэн! Вайлин бими, вайлиндуи вайлин! Хаха бими, хахадой хатан! Манга бими, мангадой манга! Гэ, энимби амимби нава-ни кандёндару? Тэрэси осини, сэлэмэ урэктэди дуктэдем-би! Гэ, боаи наи хориндару! Илигоаси осини, сэлэмэ урэк-тэди тойкандямби! Си наду балдихан най пиктэни! Си Мангбоду урэхэн най сэксэни! Сэлэмэ Кори-ди соринда-ру! Сэлэмэ Корива хэтэндэру!..

Дюлен даи дилгандии туй хисангосира, сойпрактама насалдии хатанди ичэгурэ, хамаси Гуси тора-чиани игу-хэни.

- Дюлен! Дюлен! - Гапчи моралохани.

Паланчи хулунгурэ, Гуси тора оялани То хуевэни ичэ-хэни. Нёани тойнгади гараку бичини. Тэй гарасалду ха-чин ахорасалба лоохан бичини: хатан бури, маси лэкэ-сэл, талома бунюку гучи лэр илгаку тэтуэсэл.

Ахорасал Гапчиду даи бичичи. Гапчи, бури-вэ, лэкэ-вэ дяпара, Гуси торани барони дюрини гэсэ, эйду-бэки нё-ани урэлүхэни: маси, гогда, мэргэн очини. Тэтуэни-дэ бэечизэни тэрэк-тэрэк очичи, эмуту уй-ну, уй-ну улэнди улпихэни-мэт, бичини.

- Дюлен! Дюлен! - бури-вэ чэк-чэк татагора, даи дил-гандии Гапчи ункини: - Си мимбивэ эй иначиэ удихэси, эйлэ-тэни симбивэ энимби-мэт, амимби-мат, баняламби! Дюлен! Дюлен! Си мимбивэ улэнди долдиру? Сагдилби гиандолани Гуси тора-чи лэкэ-вэ чиндамби. Нёани чаду тиап ирэ, сэрбэр сэптуй осини, Дюлен, ми манга покто-

ду илисии! Нёани, чаду илисими, начи тури осини, Дю-лен, наи, боаи кандёми, ми тухэмби! Нёани чаду тул-тул илиси осини, Дюлен, ми аяди боачии мочого-дямби!..

Туй умми Гапчи бай тас гарпахани. Лэкэ, эмуту агди-рай-мат сионгими, Гуси тора-чи тиап тойкохани. Гапчи, Гуси тора барони михора-чира, боачи низэхэни.

Боала пакчи-пакчи бичини. Бонгоду Гапчи отолиго-ми-да абани: долбо эрин бичини-ну, ини эрин бичини-ну. Кэндэли лао-лао сангнян-маня, хайва-да ичэ-вэсини. Боа, на пака-пака дегдэхэчи.

Гапчи, хал-хал илигора, уйси ичэгүхэни. Уйлэ-тэни сахарин боаду сэлэмэ Корива ичэхэни. Нёани дүэр сэ-лэмэ хасардии, дүлэхидиэди дэруми, пэрхичи ек сиумбэ толим дасихани.

- Ха!.. Ха!.. Ха!.. - уедиэди Кори инэк-тэлүхэни.

Нёани инэк-тэйни дилган, эмуту агди агдирайни-мат, бичини. Туй Кори инэк-тэйдүэни, уедиэди, даи дёло-сал-мат, боно тумэри дэрүхэчи.

- Сэнэгүхэси? Сэнэгүхэси?! - най дилгандиани Кори мэдэсихэни. - Гойдами ми симбивэ эй иначиэ этүхэмби!

Гапчи, эм дилгангоами лэкэи дяпагора, хатан бурии татами дэрүхэни.

- Лэкэи начи нангалару! - аяктан дилгандии Кори мо-рахани.

Гапчи эйду-бэки лэкэи бай тас чиндахани. Сэлэмэ чо-волаи Кори Гапчи лэкэ-вэни ачапчи, эмуту гирмэчи-мэт, тавава чиндахани. Лэкэ уйлэ-тул гэлэлэп дегдэхэни.

- Ая, Гапчи, пэргэдечи! - аяктачихани Кори. - Сиумбэ

пэрхичи ек сусуэчипи, симбивэ Биа дэгдэгуйни дюлиэ-
лэни, сингэрэкэмбэ-мэт, чопал лунгбэдемби!

Эйду Гапчи отолихани. Эй сэлэмэ Корива нёани хали-
да эмучэкэн хэтэсивэни. Туй мурчирэ, Гапчи диасилгои
гэлэндэми, хэдумбэ сангнямба ачапчи энэми дэрүхэни.

- Бачигоапу, Гарпамди-мэргэн! - уй-ну, уй-ну нёанди-
ани бачихани.

Поктои кирадоани Гапчи эм даи Това ичэхэни. То бэ-
ени, эмуту дегдэхэн на-мат, пака-пака бичини. Тэнг нё-
ани даи мурунку насални-рагда, пакчи боаду чам-чам
тахани.

- Хаоси, Мэргэн, энэйси? - ядахан най дилгандиани То
мэдэсихэни.

- Сэлэмэ Корива вагои диасилба гэлэктэи!

- Ми дуэнтэду чу маси, чу хатан тамби, - унгухэни То.
На оялани эси ми эмучэкэн очогохамби. Сэлэмэ Кори
ми диасилбиива хэм манахани! Мимбивэ, Гапчи, дяпа-
ру?

Гапчи чихалахани. Тотара, То оялани тэгүрэ, сангням-
ба, хэдумбэ ачапчи энэми дэрүхэни.

- Бачигоапу, Гарпамди-мэргэн! - уй-ну, уй-ну нёанди-
ани бачихани.

Поктои кирадоани Гапчи эм даи Мапава ичэхэни.
Мапа бэени, эмуту дегдэхэн на-мат, пака-пака бичини.
Тэнг нёани мурунку насални-рагда, пакчи боа долани
килто-килто тахани.

- Хаоси, Мэргэн, энэйси? - сиэхэн най дилгандиани
Мапа мэдэсихани.

- Сэлэмэ Кориди соригои диасилба гэлэктэи!

- Ми балана най бичимби, - унгухэни Мапа, - на ояла-
ни эси ми эмучэкэн очогохамби! Сэлэмэ Кори ми диа-
силбиива хэм сияхани! Мимбивэ, Гапчи, дяпару?

Гапчи чихалахани. Таванки нёанчи иландиари санг-
нямба, хэдумбэ ачапчи энэмэри дэрүхэчи.

- Бачигоапу, Гарпамди-мэргэн! - уй-ну, уй-ну нёанди-
ани бачихани.

Покто кирадоани Гапчи эм даи пурэн Амбамбани ичэ-
хэни. Амбан бэени, эмуту дегдэхэн на-мат, сэрбэр бичи-
ни. Тэнг нёани хатан насални-рагда пакчи боа долани
нёриа-нёриа тахани.

- Хаоси, Мэргэн, энэйси? - мэдэсихэни Амбан даи дил-
гандии.

- Сэлэмэ Корива хэтэгуи диасилба гэлэктэи!

- Ми гэрэн усэлтэсэл даламдини бичимби, - унгухэни
Амбан, - на оялани эси ми эмучэкэн очогохамби! Сэлэмэ
Кори ми диасилбиива хэм вагохани! Мимбивэ-дэ, Гап-
чи, дяпару?

Гапчи чихалахани. Таванки нёанчи энэмэри дэрүхэчи: пу-
рэн Амбани Мапа хамиалани, Мапа-тани То хамиалани.

Туй нёанчи сангнямба ачапчи энэмэри, туй нёанчи
хэдумбэ ачапчи димэри, эм гогда хурэнчи исиндахачи.
Нёани, эмуту анко-мат, уйси чэм-чэм бичини. Тэй гогда
хурэн порондолани-тани, бай сионгими, хэдунди гэсэ
сангнян агбиндини.

- Сайна, эй гогда хурэн долани хэдун балдини? - мур-
чихэни Гапчи. - Ая, эси-тул симбивэ сидемби!

То дармадиадани Гапчи хулунгурэ, тэй гогда хурэн-чи томи дэрүхэни. Тэнг долимбани исими-тани, Гапчи хамаси начи ек кэргизэнгүхэни. Эйду-тул илигора, тэй бэлу-мэт килто-килто би, дёло оявани томи дэрүгүхэни. Тэнг долимбани исими-тани, Гапчи хамаси начи ек кэргизэнгүхэни.

- Хихир! Хихир! - уй-ну, уй-ну инэктэхэни.

- Уй минди инэктэйни? - мэдэсихэни Гапчи.

- Ми Улги, - эм нучи кури-кури би дяка дилганкини, - ми пурэн Амбани чу нучи нэуни!

- Ми Сингэрэкэн, - гучи эм нучи пака-пака би дяка дилганкини, -ми маси Мапа чу нучи нэуни!

- Мэргэн, мэргэн, - улгиди, сингэрэди гэсэ дэрүхэчи, - эйду туй эрүлэй осини, тугуй Сиумбэ си нэ хамаридячи. Буэ нучи-дэ, эгдивэ сарипу. Чихалайси осини, симбивэ бэлэчидепу.

Улгиди, Сингэрэди эйду-тул даи дёлома уйкэвэ ичэ-вэнкичи. Гогда хурэн дочиани эй уйкэлэ сэлэмэ Кори игуй, ниегуй тахани.

Даи То тэй уйкэвэ аносими дэрүхэни. Хатан Амбан тэй уйкэвэ хосими дэрүхэни. Маси мапа тэй уйкэвэ хулэ-ми дэрүхэни. Хони нёанчи туй тахан-да, уйкэ, аба, нихэ-лиэптэсини. Хони нёанчи туй дёбохан-да, уйкэ, аба, дэг-бэлиэптэсини.

- Гарпамди-мэргэн! – улгиди, сингэрэди моралохачи.

- Си омордоаси талома бунику! Тургэнди нёандиани хупиру?..

Талома буникувэ дяпагора, Гапчи хупими дэрүхэни.

Бунику, эмуту паталан дярини-мат, хачин хэлэнди хупи-лүхэни. Уйси Гапчи буникувэ эуригуй осини, гасасал дилгандиани горгилойни. Пэйси Гапчи буникувэ тугбу-гуй осини, бэюнсэл морайвачи амдалойни.

Гапчи туй хупидуэни, гогда хурэн, калтарам энэй-мэт, сиасин ана эуси-таоси нихэликпини.

Гапчи хурэн дочиани ихэни. Эйду-дэ, эмуту боала-мат, пакчи-пакчи бичини. Пакчи долани Гапчи эм мапава гучи эм мамава ичэхэни. Нёанчи, хайва-да сарамари, дёбохачи: мама даи куэгэвэ куэгэхэни, мапа-тани дирэн оялани сэлэвэ чапчихани. Мама куэгэйдүэни, гогда ху-рэн порондолани бай сионгимари, сангнянди гэсэ хэдун, пуксин мэнэ сола хэугихэчи. - Хайва эйду тайсу? - мэдэ-сихэни Гапчи.

- Буэ Кори лаодиани! Ини долбо нёани хасаргоани ангойпу! - дур туй унгурэ, мапади, мамади хамаси кэчэ-рингурэ, дюлиэлэри наондён мэргэмбэ ичэхэчи.

- Энэнэ, эй-кэ буэ мэргэнгупу-мэт, биэсикэ!

Нёанчи Гапчива гучкулиди илгаку тэтуэлэни такоха-чи.

- Бачигоапу, Гарпамди-Мэргэн!

Агдахан мапади мамади Гапчива намансой, одёктай талохачи.

- Гарпамди-Мэргэн, буэ пиктэпувэ пудин Илгава хо-риру? Сэлэмэ Кори Илгава дёлома анко долани нэучэй-ни!

- Амана, эниэнэ, - Гапчи мэдэсихэни. - Хайду бини тэй дёлома анко?

- Чихалай осини, Гарпамди-Мэргэн, бумбивэ улэнди досодяру, -гисурэлухэчи сагди гурунсэл.

- Си поктоси, нэку, горо манга. Сиун тугуйни дюлиэ-лэни тэй боава исиндаорива гэлэйни. Чаду Мангбо эрсини муэ-миаван пуйсини. Тэй пуйси муэ кирадоани дюэр дёлома хомарансал илисичи. Нёанчи токондоачитани гэрэн мосал эдени Хоронкола балдини. Хоронкола суэни нёнгиан боачи ек урэхэни. Гэ, тэй дюэр хомарансалдола - эм хомаран долани Илга бини. Нёани Мангбо долани чу пакси пудин. Тотами Кори Илгава мэнэ сэлэмэ хасарби хачин илгади илгалавандини.

Сагди гурунсэл, дэн-дандиани гисурэрэ, Гарпамди-Мэргэмбэ чу маси, чу улэн сэлэсу тэтуэвэ тэтувэнкичи. Гапчи, мапачи, мамачи михорачира, гогда хурэндиэди ниэгухэни. Боала хаси пакчи-пакчи бичини, Сиумбэ сэлэмэ Кори дасичахани.

Таванки Гарпамди-Мэргэн мэнэ диасилдии Мангбова соли энэхэни. Горова нёанчи туй энэмэри, дидява нёанчи туй димэри, сиун элэ тугуйдуэни дёлома хомарансалба исихачи. Тэй дюэр хомаран токондоачи, тэде, эм даи Хоронкола илисихани. Нёани вами тэхэлэни муэ миавани пуйсихэни.

- Ха!.. Ха!.. Ха!.. – боа, на оралдидиачи сэлэмэ Кори инэктэхэни, - сумбивэ хэм дёлосо очоговандямби!

Сиун начи элэ-элэ игуйни гэсэ, Кори нёамбани чиндагохани. Тотара хасардии сионгими мэргэмбэ хасими дэрүхэни. Гарпамди-Мэргэн, сэлэмэ лэкэи татагора, ачапчи диди Корива гарпахани. Лэкэ, эмуту агди пойкойни-

мат, сэлэмэ хасардола тойкора, килэр тапи, уйлэ-бэки дегдэхэни. То, мэргэмбэ олбиачими, халинсалба, хурэнсэлбэ дабал-дабал пукчихэни.

Гарпамди-Мэргэн дюэе лэкэи татагора, ачапчи дидюй Корива гарпахани. Лэкэ, эмуту агди пойкойни-мат, сэлэмэ хасардола тойкохани. Кори, уйлэ дюэр модан кэргиемпи, сэлэмэ човола тавава начи чиндахани. Сангпар То пукчими-тул мэргэн пэгиэлэни дёло очини.

- Гарпамди-Мэргэн, мапа барони тургэнди пуйкугуру! - морахани нучи Сингэрэкэн.

Мэргэн эйду-бэки Мапа оячиани пуйкугүхэни. Таванки Мапа, Гарпамди-Мэргэмбэ олбиачими, бирансалба, хурэнсэлбэ дабал-дабал пукчими дэрүхэни. Гарпамди-Мэргэн илачаи лэкэвэ татагора, ачапчи дидюй Корива гарпахани. Лэкэ, эмуту агди пойкойни-мат, сэлэмэ хасардола тойкохани. Кори, уйлэ илан модан кэргиемпи, сэлэмэ човола тавава начи чиндахани. Маси Мапа пукчими-тул мэргэн пэгиэлэни сингэрэкэнди гэсэ дёло очичи.

- Гарпамди-Мэргэн, Амбанчи тургэнди пуйкугуру! - моралохани кури-кури би Улгикэн.

Мэргэн эйду-бэки Амбан оячиани пуйкугүхэни. Таванки, Амбан Гарпамди-Мэргэмбэ олбиачими, халинсалба, хурэнсэлбэ дабал-дабал пукчими дэрүхэни. Гарпамди-Мэргэн дуичиэ лэкэвэ татагора, ачапчи дидюй Корива гарпахани. Кори, уйлэ дуин модан кэргиемпи, сэлэмэ човола тавава начи чиндахани. Хатан Амбан пукчими-тул мэргэн пэгиэлэни Улгикэнди гэсэ дёло очичи.

Гарпамди-Мэргэн тэрэк дүэр дёлома хомарансал токончиани тухэни. Мэргэн, тургэнди илигора, тойнгачиа лэкэвэ татагора, ачапчи дидюй Корива гарпахани. Лэкэ, эмуту агди пойкайни-мат, сэлэмэ хасардола тойкохани. Кори, уйлэ тойнга модан кэргизмпи, сэлэмэ човола Гарпамди-Мэргэнчи тавава чиндахани.

Хониа наду Гарпамди-Мэргэн аохамбани-да, уй-дэ сарасини. Хониа муэду Гарпамди-Мэргэн бичимбэни-дэ, уй-дэ ичэсини.

— Гарпамди-Мэргэн, илигору? - долдихани Гапчи уй-ну, уй-ну дилгамбани.

Гарпамди-Мэргэн, насалби элкэ нихэлигурэ, мэнэ дякпадои сисама Дюлембэ ичэгухэни.

- Илигору, поя, - Дюлен элкэ аносихани. - Гуси Тораду си лэкэси сэптурэ начи тухэни. Туй таме ми синчи исиндахамби!

Мэргэн илигойчахани. Туй тахан-да, нёани мохохани. Ангиа калта буйкин начи тухэни бэени, хэм дёло-маня очини. Деунгиз калта уюн муэчи тухэни бэени хэм ая бичини.

Дюлен, буникувэ дяпагора, мэргэн кирадоани хупими дэрүхэни. Байгда уйси буникувэ эуригуйни гэсэ, сахарин гэвэксэлэ сабдай-мат, хачин гасасал начи домари дэрүхэчи. Байгда муэчи буникувэ тонгалайни гэсэ, паоги муэлэ посоримари, хачин согдатасал эуси солотари дэрүхэчи.

Хаду инивэ гасасал уюн муэ оялани Мэргэмбэ дяпачихамбачи, уй-дэ сарасини. Хаду долбова согдатасал

муэди октолахамбачи, уй-дэ сарасини. Туй таме-тул Мэргэн эм даи мо оялани аоридои, гал-гал аяди сэнэгүхэни. Мо, эмуту уюн-мэт туйнкурэ, най хэсэдиэни дилганкини:

- Гарпамди-Мэргэн, ми гэрэн согдатасал эдени — Адин тамби. Симбивэ гэрэн усэлтэсэл, гэрэн согдатасал уюн муэди хорихачи. Эси мимбивэ улэнди досодяру, манга соринчи мэпи баргигору!..

Эйнивэ долбо долини тэрэк одини гэсэ, гэрэн мосал эдени Хоронкола силами дэрүдерэ. На оявани хачин пурилби-усэсэлбэ нангачидяра. Эден Хоронкола силайвани уй-дэ эчиэ ичэйни, тэнг сии-рэгдэ, мэргэн, ичэдечи. Муэ оялани симбивэ дяпачахан усэлтэсэл ядахачи, догогоари мова-да барасичи.

- Адин! Адин! - моралохани Гарпамди-Мэргэн. - Эси-тул сориндадямби! Наи, боаи, кандёндадямби!..

- Гарпамди-Мэргэн, - гучи Адин алосоилохани. - Эйни-вэ долбо долини тэрэк одини гэсэ, Хоронкола дачандолани-тани Мангбо миавани пуйсими дэрүйни. Танго даду уйси муэ посколадяра, мэнгумэ муэди Мангбо даландяра. Муэ порондоани симбивэ эуричихэн согдатасал ядахачи, эрсигуэри муэвэ бараси очичи.

- Адин! Адин! - гучи морахани Гарпамди-Мэргэн. - Эси-тул илигоамби! Пакси пудин Илгава хоридямби!

Долбо долини исини гэсэ, надиади боачи ек, эмуту инэхэн-мэт, хачин тавасал уйси сиваримари дэрүхэчи. Хачин бойкосалди уйси томари, гучкули чиачиани гучкули одичи. Туй гэрэн мосал эдени Хоронкола силами

дэрүхэни. Хабдата ана гарасалдола, эмуту кэку бобой омони-мат, хачин суксэсэлди килтолимари, даи цацака-сал силалохачи. Эйду-тул Хоронкола пэгийэдиэдиэни, эмуту айсима лэкэвэ гарпаохан-мат, танго даду уйси сор-гими, мэнгүмэ муэ посхолами дэрүхэни. Даи Мангбо ичэуриди тиас-тиас муэди баян оми дилүхэни.

- Пэдэ, Гарпамди-Мэргэн, масилару! - Адин дүлэси соломи морасинкини.

Солой Адин дармадоани мэргэн илисихани. Мэнэ нгаладои лэкэвэ чэк-чэк дяпачахани. Муэвэ кингуриэ, эмуту ичэвэси огда-мат, Адин дүлэси солохани. Туй сиасин ана Хоронкола барони кяп адахани.

Байгда Адин адайни гэсэ, хаядиади-ну сэлэмэ Кори силай Хоронколачи хукчүхэни. Тотара гэрэн мосал эдем-бэни хасардии дуктэми дэрүхэни. Туй Кори боячими дуктэй-дэ, Хоронкола мэнэ сола хачин цацакасалди силалохани. Эйду Кори бади мангади аякталахани. Мэнэ салэмэ човодии Хоронкола гарасалбани мокто-мокто чокихани.

Мэргэн улэнди ичэхэни, хонь-да нёани паосо лэкэсэл-ни, Кори хасарбани лукту-луку полдочихамбачи. Эси мэргэнду манга ичи очини. Тотами-да Гарпамди-мэргэн Корива эчиэ гарпайни. Нёани отолихани, тэй килто-кил-то би Корива бай арган ана лэкэлэми вавасивани.

Кори, мэргэнчи тэрэк очогора, Хоронколава гарала-ми човои даиди тойгайни гэсэ, Гарпамди-мэргэн эйду-бэки ангмалани чул гарпахани. Кори, на боа морами, эмуту дёло-мат, дүэр хомарансал алданчиани дес тугу-

хэни. Нёани турини гэсэ, тэй дүэр дёлома хомарансал аба очогохачи. Тэнг нёанчи илисихачи бэунду-рэгдэ эм даи хурэн балдигохани. Тэй хурэн дуруни, сэлэмэ Кори дуруни-мэт, бичини. Туй сэлэмэ Кори дёло очини.

Хоронкола, мэнэ гучкулиди силапи, айсима осиктасал-ба гучи хачин мосал усэсэлбэни начи нангалами дэрүхэ-ни. Танго мингандиари тумэри, на оялани бай нём урэ-лүхэчи. Эниэ - на гучкулиди гойлингойни.

Кори дёлонахани хурэндулэ сиун элкэ гарпагойни. Уйси сэм токоми, на оялани букин дякасалба хэм хори-гойни.

- Хани-рани-на! - Илга дилгамбани мэргэн долдиха-ни.

Хоронкола пэгийэлэни пудин Илга илисихани, тэнг хэ-лэн дилгандии дярихани.

Уйлэ дэгдэй усэлтэсэл чава долдипари, Хоронкола барони домари, хачин дилгандиари чолчилохачи. Ман-гбо согдатасални, чава долдипари, Хоронкола барони соломери, хачин хэсэдиэри чопохачи.

Гарпамди-мэргэн, буникувэ дяпагора, Илгава наман-гора, дурги дилгансалба амдами хупилүхэни.

Мапади гэсэ эй дилганчи нёани нучи нэуни Сингэрэ-кэн-дэ аяди дидюхэни. Амбанди гэсэ эй хэлэнчи нёани нучи нэуни Улгикэн-дэ аяди дидюхэни. Гогда То-да эуси аяди пукчигүхэни. Нёанчи хэм, гэсэ енуэлэмэри, Манг-бо кирадоани элбэсихэчи.

Илга, мэнэ уйлэи дэктүкэмби нихэлигурэ, хачин бой-коку нюлэкусэлбэ агбимбогора, илгалами дэрүхэни: дэг-

дэй гасасалба, сиун сухсэдиэни сэукэми, нируйни. Муэ-
ду балди согдатасалба-да мэнгунди, айсинди адами, ил-
галагохани.

Пурэн Амбамбани-да Улгиди гэсэ тэгүвэн-дэ, Илга
сикун бойкосалди кури-кури тагохани. Маси Мапава-да,
Сингэрэкэнди гэсэ тэгүвэн-дэ, сикун илгасалди пака-пака
илгалагохани. Гогда Това-да Илга улэн гучкулиди та-
гойни. Мангбо Адини, муэ кирадоани сунгурэ осира,
тэнг гучкули бойкова гэлэйни. Пудин согдата эдембэни,
Адимба, хачин илгади нюлэгүхэни. Тэде, эси хэм кэси,
гучкулиди очогохачи.

НАМБОКАНСАЛ

НАМБОКАНСАЛ

Долбо ми аорасимби,
Хайва-да хэм кэркэлиэмби!
Тотами ми сонгои:
«Сингк-сингк!» - мораи?
/Сингэрэ/.

Уй чаду хоскачини,
Хосиктаи сируйни!
«Мяу-мяу!» - морамби.
Мэпии мактачиамби?
/Кэксэ/.

Молокова гэлэмби,
Енгур-мэт, бучиэмби!
«Бу-у! Бу-у!» - бурсу,
Молокова евэриусу?

/Ихакан/.

- Ко-ко-ко! - дяриамби.
Чими эрдэ морамби:
- Ко-ко-ко! - тэрусу,
Сиумбэ бачиосу?

/Чико/.

Туэ холими аорамби,
Бэгдии кучими хончирамби?
/Мана/.

Ми дёра-дёра тэтуэкуи.
Чалани, гучкулиди илгакуи.
Дуэнтэду ми балдиамби,
Чу маси мэргэн тамби?
/Амбан/.

Амоанду уй пататайни,
Сонгоми чаду пуэсэйни.
Нимоктавани аба ичэвэси,
Сонгойвани-да долдиваси?
/Согдата/

Гэкчихэн-мэт долбо морайни:
«У-у-у! У-у-у!» - хэрсини.
Диасилби нёани хуэдэхэни,
Долбо тап гэлэгуйни?
/Енгур/.

Согдата бими согдата,
Муэвэ пурикэчими тэй дяка
«Килториа-лумбуриэ» - эрдэлэйни,
Хамиалаи гучкулиди илгалайни?
/Хурмэди, купэнди/.

Эйду ми тэсиэмби,
Хайва-да хэм этурэмби!
«Вав-вав-вав!» - ундэмби,
«Хар-хар!» - хэрэсиэмби?
/Инда/.

Уйлэ ми хэриэндэмби;
Хайва-да хэм ярсиамби!

«Пиу-у! Пиу-у!» - ундэмби,
Милиция-мат, пиокиачиамби?
/Пичуэн/.

Эм наондёкан чими тэми,
Дюкэвэ томиами даорини.
Тотами нёамбани ичэвэсини,
Дюкэ атаривани-рагда
долдиорини?
/Дюкэ калтарини/.

Эм канго дондахани,
Уйкэвэ бай яп якчихани.
Эй эрдэнгэ намбокан
Гэрбуни: «Конго яп?»
/Ёсо/.

Синди гэсэ дэрэдуэси
Мурунку мапа тэсини.
Мэнэ нёани дилгандаси,
Эмуту эбэ-мэт, балдини.
Миавандии улэнди хисангосиру?
Мурунку насалбани холару?
Нёани бай лэр дилгандяра,
Хачин мурумбэ алосидяра!
/Дангса/.

Амини аяктачими моралохан.
Энини талоди пиолачилохан.
Пиктэни мангади нгэлэхэни,
Тугдэй-мэт, соар сонголохани?
/Агди, гирмэчэ, тугдэ/.

Хулукэн моду тэсини,
Эйду-тул ниэчэн-мэт, хэриэндини.
Нёани хасар-да анани,
Эмуту парашютаку-мат, дэгдэчини?
/Хонгмо/.

Бунчи, нучи гурунсэлчи,
Дюэр моринсал пулсичи:
Эмдимэ чагдьян морин,
Таойдима сахарин морин.
Чагдьян морин дидюйни гэсэ,
Енуэ, агдапси одини.
Сахарин морин дилюйни гэсэ,
Нингмамба досодими онгасаорини?
/Долбо, уни/.

Дюэр оmodу индакансал аоричи.
Сахаринди, чагдянди, алхакучи.
Нёанчи хали-да вачиасил,
Тэнг тэмбулиэ-рэгдэ нимочил?
/Насал/.

Уй падирамба пачичини,
Гэкчими дёкчи иичини?
Нёани сионгими боала пиокиачини.
Нёани хэугими тулиэвэ хэтэрини?
/Хэдун/.

Эм даи дёгду балдичи,
Ахондосал дёбойчи.

Эмдимэ агасал чагдянди тэтуэку.
Таодима ага-тани сэгденди чэуку.

Чагдьян гурунсэл чапчимари дёбойчи,
Сэгден ага-тани чэудии ивуйни?
/Хуктэсэл гучи сирму/.

Нёани печкаду тэсини,
Дилилаи муэвэ омини.
Элэдэлэ муэвэ омипи,
Коргими чаду инэктэпи,
Опоролаи нёани чичини,
Найсалду чаива туини?
/Чайхо/.

Эм сахарин амоанду,
Богбор пуйси дякаду,

Гучули муэду балдини,
Енуэди чаду пурикэчини?
/Энюэ, комбо/.

Чихалай осини, досодиру?
Чихаласи осини, ходиру?..
Бунду сэлэвэ чапчи акасал,
Манга улэн паксисал,
Туй мэпэри мэдэричи,
Най сагоани дэричи:
Танго най гирмаксавани
Эм хороду дяпагорини?
/Дюльдиэн/.

Гучули ниэчэкэн тулиэду досини,
Эмуту машина-мат: «Оби-би! Оби-би!» -
пиокиачини.
Туй ниэчэкэн дииаи хэрсигуйни,
Мэнэ гэрбуи гисурэйни?..
/Обиби/.

ОПОЗДАВШАЯ ЧЕРЕПАХА

ЛЕГЕНДЫ
СКАЗКИ
ПЕСНИ

СЛОВО ОТ АВТОРА

В нанайском устном народном творчестве существует несколько жанров: нингманы – сказки, тэлунгу – легенды, модакан – скороговорки, деурэн – приговорки, дярин – песни, намбоканы – загадки, яян – шаманские песни, и т.д.

НИНГМАН – СКАЗКА. Нанайцы очень любят сказки и дорожат ими, передавая их друг другу из поколения к поколению, чтобы мудрость народа, создававшаяся веками, не исчезла.

Каждый сказитель известную сказку передает слушателям по-своему, талантливо обогащая народный язык. В среде сказочников были и известные мудрецы. Их приглашали из стойбища к стойбищу. Приезжали на лодках или на оморочке к нему, чтобы послушать его изумительные сказки. Такого высокого гостя слушали дети и взрослые.

ТЭЛУНГУ – ЛЕГЕНДА. Это краткая история народа или одного рода. Легенду рассказывали только пожилые

люди с жизненным опытом. Слушали рассказчика вечером, когда в доме находились все.

Например, легенда, как появился род Актанка. Откуда взялся род Бельды. Почему род Пассар считает себя из племени красных волков. Род Заксоров, знаменитые стрелки из лука, считают себя орлиными детьми.

Все нанайские роды гордились своими происхождениями: Актанка от Амбы – тигра, Бельды от Мапа – медведя, Заксоры от Гуся – орла, Пассары от Дергула – красного волка, и т.д.

МОДАКАН – СКОРОГОВОРКА. Очень сложное поэтическое искусство. Скороговорку сочиняли мудрые люди за много лет. Сочиняли специально для детей в стихотворной форме, чтобы легче было ее запомнить. Модакан-скороговорка помогает детям в развитии речи и улучшает органы дыхательной системы.

Модакан сначала нужно читать медленно, четко произнося каждое слово. Потом нужно читать в быстром темпе, соревнуясь друг с другом. Модакан и сейчас может помочь школьникам в успешном изучении родного нанайского языка.

ДЕУРЭН – ПРИГОВОРКА. Деурэн исполняют женщины и мужчины. Ее поют ритмично, во время трудового процесса. Молодые девушки танцуют, изображая руками свои рукоделия. У каждой девушки или женщины своя индивидуальная скороговорка, вроде частушки. Они по очереди исполняют свои смешные сочинения, веселя друг друга.

Поют деурэн и мужчины. Это они делают во время труда, когда делают долбленную оморочку или лодку. Гово-

рят, когда дружно поешь деурэн, любая тяжелая работа идет веселее.

ДЯРИН – ПЕСНЯ. Любят нанайцы петь. В нанайском песенном жанре много различных мелодий. Есть мужская, есть женская, даже есть и для пожилых людей. Поют их на праздниках, на свадьбах. Поют вместе мужчины и женщины, но молодой замужней – запрещалось петь.

На Амуре – Мангбо жила одна девушка по имени Дэулэнкэ. Она была известной певуньей. Знали ее в каждом селе и стойбище. Приглашали Дэулэнкэ, чтобы послушать ее изумительный голос. А когда она вышла замуж, то муж запретил ей петь, но Дэулэнкэ с этим не смирилась. Она знала, что женщинам-шаманкам петь не запрещалось. Дэулэнкэ притворилась больной и заявила мужу: «Если я не стану шаманкой, то скоро умру».

Муж испугался. Срочно сделал ей поющий бубен, и Дэулэнкэ снова запела, теперь как шаманка, радуя народ прекрасным голосом.

НАМБОКАН – ЗАГАДКА. Нанайские загадки – сугубо детские.

Они играют для детей роль воспитательного характера. С малых лет учат детей быть наблюдательными, сохранять ясность ума в деле познания природы.

Взрослые мужчины в загадках не участвуют. Добытчики: рыбаки, охотники целиком доверили своим женам и матерям-бабушкам, чтобы они, как очаг дома, поддерживали мудрость народа в деле воспитания подрастающего поколения.

ЯЯН – ШАМАНСКАЯ ПЕСНЯ. Это чисто религиозная песня. Напев очень сложный и разнообразный. К

яян, кроме шамана, никто не может прикасаться. Шаманы говорят, что этому песенному жанру учит их только сам бог Эндури. Учит только избранного им человека. Шаманы народ умный и интересный. Они являются носителями культа и культуры.

МУЖСКИЕ СКАЗКИ. В нанайском фольклоре сказки делятся на женские и мужские. Например, мои работы под названием «Сказки моего детства» – женские. Их я слушал с малых лет от матери, которая великолепно рассказывала их на родном языке.

Когда у мамы было много дел по дому, то ее заменяла моя старшая сестра Нида. Она тоже хорошо рассказывала мамины сказки, но старалась пересказать сказки мне знакомые, изменяя острые сюжеты по-своему.

– Мама! – кричал я. – Нида опять не так рассказывает! Я не хочу слушать ее!

Мама приходила ко мне и снова начинала сказку. Я слушал нежные слова мамы, и мои губы повторяли за ней, а мои глаза закрывались сами, как по волшебству. Я засыпал крепким сном, уходя в радостный мир сказок, в мир детского счастья.

После работы над детскими сказками я думаю вплотную взяться за мужские сказки. Это героические эпосы. Их рассказывают и поют только мужчины. Героями сказок являются мэргэны, богатыри – баторы и пудины – красавицы. Поют арию и пудины, поют слуги, даже собаки.

После победы на земле, герою Мэргэну хочется побывать на Луне, в царстве Биалгон-пудина, или на Солнце, в царстве Сиулэки-пудина.

На своем пути Мэргэн встречает огромное космическое дерево. Его, как пики, острые вершины достигают до самого солнца. На острых сучьях висят трупы богатырей и мэргэнов, которые пытались подняться. Герой Мэргэн тоже пытается подняться, но все его усилия были безуспешными. Он успокаивается и начинает петь свою волшебную арию: «Хэ-риэ-риэ! Хэ-риэ-риэ!»

Он вызывает на помощь богов, но никто из его духов-помощников не откликается.

– Мэргэн, что поешь ты или плачешь? – услышал он женский голос. На нижнем суке, на кончике острия, сидели две уточки с человеческими личиками. Мэргэн понял, что эти уточки его любимые жены.

– Да нет! – ответил Мэргэн. – Я не плачу.

– Эх ты, победитель земного мира, с деревом справиться не можешь, – упрекнули уточки. – Комай корень дерева. Там найдешь сердце земной влаги. Пей скорее эту воду, она даст тебе силу и энергию, и ты поднимешься в космос...

Таких эпических сказок мастера народного творчества рассказывают по три или четыре ночи, а слушатели по очереди восклицают магическое слово: «Кэк! Кэк!», подбадривая сказочника.

В детстве я тоже слушал вместе со взрослыми эпические, мифические и волшебные сказки. Как я помню, от удовольствия и восторга больше всех кричал это магическое слово: «Кэк! Кэк!», как аплодисменты этим мудрым старцам, которые дали мне частицу мудрости.

Родной язык не выучишь в школе, если дома не говорят родители. Освоение родного языка ребенком должно

начинаться с матери, она – лучший учитель языка, как самый родной человек, которая дала нам жизнь. Ведь дети с малых лет нежными губами произносят «ЭНИЭ» – самое дорогое в мире слово – «Мать»!

Мою маму зовут Дубэ-гэ, а отца Гапчи. Меня в детстве звали Числа. Вот интересно, почему я стал Андреем, да еще Александровичем? Конечно, эта необыкновенная история в моей жизни.

Я родился 25 марта 1925 года – первым из нанайцев в русской больнице села Синда. В семье я был пятым и последним ребенком. Маме было 50 лет. Отец волновался за мать и отвез ее к знакомому доктору. Русский врач, принимавший меня в этот свет, в честь такой необычной ситуации дал мне свое имя. Меня назвали Вячеславом.

Вернувшись домой, мои родители забыли мое русское имя, которое дал доктор. Они долго гадали и наконец по каким-то далеким ассоциациям составили имя, несколько напоминавшее то, которое дал мне доктор. Получилось новое, никому не понятное имя «Биачисла», от нанайского Биа – луна, и от русского «число». Так и звали меня дома и в школе. Часто ребята дразнили: «Биачисла, какой месяц и какое число?» Я дрался с ними, потому что имя это мне не нравилось.

Когда строили на Амуре город Комсомольск, в нашем большом доме остановился лейтенант Красной Армии. Он сопровождал груз по ледяной трассе. Мне командир очень понравился, мы с ним подружились, его звали Андреем. Он знал, что мое имя мне не нравится. Однажды, уезжая в строящийся город, он как-то спросил меня: «Биачисла, а хочешь назваться Андреем?» Я, конечно, очень

обрадовался, потому что мечтал стать, как лейтенант Андрей, командиром. Правда, командиром я так и не стал, а вот имя новое приобрел, так и стал с той поры Андреем.

В тридцатые годы русские из соседнего села Синда вместе с нанайцами загородили Синдинское озеро. На этой совместной заездке из нашего села рыбачил мой отец Гапчи. По-нанайски это значит «меткий стрелок». Гапчи на рыбалке подружился с одним русским, по имени Александр. Александра звали все Сашей, но для гольда это слово произносить было трудновато, и Гапчи звал друга по-своему – «Са-Са», что значит по-нанайски «дробь». «Гапчи, давай отрежем косу?» – подшучивал Александр. У Гапчи были густые, черные волосы. Он их заплетал в одну косу. «Давай, – продолжал Александр, – понимаешь, работать мешает!» Гапчи лукаво посмотрел на друга. Он бы и согласился, но, представив перед собой любимую жену, мастерицу Дубэ-гэ, Гапчи вздрогнул и подумал, что без кос Дубэ-гэ не станет с ним любезничать. Он знал, как она нежно ухаживала за его волосами. «Нет, Са-Са! – отвечал Гапчи. – Моя лоб сбривай, мешай нету!» Александр видел высоко сбритый лоб друга и знал хорошо, что все взрослые нанайцы делали так, чтобы на охоте при стрельбе не мешали волосы.

Однажды в конце рыбалки на стан привезли водку – араки, чтобы отпраздновать успех рыбалки. «Набрались» все, в том числе и Гапчи. Утром он проснулся на своей постели из медвежьей шкуры. Голова трещала, и Гапчи вдруг схватился обеими руками за голову и ахнул. Словно кто-то ударил его острым ножом в спину.

– Коса-а! – ужаснулся Гапчи.

Рядом лежал Са-Са – Дробь. Гапчи понял, что это его рук дело. Гапчи схватил нож и крикнул на Александра:

– Са-Са!.. Ты отрезал косу?!

– Саша, обожди!.. Саша, обожди! – умолял спросонок Александр.

На крик поднялись рыбаки и со всех сторон закричали: «Саша, обожди! Саша, обожди!»

Гапчи бросил нож. Облегченно вздохнули рыбаки и посмеялись над закадычными друзьями. Так мой отец, рыбак и охотник, заслужил себе прозвище «Саша, обожди!». Когда выдавали ему паспорт, то вместо имени Гапчи в паспорте написали новое имя – Александр.

Вот такая моя маленькая история.

Андрей Александрович Пассар

НАНИ НА ЗЕМЛЕ

Молодежная песня

Мы сегодня о дружбе поем,
С нами вместе поет молодежь!
Твердо шагая, идет вперед –
Гордый нанайский народ!

ПРИПЕВ:

Нас, нани, на Земле так мало, мало,
Но с дружной песней мы сильны!
Нас, нани, на свете так мало, мало,
Но мы гордые сыны Земли!
Хани-рани-на-на,
Хани-рани-на-на,
Но мы гордые сыны Земли!

Дружным хором птицы поют,
Встречая солнца восход,

Чтобы каждый человек на Земле
Жил свободный тысячу лет!

ПРИПЕВ.

Сомкните крепкие плечи,
Чтобы поколение не исчезло с Земли!
Сила природы, мудрость народа
В наших сердцах, молодежь!

Нас, нани, на Земле так мало, мало,
Но с дружной песней мы сильны!
Нас, нани, на свете так мало, мало,
Но мы гордые сыны Земли!
Хани-рани-на-на,
Хани-рани-на,
Но мы гордые сыны Земли!

НАНАЙСКАЯ РЫБАЦКАЯ

Песня

Эй, слышишь, друг,
Над рекой моторов стук?
По реке мы плывем,
Нашу песню поем.

Ветер налетел –
Испугать нас хотел.

Не страшна непогода
Тем, кто молод и смел!

Эй, слышишь, друг,
Не жалея в работе рук!
Расступайся, вода,
Принимай невода.

С песней молодой
Труд кипит боевой,
Чтоб с богатым уловом
Мы вернулись домой!

Тонг-тори, тонг-тонг-тори,
Каперпу тонгтори!
Тонг-тори, тонг-тонг-тори,
Каперпу тонгтори!

Гордый нанайский народ!

ЗАЙЧИКИ

Танцевальная песенка

Летом мы все чернеем,
Мы на солнышке шубки греем,
А зимой мы меняем –
Шубки белые надеваем.

ПРИПЕВ:

«Бор-бос! Бор-бос!» – мы поем!

«Корбос! Корбос!» – мы танцуем!

Нас теперь не найти
И хитрой лисичке.
Нам теперь легко уйти
Даже от волчихи!

ПРИПЕВ.

Глаза наши зоркие
Смотрят взад и вперед.
Уши наши острые,
Словно паруса белые!

ПРИПЕВ.

Приходите к нам, волчата,
Будем вместе танцевать.
Приходите и лисята,
Будем праздник отмечать!

ПРИПЕВ.

Ладошами хлопайте,
Новый год мы встречаем!
Ножками топайте,
Друг друга поздравляем!

ПРИПЕВ.

ПОПОЛЗЕНЬ

Танцевальная песенка

Солнце с горы поднимается,
Птицы дружно встречают.
Все зимние просыпаются,
Солнцу гимн мы поем!

ПРИПЕВ:

«Чол-чол-чол-чол!»* – мы поем!
«Чол-чол-чол-чол!» – мы поем!
Крылышками хэпэр-хэпэр**,
К деревьям мы летаем!
Ножками дэнгэр-дэнгэр***,
По деревьям лазим!

Так работаем с утра,
Словно мудрые доктора!
«Стук-стук!» – мы стучим,
Червяков ищем!

ПРИПЕВ.

Приходите к нам, друзья,
Защищать зеленый лес!
Чтобы наша Земля
Расцветала для всех!

*Чол-чол! – звукоподражание голосу птички.

**Хэпэр-хэпэр – полет крыльев.

***Дэнгэр-дэнгэр – прыжки птички.

«Чол-чол-чол-чол!» – мы поем!

«Чол-чол-чол-чол!» – мы поем!

Крылышками хэпэр-хэпэр,
К деревьям мы летаем!
Ножками дэнгэр-дэнгэр,
По деревьям лазим!

СКОРОГОВОРКА

Народная

Дем-дем делискэн,
Халат купил резвую лошадь.
Лошадь купила царя Моктора,
Царь купил раба Эхэ.
Раб купил дорогого шелка,
Шелк купил самоходную телегу,
Телега купила Сиулаки-красавицу,
Красавица купила Пуду-старушку,
Старушка купила старика удалого!
Имя старшего брата Аландар,
Имя младшего брата Нэлэндер.
Дорогим халатом я горжусь,
Шелковым халатом я щеголяю.
Резвую лошадь я запрягаю,
Кнутom длинным я махнул,
В сани сесть не успел!

ЭЛГЭКЭН

Старинная песня

У верховья Горина,
В озеро Эворон,
Речка Элгэкэн
Впадает.

Эта речка
Узкая, длинная,
И воды ее
Глубоки.

Хотя речка Элгэкэн
Маленькая собою,
Но слава ее
Большая.

Каждый год
Рыбаки
К речке Элгэкэн
Выезжают.

Много карасей,
Разных рыб
Речка Элгэкэн
Дарит.

У верховья Горина,
В озеро Эворон,
Речка Элгэкэн
Впадает.

ДЕУРЭН О ТОМ, КАК ДЕЛАЮТ ОБУВЬ

Горинская песня

Ал-ал бонгалги*,
Рыбью кожу мну,
Бонгалги!

Ал-ал бонгалги,
Обувь вырабатываю,
Бонгалги!

Ал-ал бонгалги,
Звериную кожу мягчу,
Бонгалги!

Ал-ал бонгалги,
Скребком скребу,
Бонгалги!

Ал-ал бонгалги,
Кожемякой мну,
Бонгалги!

Ал-ал бонгалги,
Из сухожилий нитки выю,
Бонгалги!

Ал-ал бонгалги,
Обувь шью,
Бонгалги!

*Ал-ал бонгалги – напев во время работы.

РЫБАЦКАЯ ДЕУРЭН

Сверху, рыбка, подплыви,
Снизу, рыбка, подходи!
Я вас приглашаю,
Блесной яркой махаю:

Кэндэ – шевелит!
Килтол – блестит!

И таймени, подходите,
На блесну надавите!
Щуки быстрые плывут
И друзей зовут:

Кэндэ – шевелит!
Килтол – блестит!

Я вас всех подманю,
На блесну подцеплю!
И сазана и ленка,
А может быть – осетра.

Кэндэ – шевелит!
Килтол – блестит!

Сверху рыбка подплывет,
Мою блесну найдет!
Снизу, рыбка, подходи,
Блесну яркую проглоти!
Кэндэ – шевелит!

Килтол – блестит!

НЕПОСЛУШНЫЙ МАЛЬЧИК ПИТО

В одном стойбище жила-была добрая женщина по имени Аёанка, что значит «нежная». Она была красивая и рукодельница. У Аёанки был девятилетний сынок, и звали его Пито.

После смерти отца-охотника Пито стал непослушным, словно кто-то его заменил. Он дрался с мальчишками, даже бил девочек, вообще Пито стал настоящим хулиганом. Потом у Пито появилась новая нехорошая привычка. Он начал дразнить старух и стариков. Пито им показывал свой длинный язык.

– Пито, – говорила ласково мать, – нельзя, сынок, драться и обижать девочек. Вот придет к нам в дом черт Кумбьяку и оторвет у тебя руки, ноги, чтобы юколу сушить.

– Я сам у черта Кумбьяку руки и ноги оторву, – отвечал Пито матери, – чтобы он к нам свой нос не совал!

– Пито, – говорила ласково мать, – грех, сынок, дразнить пожилых людей. Вот придет к нам в дом черт Кумбьяку и оторвет у тебя язык, чтобы юколу сушить.

– Я сам у черта Кумбьяку язык жирный оторву, – отвечал Пито матери, – чтобы он ночью детей не пугал!

Однажды мать Пито Аёанка уехала на оморочке проверить ставную сетку-чидян и наказала ему строго-настрого:

– Смотри, Пито, без меня никого в дом не пускай, понял? Я приеду поздно вечером.

– Я никого не боюсь! – ответил Пито. – У меня есть храбрая жучка – Кабара!

Кабарой звали маленькую голосистую собачку. Она бегала на дворе и облаивала всех прохожих, словно серебряный звоночек.

Когда мать уехала на рыбалку, Пито сидел дома и мастерил себе лук и стрелы, чтобы стрелять из лука собак. Вдруг Пито услышал звонкий, встревоженный лай жучки Кабара:

– Пито, Пито, гав-гав-гав!

Кумбяку черт идет, гав-гав-гав!

Голова у него, как кувалда,

Стук! Стук! Гав-гав-гав!

Ноги у него, ходули,

Скрип! Скрип! Гав-гав-гав!

Живот у него, как меха,

Уф! Уф! Гав-гав-гав!..

Пито испугался, бросил на пол лук и стрелы, а жучка Кабара продолжает лаять:

– Пито, Пито, гав-гав-гав!

Зубы у него, как топоры,

Чап! Чап! Гав-гав-гав!

Глаза у него, как ковши,

Брянг! Транг! Гав-гав-гав!

Пито испугался, ему захотелось заплакать, а жучка Кабара все продолжала:

– Пито, Пито, гав-гав-гав!

Руки у него, как клещи,

– Катар! Катар! Гав-гав-гав!

Он вырвет твой язык!

Крях! Крях! Гав-гав-гав!

Пито тут еще пуще испугался и закричал: «Ма-ма-а!» Он ловко прыгнул в сундук, где мать хранила свои халаты. Пито приоткрыл крышку сундука и наблюдал за чертом Кумбяку. А Кумбяку сел на стульчик-бандакан, где сидел Пито, и запел:

– Кумбя, Кумбя, Кумбяку!

Я мальчика Пито ищу.

Кумбя, Кумбя, Кумбяку!

Я непослушного Пито найду!

Он под лавкой сидит!

Тихо, тихо пыхтит!

Ха! Ха! Чур не я –

Угадал я тебя?!

Пито тут чуть не рассмеялся. Он держал рот ладошками и молчал, как рыба. А Кумбяку встал со стульчика, поднял длинный нос и начал нюхать. Потом снова запел свою песенку:

– Чук, чук, носом я верчу!

Я мальчика Пито люблю!

Он в сундуке сидит,

Жирным языком шевелит!

Ха! Ха! Чур не я –

Угадал я тебя?!

Пито не выдержал громкого смеха черта Кумбяку и засмеялся из сундука.

– Ха! Ха! Ха! В сундуке я сижу и хорошо тебя я вижу! – сказал Пито и закричал: – Уходи, Кумбяку, я тебя не боюсь! Уходи, а то язык свой покажу!

Пито выскочил из сундука и сунул черту под нос длинный свой язык. Кумбяку обрадовался, взял язык Пито в клещи-руки и выдернул.

– Ах! – крикнул Пито от боли.

Он присел на свой стульчик-бандакан, только с глаз потекли крупные слезы.

Аёанка вернулась с рыбалки с богатым уловом и начала звать сыночка:

– Пито, Пито, поя, дидю!*

Теперь Пито не говорит, а мычит, словно глухонемой. Тут снова жучка Кабара залаяла. Хвостиком она машет, носиком она нюхает, показывая хозяйке след черта Кумбяку. Аёанка поняла, в чем тут дело, взяла за руку сыночка и побежала в тайгу за жучкой.

Вот они идут теперь втроем: жучка Кабара, Аёанка и Пито. По крутым горам, по непроходимым лесам. Потом вышли на чистую поляну, где стояли высокая сушильня и домик. На сушильне висели ноги, уши, руки, головы и языки. Их сушил черт Кумбяку.

– Пито, смотри, – говорила Аёанка, показывая сыну на сушильню, – вот сушатся ноги драчунов! Вот сушатся руки воров! Вот сушатся головы дураков, а вот языки болтунов!

*Поя, дидю! – Милый, иди! /нан./

Пито слушал мать и мычал, словно бычок, кивая ей головой.

– Ничего, – успокаивала Аёанка, – найдем, Пито, и твой длинный язык.

– Гав! Гав! – снова залаяла Кабара.

По свежему запаху жучка нашла язык Пито. Аёанка узнала язык сына, сняла его с сушильни и вымыла свежей росой.

– Солнышко! Солнышко! – обратилась Аёанка к утреннему светилу. – Помоги мне, пожалуйста, прилепить язык сына к месту, чтобы он заговорил и стал хорошим мальчиком?!

Тут откуда-то прилетела птичка-синичка. Она радостно запела. Потом крылышками махнула, и язык Пито на место прилепился.

– Мама! Мама! – закричал от радости Пито. – Я больше не буду обижать девочек! Я больше не буду дразнить дедушек и бабушек! Я буду слушаться и помогать тебе!

ТРИ БРАТА-ВОРОНЯТА

В одном большом вороньем гнезде на высоком дереве, где текла большая река, родились три брата-воронята: старшего звали Тораки, среднего звали Ураки, третьего, самого маленького, Гаки. За лето воронята выросли быстро, и родители решили научить их летать, но воронята боялись покидать родное гнездо. Они смотре-

ли вниз на быструю реку. И от страха кричали громко:

– Кар! Кар!

Воронята не улетали, и родители решили проучить их голодом.

– Голод не тетка! – сказала мама ворона.

– Да, – поддержал папа ворон, – есть захотят, сами полетят!

Взрослые вороны улетели куда-то, оставив в гнезде воронят. Тораки и Ураки не выдержали голода и вылетели из гнезда. Они теперь летают вокруг гнезда и призывно кричат младшему брату:

– Кар! Кар! Гаки! – Вылетай, Гаки.

На призыв братьев Гаки отвечал тихо-тихо «кар-кар», отрицательно мотая головой. Он очень боялся воды, потому что не умел плавать. Гаки все смотрел вниз на бурлящую воду и увидел прямо под гнездом большое бревно белого цвета. По бокам его торчали, словно пила, острые зубчики.

«Вот хорошо, – обрадовался Гаки, – сейчас на него прыгну и в воду не упаду».

Думал, думал Гаки и решился. Он ловко прыгнул на бревно и крепко зацепился когтями в мягкое место. Вдруг бревно зашевелилось, словно живое, потом перевернулось и затянуло Гаки в воду. Он от страха кричал «кар-кар», вызывая на помощь братьев, но никто из них не видел и не слышал. Гаки отцепил свои когти от бревна и вытолкнул себя из воды.

– Кар! Кар! – закричал Гаки, барахтаясь над водою.

Тут Тораки и Ураки увидели братика, подхватили его за крылышки, улетели в гнездо.

– Кар, кар! – стонет Гаки. – Помогите, братцы? – говорит он им.

Братьям стало жалко Гаки, и решили они пригласить шамана, чтобы он вылечил и угадал, что случилось с ним. Думали, думали и решили пригласить шамана Воробья. Пришел в гнездо шаман Воробей, взял свой маленький бубен и запел:

– Чик, чик, чик-чирик!

Он увидел там червяка.

Чик, чик, чик-чирик!

И упал в воду из гнезда!

– Нет! Нет! – закричал Гаки. – Это был не червяк, а ты, шаман, дурак!

Тут братья выгнали Воробья и решили пригласить к себе шаманку Сороку. Пришла в гнездо шаманка Сорока, взяла свой бубен полосатый и запела:

– Сак! Сак! Я шаманка Сорока.

Сак! Сак! Я белая бока!

Высоко летаю над водою,

Это был туман над рекою!

– Нет! Нет! – закричал Гаки. – Там не было тумана! Ты, Сорока, не хитри, лучше из гнезда уходи!

Тут братья выгнали Сороку и решили пригласить к себе шаманку Кукушку. Пришла в гнездо шаманка Кукушка, взяла свой бубен пятнистый и запела:

– Ку-ку! Ку-ку! – начала она куковать,
о болезни Гаки гадать:

– Он в воде увидел луну

И от страха упал в воду!

– Нет! Нет! – закричал Гаки от гнева. – Там вовсе луны
не было! Там солнце светило! Ты, Кукушка, шалунья! Ты,
шаманка, лгунья!..

Тут братья выгнали Кукушку и решили пригласить к
себе шаманку Голубую Сороку. Пришла в гнездо шаман-
ка Голубая Сорока, взяла свой бубен и запела:

– Па-па-па! Па-па-па!

Говорит мой бубен, однако!

Па-па-па! Па-па-па!

Это была большая калуга!

На солнышке она грелась,

Животом вверх лежала!

Потом перевернулась,

Братца Гаки в воду утащила!

– Гак! Гак! – закричал Гаки радостно и замахал кры-
льями. – Ты, шаманка Папи, молодец, угадала! – Гаки
прыгнул вниз из гнезда и полетел вокруг него.

– Гак! Гак! – закричал он снова. – Я теперь здоров и
летать умею! Спасибо тебе, Голубая Сорока Папи, ты
самая мудрая шаманка на свете!

КАК ПОЯВИЛСЯ РОД АКТАНКА

Легенда

На берегу горной речки Мухэн стоял небольшой до-
мик. Жили здесь брат с сестрой. Брата звали Ванчо, сес-
тру Майла. Ванчо ходил на охоту, а Майла по дому. Она
была красивая и умелая рукодельница.

Однажды, когда Ванчо ушел далеко к горе Мэкэн,
Майла сидела на кане и вышивала красивые орнамен-
ты. Потом она запела старинную нанайскую песню.

Вдруг Майла услышала за дверью кто-то насвистыва-
ет под ее песни.

«Наверное, брат вернулся и насвистывает», – подума-
ла Майла. Она быстро встала с кана и приоткрыла дверь.

– Брат Ванчо, это ты вернулся? – спросила Майла.

На ее вопрос никто не ответил. Майла еще больше
открыла дверь и выглянула. Прямо на пороге она увиде-
ла лежащего Амбу – тигра.

– Брат! – воскликнула Майла от страха. Майла вста-
ла на колени и зашептала:

– Дедушка Амба, пожалуйста, уходи. Мы тебе плохо-
го не делали...

Амба посмотрел на Майлу умными глазами и загово-
рил человеческим голосом:

– Майла, не бойся меня. Я тебя не обижу. Только пе-
решагни через меня?..

Майла еще пуще испугалась. Она потеряла дар речи,
только слезы потекли по щекам. Потом захлопнула дверь
и крепко держала ее обеими руками.

«Это, наверное, сон?» – подумала Майла.

Вот с тех пор Амба наладился ходить к Майле, когда Ванчо находился на охоте. Амба, как придет к Майле, и насвистывает, а Майла приоткроет дверь и смотрит на тигра, что он будет делать дальше. Амба лежал на пороге и снова заговорил по-человечески:

– Майла, не бойся меня? Я тебя не обижу. Только перешагни через меня?!

Майла снова закрыла дверь и тихо, тихо сидела, ожидая возвращения брата.

Только на четвертый день вернулся Ванчо с охоты. Майла плакала, рассказывая ему, как приходит к ней Амба, как говорит он по-человечески, прося ее, чтобы она перешагнула через тигра. Ванчо слушал внимательно. Потом понял, что Амба не угрожает сестре, и сказал:

– Майла, я завтра снова уйду далеко, но если Амба снова придет, не бойся. Сделай все, как он просит, а потом видно будет.

На следующий день Ванчо отправился в тайгу, и тут же появился Амба и лег на пороге.

– Майла, не бойся меня? – заговорил он человеческим голосом. – Я тебя не обижу. Только перешагни через меня?!

Майла вспомнила слова брата и без боязни перешагнула через лежащего Амбу. Только Майла перешагнула, а Амба тут же исчез, словно он провалился сквозь землю.

После исчезновения Амба не появлялся у порога дома

Майлы. Девушке стало скучно. Она пела свои любимые песни, но за дверью Майла не слышала любимого ответа. Вернулся с охоты Ванчо. Майла со слезами рассказывала брату, что Амба теперь не приходит к ней. Ванчо думал, думал, но не смог понять странное поведение Амбы-тигра.

Наступила голодная зима. В тайге выпало снега очень мало. Теперь догонять на лыжах зверя или следить за ним стало очень трудно. Ванчо возвращался с охоты без добычи. Пришло время голода, но Ванчо все продолжал безуспешную охоту. Отчаявшийся Ванчо решил испытать свое счастье у подножия горы Мэкэн, где обитал Амба-тигр. Только Ванчо успел подняться на вершину, вдруг он услышал пронзительный свист. Ванчо остановился, он понял, что это свистит тот самый Амба, о котором рассказывала Майла.

«Значит, – подумал Ванчо, – Амба не хочет, чтобы я поднимался дальше».

Ванчо повернулся и спустился по лыжне домой. Вдруг недалеко от дома прямо на лыжне он заметил тушу Эхэ – секача. Кабан был рассечен пополам, словно острым ножом. Ванчо увидел следы Амбы, он понял, что тигр решил ему помочь в голодное время. Охотник встал на колени и с благодарностью поклонился следу тигра.

После этого Ванчо не выходил из тайги без добычи. Амба тоже оставлял на дороге охотника туши: лося, оленя и даже медведя.

Однажды вечером, после заката солнца, далеко в горах Майла услышала протяжный свист Амбы.

– Брат Ванчо, – тревожно обратилась Майла. – Ты слышишь свист? Это Амба меня к себе зовет. Я ухожу к нему, но ты не беспокойся и не пытайся искать меня!

Ванчо понял и согласился. Когда в тайге стемнело, Майла ушла. Ванчо не знал, куда она идет, а свист в тайге все продолжался. Ванчо слушал долго, потом все стало тихо, тихо.

– Значит, они встретились, – прошептал Ванчо, вытирая слезы с глаз.

Ванчо теперь жил в доме один. Ходил на охоту, а сердце у него все ныло и ныло. Он скучал по сестренке, не пил, не ел. Ванчо, наконец, не выдержал, он рано перед восходом ушел к горе Мэкэн. Долго он поднимался. Знал, что на вершине скалы есть дом Амбы-тигра. Ванчо поднялся и увидел огромную скалу с треугольной вершиной. На вершине, словно дым из очага,плыли белые облака. Ванчо приблизился и услышал в скале знакомый голос Майлы. Теперь она пела детскую колыбельную:

«Бэ-бэ, бэбэ-кэ!

Милый мой, ты усни!

Бэ-бэ, бэбэ-кэ!

Будешь ты мэргэном!..»

– Майла! Майла! – закричал Ванчо.

– Брат, я тут! – ответила Майла.

– Майла, сестра, пойдем домой?..

– Нет, брат, не могу! – отозвалась она.

На скале появилась дыра, вроде окна. Ванчо увидел большую лапу Амбы.

– Если не веришь, брат, то посмотри? Это моя рука.

Ванчо вздрогнул и понял, что Майла теперь не человек, превратилась в тигрицу. Ванчо встал на колени и стал молиться.

– Ага! – услышал Ванчо голос сестры. – У меня родился сын. Ты его заведи сейчас же, а то он превратится в Амбу. Его зовут Актанка! Когда он подрастет, отвези его к людям. Он будет храбрым, смелым охотником – мэргэном.

Из дыры Майла передала брату сына-младенца. Вдруг дыра на скале исчезла, словно ее там и не было. Ванчо завернул мальчика и ушел домой, как ему велела Майла.

Мальчик Актанка быстро подрос, и Ванчо переселился на Амур в село Сикачи-Алян, где живут его соплеменники – нанайцы.

Актанка стал охотником – мэргэном. Помогал людям. Потом он женился на прекрасной нанайке из рода Перменкан. У них родилось много детей. Вот так на Мангбо-Амуре появилась новая фамилия – хала Актанкан, что значит: род Актанкан произошел от Амбы-тигра.

ОПОЗДАВШАЯ ЧЕРЕПАХА

Легенда

Сижу у Амура, встречая восход,
Над бурной кипящей волною.
Гляжу – из реки на берег ползет
Чудовище водяное.

Змеиную пасть заметив, любой
На миг поддался бы страху.
Но вот я вижу перед собой
Огромную черепаху.

Пыхтя, как кислое тесто в квашне,
Она поклонилась угрюмо мне.
– Поэт, печаль у тебя в глазах, –
Слышу я голос унылый, –
Должно быть, сердись на черепах
Иль не дождался милой?

– Да нет, – отвечаю, –
Не ждал никого,
Не думал на вас сердиться:
Пришел по завету отца моего
Амуру я поклониться.
Сегодня я для Амура пою
Самую лучшую песню мою.
– В твоих словах я чувствую ложь.
Утешить хочешь старуху?

А сам в душе черепах клянешь! –
Она продолжает глухо. –

Чужая вина тяжела, поэт,
Прости – отнимаю время.
Но я на себе уже триста лет
Ношу ужасное бремя.
Мечтала дожить до счастливого дня,
И вот он настал. Послушай меня.

Когда-то Бог, всех богов отец,
Шагал по землям, по водам.
И вздумал письменность, наконец,
Вручить племенам и народам.
Собрал он тварей земных тотчас
И, объяснив задание,
Промолвил:
«Звери! Я создал вас,
Даю теперь испытание.
Кто хочет быть у меня на виду –
Пускай поклонится мне. Я жду».

Долго сидел в ожидании он.
Выйти никто не решался.
Даже тигр, как ни был силен,
Словно котенок сжался.
Крылья свои опустили орлы,
Шеи склонили олени.
Вот новый день засиял из мглы –

Звери молчат, как тени,
Будто вода им попала в рот!..
И выступил дед мой тогда вперед.
Он гордо сказал: «Мне для жизни срок
Отпущен немалый по праву.
Я не боюсь никаких дорог –
Могу и бегать, и плавать.
Заданье по силам мне одному,
Хочу послужить я Богу».

И, книги приклеив на спину ему,
Бог деда отправил в дорогу,
Дед бросил взгляд на смущенных зверей.
Горы, тайга и пучины морей,
Бури встречались ему на пути –
Таких не случается ныне, –
Сумел мой предок все книги спасти,
Лишь ваша осталась в пучине.

Она и сейчас еще там, на дне,
Куда не проникнет разум.
Взгляни на рубцы на моей спине,
Если не веришь рассказам:
То отпечатки небесных книг,
Что людям нес мой предок -старик.
Вот почему нанайский народ
Нас, черепах, проклинаят:
Он без письма до сих пор живет,
И где его взять – не знает.

Мечтала я целых триста лет
Тебе поведать об этом:
Право снимать проклятья, поэт, –
Я знаю – дано поэтам.
Но я виновата перед людьми.
Ты добр – проклятье с меняними!

Весело я засмеялся в ответ:
– Охотно, коль в этом дело!
Ты опоздала на много лет –
Ждать Бога нам надоело.
Мои стихи о встрече с тобой
Прочтут по-нанайски в селах –
Ведь наши дети язык родной
Давно уже учат в школах.
А если надеяться на черепах,
Можно всю жизнь просидеть впотьмах!

Перевод с нанайского Ю. Смышляева

КТО КОГО ХИТРЕЕ?

Однажды летнею порой,
А может быть, весною,
Пришел медведь на водопой
На озеро лесное.

Там ветер пел на все лады,
Качая сосен кроны.
И вдруг на кочке у воды
Заметил он ворону.

– Ты что сидишь на берегу? –
Медведь ее спросил.
– Да карася все стерегу,
Аж выбилась из сил.

Со мной поспорил здесь карась
И жизнь мне проиграл.
Пошел отмыть пред смертью грязь,
Нырнул, да и пропал.

Всю ночь ждала на берегу,
Пока карась помоеется,
И отлучиться не могу,
И стала беспокоиться.

Его, быть может, утянул
Охотник сетью частой,
А может, даже утонул,
На дне лежит несчастный?..

Медведь схватился за живот,
Медведя смехом проняло:
– Карась твой весело живет,
Его ты проворонила!

– Ах он бродяга, ах прохвост,
Ах мерзкая натура!
Он, значит, показал мне хвост,
А я сижу, как дура!..

Ворона, слезно голося,
Кляла всех рыб на свете.
– Не плачь, ворона, карася
Поймаем и без сети.

Ушел бы он на дно реки,
Так не достали б сроду,
А тут поймаем...пустяки...
Дай только выпью воду.

И начал воду пить медведь,
Сопел да ухал глухо.
Тут стало озеро мелеть,
А раздувалось брюхо.

Воды уж нет, есть только грязь,
А в ней лягушки, раки.
Остался без воды карась,
И закричал он в страхе.

Лиса тем временем в лесу
Охотилась за мышкой:
«А что, мол, карася спасу
Да подшучу над мишкой?!»

Бегом на озеро... И вот
Медведя прямо с ходу
Боднула головой в живот,
И выпустил он воду.

В тайге звенела листьев медь,
И дождь стучал косою...
До поздней осени медведь
Гонялся за лисой.

Однажды видит, сизый дым
Струится по кустам.
«А ну, поближе поглядим,
Лиса, быть может, там?»

Сжал мишка в гневе кулаки
И за кусты скорей.
Лиса в то время у реки
Варила рыбий клей.

И рыбьей чешуей она
Была покрыта вся.
Блестела у лисы спина,
Как спинка карася.

Медведь, запыхавшись, присел
У лисьего костра,
И обратился он к лисе:
— Послушай-ка, сестра,
Ты здесь не видела в лесу
Меня толкнувшую лису?
Ее с хвостом решил я съесть...
А может, это — ты и есть?

Лиса прищурила глаза:
— Ты спутал, милый мой.

То, верно, рыжая лиса,
А я-то с чешуей!

Но я шаманка, и помочь
Твоей беде сумею.
Мы вместе просидим всю ночь,
Глаза намазав клеем.

Когда кому-нибудь из нас
Лисица та приснится,
Ей не удрать из наших глаз —
Приклеится к ресницам.

Медведь поверил и сказал:
— Давай свой клей скорее, —
Две горсти вылил на глаза,
Лисица — каплю клея.

Прилег под кустиком медведь,
Лиса невдалеке.
Услышав, что он стал храпеть,
Она бегом к реке.

Шубенку рыжую свою
Почистила песком,
Отмыла клей да чешую
И ... скрылась за леском.

Зимою листьям не звенеть,
Зимой снега скрипят.

Укрыт сугробами медведь
От головы до пят.

Над мишкой дятлы по сосне
Стучат, как топоры,
А он не слышит их во сне
И дремлет до поры.

Но вот под теплым солнцем снег
Обмяк и заблистал.
Медведю надоел ночлег,
Ворочаться он стал.

Вздыхнул медведь, зевнул медведь,
А глаз не смог открыть.
Он начал жалобно реветь
И снег с испугу рыть.

Он терся головой о пень,
О ствол шершавой елки.
Глаза царапал целый день,
Образовав две щелки.

И всем кричал в лесной глуши
Про злой поступок лисий:
Глаза, мол, были, как ковши,
А стали, словно бисер.

Однажды мишка в гору влез,
Он в гости шел в соседний лес.
То нюхал снег, то ветки грыз,
И вдруг пред ним тринадцать лис.

— Ты спугнул меня, мой.

Они по снегу марта
Катались с гор на нартах.
И к стайке этой рыжей
Он подошел поближе.

— Вы здесь не видели в лесу
В блестящей чешуе лису? —
Слегка пожав плечами,
Лисицы отвечали:

— Бывает с чешуей сазан,
Бывают караси,
Но лис не видели в глаза...
Ты у Луны спроси.

Ведь у нее огромный глаз
И сверху ей видней.
Садись на нарты, мы сейчас
Тебя отправим к ней.

Вон те большие валуны
Еще возьми с собой.
Их будешь ты швырять с Луны
В лисицу с чешуей...

Насильно мишку усадив
И навалив камней,
Лисицы нарты под обрыв
Столкнули поскорей.

Следя, как падает медведь,
Лисицы хохотали:

— Не просто до Луны лететь —
Он выживет едва ли.

И каждая, присев на снег,
Сама себя хвалила:
— Ведь это я хитрее всех,
Медведя я свалила.

Но тут одна на пенё лесной
Встает и говорит:
— Он трижды был обманут мной
И мною же убит.

И даже замысел был мой —
Послать его к Луне.

Я — та лисица с чешуей,
Все подчиняйтесь мне!

А ну, скорей идите в дом
К нанайке старой за котлом,
Чтоб головой медвежьей
Полакомиться свежей.

Котел у бабки раздобыв,
Идут варить обед.

Пришли лисицы под обрыв,
Глядят — медведя нет.

А мишка, ноги волоча,
Добрался до берлоги.
Крот заменил ему врача,
Лечил больные ноги.

А чтобы мишка не ослаб,
Мед приносили осы...
С тех пор он, правда, косолап,
Но лис оставил с носом.

А рыжие не в духе
И думают о том,
Как им к больной старухе
Идти с пустым котлом?

Стремятся друг на друга
Они котел спихнуть.
И тут лиса-хитрюга
Себя бьет лапой в грудь.

И говорит: — Сестрицы,
Одна приму вину.
Я хитрая лисица —
Старуху обману.

Лиса сложила лапки
И прыгнула в котел:
— Несите к старой бабке
Скорей меня на стол.

Скажите той старушке:
«От мяса от того
Остались хвост да ушки,
И больше ничего.

Оно, мол, на веревке
Висело близ котла,

А эта вот воровка
Все слопала дотла.
За кражу и судили
Ее лесным судом.
Судили и убили
И принесли в твой дом».

Лисицы тропкой в гору
Груз волокут с трудом.
И вот котел с притворой
Они приносят в дом.

Гостям старуха рада
И говорит им так:
– Курите сколько надо,
Вот трубки, вот табак.

Лисицы взяли в зубки
Двенадцать чубуков,
И задымили трубки
В двенадцать ручейков.

И то ли с непривычки,
То ль крепок табачок,
Но, опьянев, лисички
Валились на бочок.

Пока курили звери,
Закрыла бабка двери,
В мышиную нору
Засунула кору.

Лиса лисе на ушко
Тихонько говорит:
– Ты видишь, как старушка
Табачный дым хранит?

Загородив плутовкам
Все выходы в тайгу,
Старуха очень ловко
Схватила кочергу.

Тут пьяные лисицы
Подняли шум и гам.
И ну давай носиться
В испуге по углам.

Но все ходы старушка
Закрыла хорошо:
Живым из той избушки
Никто и не ушел.

Одна лишь не вдыхала
Лисица табачок –
В котле она лежала,
Свернувшись в кулачок.

И вот, когда старуха
Устроила разнос,
Поднялись вверх два уха
И высунулся нос.

Лисица оглядела
Внимательно избу.

Решила: «Выйдет дело,
Уйду через трубу».

Сквозь дымоход проворно
Пролезла и... бежать.
От сажи стала черной,
Такой, что не узнать.

А спинка у лисицы
Измазалась в золе
И стала серебриться,
Как Млечный Путь во мгле.

Лисица новой шкурой
Всем хвасталась в лесу.
И люди черно-бурой
Прозвали ту лису.

Перевод с нанайского Ю. Разумовского

TACUMA

СКАЗКИ

ТАСИМА

На берегу Мангбо-Амура жили-были старик со старухой. Старика звали Гарга, а старуху Нида. Всю жизнь они мечтали иметь сына – охотника-кормильца. Мечта их до старости не сбылась. Не было у них ни сына, ни дочери.

Сидит Гарга днями у открытой двери и острым ножом вырезает из молодой ольхи детские охотничьи игрушки: лук, стрелы, острогу и копье. А старуха Нида на циновке сидит и вышивает чудесными орнаментами детские одежды: унты, шапку и рукавицы.

Однажды старуха сходила в амбар и испекла из сушеной икры лепешку-тасиму и говорит:

– Гарга, вот тебе тасима! Бери, старик, и сходи-ка в тайгу на охоту.

Дед Гарга согласился.

– На! – сказала старуха и бросила тасиму деду.

Тасима летела высоко и приземлилась прямо на колени деда Гарги.

– Бачигоапу*, дедушка Гарга! Бачигоапу, бабушка Нида! – вдруг закричала лепешка-тасима человеческим голосом и запела звонко:

– Я мальчик Тасима!

Из рыбьей икры испеченный. Хани-рани-на!

Весь золотистый – айсима**!

Я ваш внук любимый. Хани-рани-на!

Тасима пел серебристым голосом, высоко прыгая на коленях деда Гарги. Старики изумились от радости: наконец-то сбылась их мечта. То бабушка, то дедушка брали на руки Тасиму и целовали его в обе румяные щечки.

– Дедушка Гарга, – спросил Тасима, – куда ты собираешься?

– На охоту, – ответил дед Гарга.

– Нет, дедушка, ты у меня старенький, – сказал Тасима, – теперь я буду на охоту ходить, чтобы вас кормить и одевать.

– Куда тебе, Тасима, на охоту! Съедят тебя злые волки да хитрые лисицы, – сказал ласково дед Гарга.

– Куда тебе, Тасима, на охоту! Заклюют тебя прожорливые вороны да обидят сердитые медведи, – сказала со слезами бабушка Нида.

*Бачигоапу – «здравствуйте» по-нанайски.

**Айсима – «золотистый» по-нанайски.

Тасима, как мячик, прыгнул на пол и обратился к старикам:

– Дедушка Гарга, отдай мне свои охотничьи игрушки! Бабушка Нида, одень меня в одежду охотника-мэргэна!

Дедушка и бабушка согласились. Тасима встал у порога в полном охотничьем снаряжении и в пояс поклонился:

– До свидания, дедушка Гарга! До свидания, бабушка Нида! Ждите меня с охоты, скоро я вернусь!

Вот скачет Тасима по густой тайге вприпрыжку. В руке он держит лук с острыми стрелами, а за поясом у него торчит длинное копье.

– Ты кто? – вдруг спросил его из-за кустов длинноухий зверь. – Колобок?..

– Нет, я не Колобок! – ответил Тасима и громко запел:

– Я мальчик Тасима! Тасима!

Из рыбьей икры испеченный, хани-рани-нани-на!

Весь золотистый – айсима! Айсима!

Охотник я смелый, хани-рани-на!

– А ты, длинноухий, кто такой? – спросил Тасима незнакомого зверя.

– Я Гормахон-заяц! Съем я тебя! Уж очень-очень ты вкусный.

– Не ешь меня, Гормахон, – сказал Тасима, – сначала угадай мою загадку! Если угадаешь – то ешь меня, а если нет – то пойдешь со мною к бабушке Нида и к дедушке Гарге.

– Хорошо, – согласился Гормахон-заяц, – давай, загадывай!

«Сидит зимой и летом в лесу человек,

А может быть, он не человек.

Зимой он белую шапку надевает,

А летом он без шапки отдыхает».

– Ха! Ха! – засмеялся Гормахон. – Да это же мы, зайцы! Летом одеваемся в черную шубку, а зимой – в белую... Вот и разгадал!

– Нет, Гормахон, – отвечает Тасима, – не угадал! Придется тебе идти со мною.

Вот идут по тайге Тасима, а за ним – Гормахон-заяц. Вдруг им навстречу из-за дерева выскочил серый зверь. Он щелкал страшными зубами.

– Ты кто? – спросил он. – Не Колобок?

– Нет, я не Колобок! – ответил Тасима и громко запел:

– Я мальчик Тасима! Тасима! Хани-рани-на!

Из рыбьей икры испеченный, хани-на!

Весь золотистый – айсима! Айсима!

Самый храбрый и красивый, хани-рани-на!

– А ты, серый, кто такой? – спросил Тасима неизвестного зверя.

– Я Волк-Енгур! – ответил он сердито. – Я съем тебя, уж очень ты вкусный!

– Не ешь меня, Енгур, – сказал Тасима, – сначала угадай мою загадку! Если угадаешь – то ешь меня, а если нет – то пойдешь за мною к бабушке Нида и к дедушке Гарге.

– Хорошо, – согласился Енгур, – загадывай!

«Живут в берлоге четыре братца-близнеца. Как встанут они с утра – давай играть в перегонки, но никто из них друг друга не догоняет и не перегоняет. А вечером, как один, в обнимку вместе спят».

– О-о! – воскликнул Енгур. – Угадал! Да это же мы, волчата! Четыре братца-близнеца! Куда мама, и мы бежим туда, а вечером, как один, вместе спим!..

– Нет, Енгур, – сказал Тасима, – не угадал! И тебе теперь идти за мною.

Вот идут они по тайге: волк за зайцем, заяц – за Тасимой.

Вдруг из-за крутой сопки выбежал кто-то большой, черный и мохнатый. Он встал на задние лапы и спросил медленно:

– Ты кто? Колобок?

– Нет, я не Колобок! – ответил Тасима и громко запел:

– Я мальчик Тасима! Тасима! Хани-рани-на!

Из рыбьей икры испеченный, хани-рани-на!

Весь золотистый – айсима! Айсима!

Самый сильный и храбрый, хани-рани-на!

– А ты, мохнатый, кто такой? – спросил Тасима неизвестного зверя.

– Я Мапа-медведь! – ответил он громко. – Я съем тебя, уж очень ты вкусный!

– Не ешь меня, Мапа, – сказал Тасима. – Сначала угадай мою загадку! Если угадаешь – то ешь меня, а если

нет – то пойдешь за мною к бабушке Ниде и к дедушке Гарге.

– Хорошо, – согласился Мапа-медведь, – давай, загадывай!

«Он маленький и кругленький. Зубами не возьмешь, а ударишь лапой – лапу проколешь. Его даже Амба-тигр боится, а медведей он из берлоги выгоняет».

– Ой, я боюсь, – сказал Мапа-медведь.

– Кого боишься? – спросил Тасима.

– Лягушек, – ответил Мапа, – они очень противные.

Потом он задумался и закричал:

– Это же черепаха! Их зубами не возьмешь и лапой не разобьешь!

– Нет, Мапа-медведь, – сказал Тасима, не угадал! И тебе придется идти за мной.

Вот идут они по тайге: волк – за зайцем, медведь – за волком, а заяц – за Тасимой.

Вдруг из-за кочки выходит рыжий длиннохвостый зверь и виляет огненным хвостом.

– Ты кто? – спрашивает сладким голосом. – Колобок?

– Нет, я не Колобок! – ответил Тасима и громко запел:

– Я мальчик Тасима! Тасима! Хани-рани-на!

Из рыбьей икры испеченный, хани-на!

Весь золотистый – айсима! Айсима!

На свете я самый мудрый, хани-рани-на!

– А ты, рыжий, кто такой? – спросил Тасима неизвестного зверя.

– Я Солаки, лисичка-сестричка, – ответила лиса, облизывая губки. – Я съем тебя, уж очень-очень ты вкусный!

– Не ешь меня, лисичка-сестричка, – сказал Тасима, – сначала попробуй отгадать мою загадку! Если угадаешь – то ешь меня, а если нет – то и тебе придется идти за мной к бабушке Нида и к дедушке Гарге.

– Хорошо, – согласилась Солаки-лисичка. – Миленький, загадывай поскорее, уж очень я проголодалась.

«Он не охотник, не рыбак, но за собой днем и ночью пешню таскает. Ею лед он не долбит и без шума ходит».

Солаки-лисичка прищурила глазки и, приближаясь к Тасиме, ласково заговорила:

– Это ты, мой вкусный Тасима. По тайге, как мячик, без шума прыгаешь. Это ты, мой сладкий Айсима. Над землей, как солнышко, светишься. За собой, как пешню, длинное копые таскаешь. Думаешь, что я не угадала?

Вдруг Солаки-лиса набросилась на Тасиму, а Тасима ловко прыгнул на спину хитрюги и давай кататься по ее рыжей спине. Лисе стало очень щекотно, и она рассмеялась на всю тайгу – никак не могла сбросить со спины ловкого Тасиму.

– Солаки, ты не угадала! – кричал Тасима. – И ты пойдешь за мною к бабушке Нида и к дедушке Гарге!

– Ладно-о! – согласилась лиса сквозь смех. – Ой! Ой! – застонала Солаки. – Ты меня, Тасима, обхитрил!

Вот идут они по таежной тропинке на берег Мангбо-Амура, где стоит домик деда Гарги и бабушки Нида. Впереди – Гормахон-заяц, за зайцем – Енгур-волк, за волком – Мапа-медведь, за медведем – Солаки-лисичка, а за лисой – Тасима. Он держит острое копые и поет радостным голосом:

– Я мальчик Тасима! Тасима! Хани-рани-на!

Золотистый – айсима! Айсима!

С охоты домой спешу, хани-рани-на!

Много зверей с собой веду,

Хани-рани-на! Хани-рани-на!

Услышали веселую песенку Тасимы дед Гарга и бабушка Нида. Радостные, вышли они из дома, чтобы встретить возвратившегося внука-охотника. Увидев перед собой зайца, волка, медведя и лисицу, старики удивились.

– Дедушка, бабушка! – закричал им Тасима. – Вот сколько вам мяса! Вот сколько вам меха!

– Зачем, Тасима, нам столько меха? – сказала бабушка Нида.

– Зачем, Тасима, нам столько мяса? – сказал дедушка Гарга.

– Отпусти их, Тасима, – произнесли дедушка и бабушка, – пусть звери домой к своим деткам возвращаются.

– Дедушка, бабушка, они же мне проиграли. Мои загадки не угадали!

– Если так – другое дело, – продолжали дед и бабушка. – Давайте разберемся. Пусть гости в дом заходят. Ведь у тебя сегодня, Тасима, день рожденья!

– Ура-а! – закричали дружно Гормахон-заяц, Енгур-волк, Мапа-медведь и Солаки-лисичка и стали просить, чтобы Тасима отпустил их в тайгу за подарками.

– Отпусти, Тасима, – сказала нежно бабушка Нида, – мы с дедом к их возвращению роскошный обед приготовим.

– Спасибо, бабушка Нида! – поблагодарили звери и побежали в тайгу, кто куда.

Через некоторое время все они вернулись. Гормахон принес в корзинке-коангса грибы и ягоды, Енгур – мясо, Мапа в чумашке берестяной – мед, а Солаки – рыбку.

– Спасибо! – благодарила их бабушка Нида.

– Спасибо! – благодарил их дедушка Гарга.

– А теперь, дорогие гости, – сказали хозяева, – садитесь обедать.

На низеньком круглом столике уместилось много разной еды. Маленькие и большие лепешки из рыбьей икры – золотистые вкусные, и к тому же они так походили на Тасиму. Черные лепешки-дутун, испеченные из молотой черемухи, были очень-очень сладкими. Веселым казался рыи острый запах черемши с юколой. Конечно, стояла на столе вкусная-превкусная тала*.

– Я из гостей самый большой и старший, – сказал

*Тала – блюдо из сырой рыбы /нан/.

Мапа-медведь, поднявшись во весь рост, – мы не угадали и одной загадки Тасимы, но это не беда!.. Зато мы стали его друзьями! Это очень хорошо. Тасима, поздравляем тебя с днем рожденья!

– Ура-а! – закричали таежные друзья. – С днем рожденья, Тасима! Не уйдем из вашего дома, пока не разгадаем все твои загадки!..

– Не волнуйтесь, – сказала бабушка Нида, – загадки мы разгадаем вместе.

– Не беспокойтесь, – сказал дедушка Гарга, – если не разгадаем, то обратимся к ребятам – малышам. Пусть они помогут. Ребята, помогите нам, пожалуйста, разгадать загадки Тасимы! – Потом они обняли Тасиму и запели дружно:

– С днем рожденья, Тасима! Тасима!

Славный мальчик, айсима! Айсима!

Дружно будем мы жить, хани-на!

Крепко будем мы дружить, рани-на!

Спасибо, спасибо, бабушка!

Спасибо, спасибо, дедушка!

Хорошо, что есть у вас такой внук,

Добрый смелый, умный – наш друг!

Ответы на загадки Тасимы.

1. Загадка для зайца – пенёк.

2. Загадка для волка – ноги.

3. Загадка для медведя – ёжик.

4. Загадка для лисы – крыса.

ВОЛШЕБНЫЙ МОЛОТОК

Жили-были старик со старухой. Детей у них не было. Жили они очень бедно. Старик давно бросил охоту. Куда такому старому... Только сидит целыми днями на кане и греет кости.

Однажды старуха наскребла в амбаре последнюю горсточку черной муки и ласково сказала:

– Гара, а Гара, вставай. Сходи-ка в лес за дровами. Я тебе лепешку испечь хочу.

Гара встал. Взял веревку, топор и подался в лес. Много ли шел, мало ли, однако наткнулся на какое-то огромное дерево. Оно было высокое и сухое.

«Хорошие дрова получатся», – подумал Гара и начал рубить его.

– Не руби, дедушка Гара, это дерево, – услышал он чей-то голос на дереве.

Гара испугался, бросил топор и взглянул вверх. На макушке дерева было большое воронье гнездо.

– Не губи, дедушка Гара, моих деток, – человеческим голосом повторила ворона.

Гара упал на колени и стал оправдываться перед ней.

– Знаю, знаю, – опередила его ворона, – тебя старуха за дровами послала. Я тебе помогу, только ты, пожалуйста, дерево не руби. Бери себе вот эти жернова, я тебе их дарю. Смотри, Гара, об этом никому не рассказывай. Жернова мои не простые, что у них ни попросишь – все будет, старуха твоя останется довольна.

Гара поблагодарил ворону, взял у нее жернова и зашел домой. Уселись старики около очага и думают, что сначала попросить у жерновов. Решили начать с горячих лепешек. И только подумали они об этом, как жернова сами закрутились быстро-быстро и на столе появились вкусные лепешки.

Старики впервые наелись досыта и закурили длинные трубки. Курят, а на лицах у них – довольные улыбки. Потом Гара вспомнил, что скоро наступит зима и понадобится теплая одежда.

– Давай, старуха, попросим у жерновов зимнюю одежду?

– Давай, – согласилась жена.

Жернова теперь закрутились в обратную сторону. А унты, рукавицы, шапки и теплые красивые халаты сами падали прямо к ним под ноги.

С тех пор зажили старик со старухой, ни в чем не нуждаясь. Старый охотник Гара был добрым человеком. Он всегда придерживался закона охотников.

«Ну как же не поделиться такими богатствами с бедными сородичами», – думал Гара. И вот закрутились жернова то направо, то налево, помогая людям одеждой и пищей.

Все было бы хорошо, если бы об этом не узнал жадный купец Баян-мапа, сосед Гары. Баян пришел со своими злыми слугами и отобрал жернова. Гара снова стал голодать. Бедным охотникам тоже стало плохо без теплой одежды и пищи.

«Что делать? – думал Гара, сидя на холодном кане. – Схожу-ка к доброй вороне, может быть, она поможет в нашей беде?»

Гара снова пошел в лес. Долго он бродил по лесу, наконец нашел дерево, на котором сидела ворона. Увидев ее на дереве, Гара обрадовался до слез. Он даже не смог рассказать ей о своем горе.

– Не плачь, дедушка Гара, – успокоила его ворона, – все я знаю. Тебя жадный купец Баян обидел! Не горюй, дедушка Гара, я тебе помогу. Вот, бери себе этот молоток, он вам пригодится.

– К чему он мне? – взмолился Гара. – Верни лучше жернова.

– Зачем тебе, Гара, богатство! – ответила ворона. – Ведь молодость и сила дороже всего на свете. А мой молоток – не простой. Он вернет тебе силу и молодость. Смотри, Гара, запомни хорошенько! Ударишь легонько по голове, только три раза, и ты снова будешь молодым.

Гара поклонился, взял у вороны молоток, заспешил домой. Дома старуха встретила старика с бранью. Ей тоже хотелось вернуть жернова да и поесть досыта. Когда старуха успокоилась, Гара посадил ее рядом и рассказал, что этот молоток возвращает людям силу и молодость.

Обрадовалась старуха. Очень ей захотелось снова стать молодой. Гара взял молоток и осторожно ударил ее по голове три раза. И вот смотрит Гара на жену, глазам не верит. Перед ним не старуха, а молодая жена,

красивая, стройная. Гара обрадовался, тут же ударил три раза по своей седой голове, как учила ворона, и стал высоким молодым охотником.

С тех пор Гара снова начал ходить на охоту. И когда встречал где-нибудь в тайге старых охотников, с радостью возвращал им молодость и силу. Вскоре в стойбище, где жил охотник Гара, все стали молодыми, кроме жадного купца и его злых слуг. Всем жилось хорошо, потому что у них были силы, чтобы трудиться.

А жадный купец Баян-мапа днем и ночью заставлял крутиться жернова то налево, то направо. Его большие амбары уже заполнились до потолка, от жадности купец совсем растолстел и постарел.

Однажды от слуг Баян-мапа узнал, что у охотника Гары есть молоток, который возвращает молодость. Баян-мапа приказал отобрать его у Гары.

Когда слуги принесли ему волшебный молоток, Баян сел перед большим круглым зеркалом и долго рассматривал свое старое, морщинистое лицо. Слуги стояли вокруг него и с любопытством ждали, что будет со старым купцом. Баян вздохнул тяжело и ударил три раза по седой голове. Слуги от удивления запрыгали, разглядывая со всех сторон помолодевшего купца. Такое поведение слуг Баян-мапе не понравилось, он рассердился.

– Я моложе всех! Я богаче всех! – кричал он. – Теперь я не нуждаюсь в вашей помощи! – Махая молотком, молодой купец выгнал слуг из дома и закрыл дверь на крючок.

Вот сидит он дома один перед зеркалом и сам собой любит. Потом посмотрел в окно, а в стойбище все, как он, молодые, даже есть красивее, чем он.

– Нет! Этого не позволю! – закричал завистливый купец. – Я буду всех моложе!

Он взглянул в зеркало. От злости его молодое лицо так сморщилось, словно к нему тут же вернулась старость. Купец испугался, закричал что-то, ударил волшебным молотком несколько раз по лицу – и рухнул на пол. А вместо ужасного крика молодого купца, в доме раздался злой плач беспомощного ребенка. Так он и проплакал несколько дней, пока не умер в одиночестве, среди богатства, которое не принесло никому счастья.

КУЗНЕЦ ГОКО И ПТИЧКА ЧИНДА

Одного кузнеца все звали Гоко. Гоко – значит «деловой». Он действительно был хорошим мастером. Делал самые крепкие копья, меткие стрелы, остроги, ножи и топоры. Люди приходили к нему из разных мест, чтобы заказать у мастера все необходимое. За свои труды Гоко ничего не брал, потому что сам был хорошим охотником и рыболовом. Все было бы хорошо, если бы в жизнь Гоко не вмешались его братья. Их было четверо, он был в семье пятым, самым младшим.

– Зачем тебе, Гоко, ходить на охоту, – однажды заявили ему братья. – Ты лучше занимайся своим ремеслом, а

мы за это будем тебя кормить и одевать. От этого и нам будет хорошо и людям неплохо.

С тех пор Гоко перестал ходить на охоту, а за свои труды брал рыбу, мясо и другие подарки. Брал все больше, а работал все меньше. Постепенно Гоко совсем обленился, только спал целыми днями у себя в кузне.

Когда Гоко спал, к нему из тайги прилетала маленькая белоголовая птичка Чинда. Она прыгала на тоненьких ножках вокруг Гоко, клевала остатки пищи. А как наестся досыта, садится на большую наковальню и поет о том, как хорошо раньше работал Гоко. Но лентяй все спал на медвежьей шкуре и ничего не слышал.

Перед зимней охотой пришли братья за своими заказами, видят: Гоко храпит на всю кузню, и ни одного заказа не выполнено. Стали его будить. Будили, будили, потом рассердились взяли длинные шесты и начали бить Гоко, а тот только кряхтел во сне от ударов.

– Хватит! – сказал старший брат. – Если завтра к восходу солнца он не сделает наши заказы, мы его еще проучим.

Братья ушли. Чинда видела, как били Гоко. Ей стало жалко кузнеца.

«Вот какие несправедливые люди, – думала Чинда, – сами же сделали человека лентяем, а теперь ходят и бьют. Нет, надо его разбудить».

Чинда принесла сухие ветки багульника и разожгла горн, махая крылышками. Потом пересела на длинную палку, которой качают мехи, и стала раздувать горн.

Едкий дым багульника щипал нос, горло и глаза лентяя. Гоко начал чихать, кашлять, задыхаться от едкого дыма.

– Горю! – закричал он спросонок.

А Чинда все качает, посмеиваясь над ним.

– Пожар!.. – еще громче заорал Гоко, вскакивая с медвежьей шкуры.

Он схватил ведро, но тут понял, что это не пожар, а просто горит багульник. Гоко засмеялся и сам себе сказал:

– Ловко надо мной братья подшутили.

– Это я тебя разбудила! Пора, Гоко, приниматься за работу. Братья с восходом солнца за заказами придут.

Тут Гоко понял, почему у него так болят бока. Он взял молоток, а Чинда снова стала качать мехи. Птичка громко пела песни. Под ее пение Гоко работал быстро, из-под его ловкого молотка выходили топоры, ножи и копья. К восходу солнца Гоко закончил все заказы. Он взял из горна кусочек угля и сказал белоголовой птичке:

– Спасибо, Чинда, за добрую помощь. Много в тайге красивых птиц, в знак благодарности я сделаю отметочку на твоей головке, чтобы люди смогли тебя отличать от других птиц. Пусть знают все о тебе как о трудолюбивой птичке – друге кузнеца.

Ребята, если увидите в лесу или в тайге птичку с черной макушкой на голове, – это она, Чинда-синица, друг кузнеца Гоко.

КАК ЛИСА ЛЕТЯГУ ОБМАНУЛА

У морского залива жила белочка-летяга. Соседи звали ее Хонгмо. Домик она построила в дупле ветвистой сосны, откуда хорошо было видно голубое море. Трудолюбивая Хонгмо все лето готовилась к зиме, а трое ее сыновей, послушные и веселые, помогали ей собирать орехи, грибы и ягоды.

Однажды ночью, когда они спали, к ним громко постучали:

– Хонгмо! Хонгмо! Ты слышишь меня! Открой! Я лесной шайтан – царь всех зверей.

Белочка-летяга посмотрела в окошечко. Внизу сидел страшный черт с огромными рогами и с длинным огненным хвостом. На спине у него блестела чешуя.

– Стук! Стук! Стук! – раздалось снова. – Я царь всех зверей. Отдай мне старшего сына! А то будет плохо!

Летяга испугалась и со слезами отдала сына неизвестному зверю. На следующее утро от страха она никуда не выходила. Весь день с двумя сыновьями сидела дома, а поздней ночью опять услышала стук:

– Я – царь всех зверей! Отдай мне, Хонгмо, среднего сына! А то подожгу ваш дом!

Царь всех зверей поднял свой огненный хвост и замахал туда-сюда, словно факелом. Белочка испугалась до смерти и отдала среднего сына.

Утром, когда солнышко выглянуло из-за горы, с соседнего острова прилетела большая цапля Вачака. Это

была умная птица с длинным красивым хвостом. Она тихонько начала стучать длинным клювом в дверь. Потом постучала громче. Но дверь не открывалась. Ведь белочка думала, что это страшный зверь пришел за ее последним сыном.

– Хонгмо! – позвала Вачака. – Так все лето проспять можно...

Услышав знакомый голос, Хонгмо открыла дверь и заплакала. Долго слушала Вачака рассказ подруги, потом сказала:

– Не плачь, Хонгмо, это вовсе не царь всех зверей, а просто лиса с рыжим хвостом. Рога у лося ukrала, а чешую – у сазана. Не бойся ее, прогони вон.

Целый день цапля гостила у белочки-летяги и успокаивала ее. Вечером, перед заходом солнца, Вачака улетела на остров к своим деткам.

– Стук! Стук! Стук! – ночью снова появилась лиса. – Отдай мне младшего сына!..

– Не отдам! Я больше не боюсь тебя! Ты не царь лесной, а рыжая лиса! – крикнула Хонгмо и закрыла дверь.

Лисе стало обидно, что даже трусливая летяга ее не боится. Она присела на задние лапы и нежно заговорила:

– Милая Хонгмо, скажи лисичке-сестричке, какая птичка обо мне песенку пела, какой зверек обо мне тебе в ушки нашептал? Я верну тебе сыновей, ответь мне только поскорей....

– Это Вачака! Цапля Вачака! – закричала белочка. – Верни мне моих сыновей!

Засмеялась лиса:

– Какая ты, Хонгмо, глупая... И твоей длиннохвостой Вачаке скоро придется в моем желудке плясать.

Лиса побежала к морю. Большое круглое солнце медленно поднималось над ним. Лиса ходила по песчаному отливу и смотрела на остров, где жила Вачака. Потом села на пушистый хвост и заплакала от обиды:

– Ой! Ой!.. Хик, хик!.. Если я до острова не доплыву... хик, хик!.. Моя рыжая шерсть в морскую траву превратится... Ой! Ой!.. Хик, хик!.. Если я утону, мои белые кости в морской камень превратятся. Если я в море пропаду... хик, хик! Мои чуткие уши в морскую капусту превратятся.

– Эй, лиса, что так громко плачешь, моим братьям спать не даешь? – сказал жирный тюлень, выплывший на голос лисы.

– Да что ты, дружок, – засмеялась лиса, – я плакать не умею, я песенку про море пою.

Потом хитро прищурила глаза и спросила:

– А братьев у тебя много?

– Да, – хвастливо ответил тюлень, – если я позову их сюда, о-о! Весь залив кипеть будет.

– Ого! – воскликнула лиса. – Ну, а если я позову своих сестричек, вся земля, как я, красная станет.

Удивился тюлень.

– Давай посмотрим, у кого больше родственников, – предложила лиса. – Только ты, тюлень, сначала сходи за

своими братьями, чтобы я их сосчитать могла, а потом я сбегаю вон на тот остров. Там мои сестры живут.

Лиса показала на остров, где жила цапля Вачака. Тюлень согласился и ушел к себе в море. Его не пришлось долго ждать.

– Смотри, лиса, сколько нас! Все они – мои братья! Попробуй-ка сосчитать их...

Тюленей было много: в заливе вода закипела. Они подняли свои усатые головы и с любопытством смотрели на лису.

– Считай, лиса! – крикнул тюлень.

Лиса начала считать, выбирая самых больших и жирных:

– Раз... два... три! Раз... два... три!

Она прыгала с одного тюленя на другого. А маленькие тюлени визжали тоненько:

– Лиса! Ты меня перескочила!

– Лиса, ты меня не сосчитала!

– Раз... два... три! – продолжала считать лиса, не обращая на них внимания. Лисе было некогда. Спрыгивая с последнего тюленя на остров, она крикнула:

– До свидания, глупые тюлени, на обратном пути всех сосчитаю!

На острове между двух скал лиса быстро заметила цаплю. Вачака кормила своих птенцов. А лиса подкрадывалась к ней. Потом прыгнула на огромный хвост цапли и вцепилась в него зубами. Вачака крикнула:

– Киак! Киак! – взмахнула крыльями и подняла ры-

жую лису высоко над морем. Долго летала Вачака. Наконец, у цапли оторвался хвост, и лиса вместе с ним упала прямо в море...

– Хик, хик! Тону! – заплакала лиса.

Но Вачака смеялась над ней.

– Ой! Ой! Спасите! – звала лиса, но только улыбались в усы тюлени, которых она назвала глупыми.

Никто не захотел помочь хитрой и хищной лисе.

А цапли с тех пор стали бесхвостыми и очень осторожными.

ПОЧЕМУ СОБАКИ ВОЮТ НА ЛУНУ

Это было давно. Может быть, правда, а может быть, и неправда. Но девочка по имени Биа, говорят, что тогда жила. Жила с отцом вдвоем на берегу таежной реки.

Отец ходил на охоту, а дочка оставалась дома и ухаживала за собаками. Биа любила их. Однажды отец вернулся с охоты и тяжело заболел. Биа все плакала возле отца, призывая на помощь домашних идолов, но безмолвные деревянные боги не помогли, и вскоре отец умер.

После смерти отца к Биа пришел старый шаман. Ему Биа давно нравилась. Она была красивая, ее черные косы падали до самых пят. Шаман решил ее обмануть. Он без разрешения сел на место охотника и сказал:

– Биа, твой отец еще до смерти обещал отдать тебя замуж за меня. Вот, я пришел за тобой.

Девочка испугалась, хотела убежать, но передумала, взяла берестяные ведра и вежливо сказала:

– Подождите. Я за водой схожу. Чаем угощу.

Биа вышла на улицу и, не чуя под собою ног, побежала к реке, чтобы утопиться.

Из-за горы в это время медленно поднимался красный месяц. Заметив плачущую девочку, он спросил:

– Кто тебя, девочка, обидел?..

– Месяц-братец, спрячь меня от злого шамана!

– Ладно, только ты набери воды мне напиться.

У месяца, как у всех охотников, были длинные косы. Он их опустил вниз, и до самой земли пролегла дорожка.

Старый шаман сидел и злился, почему так долго нет девочки. Он выбежал на улицу и на темном небе увидел Биа. На плече девочка держала коромысло с ведрами. Шаман побежал вдогонку. Биа испугалась, чуть не упала вниз.

– Не бойся, девочка, – сказал месяц, – облей его.

Биа плеснула в шамана водой, а на небе сразу стало темно. Поднялся сильный ветер с дождем. Шаман не выдержал и полетел вниз, прямо на спящих собак. Собаки узнали злого шамана и искусали его. Шаман рассердился и стал их держать в голоде. Он знал, что Биа вернется домой, чтобы накормить собак, и решил подкараулить ее.

У месяца-брatца почему-то дома было только одно большое круглое окно. Долго жила Биа у месяца, все смотрела в окно на землю и очень скучала.

– Открой окошко, месяц-братец, – попросила она, – домой схожу, собак накормлю.

– Потерпи, девочка, – отвечает месяц-братец.

Шаман все караулил, а месяц приоткроеет круглое окошко и наблюдает: спит шаман или нет.

Когда шаман спал крепким сном, Биа приходила домой и кормила проголодавшихся собак. А когда просыпался шаман, месяц закрывал окошко и не выпускал девочку. Собаки снова принимались звать Биа, глядя на небо.

Может быть, это правда, может быть, и неправда, но собаки с тех пор как увидят на темном небе ясный месяц, так и запрыгают, залают от радости, что злой шаман не поймал их добрую хозяйку. А люди стойбища, где жила девочка, стали называть луну ее именем – «Биа».

Так это или не так, но то, что по-нанайски «биа» значит «луна», – это совершенно точно.

МАЛЬЧИК ГАЙКОАН И ХИТРЫЙ БОБ

У мальчика Гайкоана умерли родители, и остался он совсем один. Решил он пойти куда глаза глядят. Мало ли прошел, много ли, но дошел до одного полуразваленного дома. Гайкоан устал и был очень голоден. Он долго искал в доме чего-нибудь съедобного, но в доме ничего не нашел. Потом он увидел во дворе амбар. И там было пусто, только стояли какие-то сундуки. В самом последнем сундуке Гайкоан нашел боб. Он был большой,

круглый. Гайкоан хотел положить его в рот, а боб вдруг как запищал человеческим голосом:

– Пик! Пик! Не ешь меня, я тебе пригожусь.

Удивился Гайкоан, сунул боб за пазуху и пошагал дальше. Долго шел. Но вот перед ним другой дом стоит. Гайкоан обрадовался и побежал к нему.

– Зачем, Гайкоан, ко мне пришел? – спросила его хозяйка дома.

– Я голодный, – тихо сказал Гайкоан.

Старуха рассердилась. Взяла свою длинную трубку и ударила об пол. Откуда ни возьмись, в доме появились мыши и крысы. Они бегали вокруг старухи, издавая визг и писк.

– Вот видишь, сама не знаю, чем накормить своих деток.

Гайкоан лег в углу и уснул. А жадная шаманка, хозяйка всех мышей и крыс, еще долго играла со своими любимцами. Когда к утру мыши и крысы притихли, из-за пазухи Гайкоана вылез боб и запел, танцуя, свою любимую песенку:

– Я боб непростой, непростой! Тунг! Тунг! Не боюсь ни мышей, ни зверей! Тунг! Тунг!..

Мыши и крысы, почуяв жирного боба, подняли шум. Они гонялись за ним, прыгая через спящую хозяйку.

– Жирного боба потеряли, – запищали мыши и крысы.

– Отдайте, это мой боб! Ваши мыши его съели! – кричал Гайкоан из угла.

– Что за шум! – закричала старуха. Мыши и крысы встали на задние лапки, только их худенькие хвостики дрожали от страха.

– Забирай любую мышку, – сказала старуха, – и убирайся вон из моего дома!

Гайкоан сунул за пазуху маленькую мышку и пошагал дальше. Шел он долго. Потом видит, перед ним стоит такой же дом, как у жадной хозяйки мышей и крыс. И хозяйка здесь была такая же старая, только вместо мышей и крыс по дому бегали кошки: рыженькие, беленькие, черненькие и серенькие.

– Зачем, Гайкоан, ко мне пришел? – строго спросила старуха.

– Я есть хочу! – заплакал Гайкоан.

– Видишь, – сказала старуха, показывая рукой на кошек, – сама не знаю, чем их накормить.

Гайкоан и здесь лег в углу и уснул очень голодным. А жадная шаманка, хозяйка всех кошек, еще долго играла со своими любимцами. Когда кошки притихли к утру, из порванной унты Гайкоана вылез тот самый боб, которого потеряли мыши и крысы. Боб прыгнул на пол и снова начал танцевать, напевая свою любимую песенку:

– Я, боб, всех умней, всех ловчей! Тунг! Тунг! Не боюсь ни кошек, ни мышей! Тунг! Тунг!

Почуяв боба, из-за пазухи Гайкоана выбежала мышка. Она была голодная и начала гоняться за бобом. Тут кошки бросились ловить мышку, а хитрый боб быстро юркнул обратно в унты и притих. От шума проснулась старуха и ударила длинной трубкой о пол:

– Что за шум?!

Кошки встали на задние лапы и промурлыкали:

– Мяу! Мяу!... Мышка...

– Отдайте мою мышку! Ваши кошки ее съели! – закричал Гайкоан со слезами.

Старуха строго посмотрела на кошек, от страха у них задрожали пушистые хвостики.

– Забирай из них любую и – вон! – закричала старуха.

Гайкоан взял рыженькую кошечку и пошагал дальше. Шел, шел мальчик, вдруг услышал собачий лай. Видит – перед ним снова стоит дом. Только этот дом был больше прежних, а вокруг дома бегали собаки, ходили лошади. Когда собаки залаяли, из дома вышли два старика с бородками. Они были очень похожи друг на друга.

– А-а! Гайкоан к нам пожаловал!... – сказали они в один голос.

– Накормите, пожалуйста! – попросил голодный мальчик.

– Хорошо! – ответили в один голос старики. – Напоим, накормим и спать уложим.

Гайкоан наелся досыта. А боб выглядывал из порванной унты Гайкоана и смеялся, даже чуть не лопнул от смеха.

– Не жалея ты своего боба, – говорили старики, – а кошечку береги, она тебе счастье в дом принесет. Мы тебе собаку и лошадь подарим. Они будут твоими верными друзьями. Только ты их не обижай.

Утром старики отправили Гайкоана в путь на белой

лошади. Теперь мальчику было весело. Он ехал верхом и громко пел от радости.

– Эй, Гайкоан, – вдруг запищал боб, – слезай с лошади! Видишь дом? Это гробница-кэрэн. Здесь недавно похоронили старую шаманку, хозяйку гадюк и змей, старшую сестру хозяек мышей и кошек. Возьмем мы ее к жадному купцу Хэмдэ-пузатому. У него служанкой работает бедная Сиротка. Он ее обижает. Мы Хэмдэ-пузатого обхитрим. Смотри, слушайся меня.

Хэмдэ-пузатый сидел дома и целыми днями пил крепкий чай. От этого он стал кругленьким, словно мягкая пампушка. Бедная Сиротка с утра до поздней ночи бежала к проруби за водой, чтобы его напоить.

Гайкоан открыл дверь и вошел в дом. А Хэмдэ-пузатый испугался и, оглядываясь по сторонам, спросил:

– Эй, Ангидя, кто там плачет?..

– Скажи, – залепетал боб из-за пазухи Гайкоана, – что мама плачет.

– Дяденька, это моя мама от холода плачет.

– Ай-я-я! – закачал лысой головой Хэмдэ-пузатый. – Сиротка, позови ее, пусть она погрееется в сарае.

Девочка вышла на улицу и стала звать маму Гайкоана в гости. Потом вернулась и сказала, что никто не отзывается.

– Скажи, что она глухая, – снова зашептал боб.

– Дяденька, моя мама глухая.

– Раз она глухая, – сказал Хэмдэ-пузатый, – сходи-ка, Сиротка, за водой, а глухую заведи по пути и отведи в сарай.

Девочка взяла ведра и побежала к проруби, где стояла лошадь с мертвой шаманкой. Девочка подошла и толкнула ее за руку:

– Тетенька, заходите к нам погреться...

Шаманка покачнулась и камнем упала с лошади прямо в прорубь.

– Ой!.. Ой!.. – закричала девочка и со слезами прибежала домой. – Я утопила маму мальчика! – плакала она, вставая на колени перед Хэмдэ-пузатым.

– Отдайте мою маму! Отдайте мою маму! – закричал нарочно Гайкоан, а сам крепко схватился за девочку.

Хемдэ-пузатый рассердился, поднял кулак и упал, не устояв на своих неуклюжих ножках. От боли скривилось его круглое лицо.

– Убирайтесь вон из моего дома-а! – выдавил он страшным голосом.

Гайкоан забрал Сиротку, и они вместе поехали дальше. Когда на перекрестке лошадь остановилась, из-за пазухи Гайкоана вылез боб и сказал:

– Гайкоан, до свидания! Теперь у тебя все есть: кошка, собака, лошадь и сестренка Сиротка. Ты ее не обижай... Вот по этой дороге я пойду искать себе новые приключения. До свидания, Гайкоан!

И долго еще где-то далеко в кустах была слышна его веселая песенка.

– Я боб непростой, непростой! Тунг! Тунг! Я на свете всех умней! Тунг! Тунг!

ХВАСТУНИШКА

Коля Гейкер был славным мальчиком. Учился он в школе хорошо, но только беда, что любил похвастаться.

Это началось с того дня, когда он впервые поймал петлей длинноухого зайца – Гормахон. От радости Коля прыгал, танцевал, даже кувыркался через голову, воображая, будто поймал белого медведя. Когда Коля принес домой добычу, дед Камбука, довольно улыбаясь, сказал:

– Теперь, Коля, ты у нас настоящий охотник. А по закону охотников-мэргэнов ты должен сам сварить голову этого «белоснежного медведя» и угостить стариков. Вот тогда-то у тебя всегда будет удача.

На следующее утро Коля рано прибежал в школу, чтобы похвастаться перед ребятами. Он сидел за учительским столом и громко рассказывал, в каждом предложении добавляя восклицание: «Вот так!»

– Когда вырасту большой, как дедушка Камбука, буду знаменитым охотником, вот так! Буду ставить большие петли на кабанов и медведей, вот так!..

Боря Актанка, лучший друг Коли, тоже третьеклассник, сначала дергал Колю за рубашку, краснея за него от стыда, потом не выдержал:

– Коля, ты знаешь сказку про Уки-конька?

– Нет, – ответил Коля.

– Смотри, если так будешь хвастаться, как Уки-конек, щукам на обед попадешь, – сказал Боря и ушел.

Ребята засмеялись.

– Ты сам Уки-конек! – разобиделся Коля.

Из школы Коля вернулся со слезами. Дед Камбука сидел дома и чистил ружье.

– Что с тобой, Коля? – спросил дед. – С кем-нибудь, наверное, подрался?..

– Нет, – буркнул Коля.

– Тогда почему плачешь?

– Борька обидел. Он меня Уки-коньком обозвал, и ребята меня теперь Уки-коньком дразнят.

– Твой лучший друг Боря Актанка? – удивился дед Камбука. – Ну, если он и ребята дразнят, значит, ты, дружок, заслужил... Не плач, сейчас мы вместе разберемся, кто тут виноват.

Коля подробно рассказал, что случилось в школе.

– Да, Коля, нехорошо, – дед Камбука недовольно покачал головой, – стыдно мне за тебя. Я-то думал, что ты – настоящий охотник-мэргэн, а ты оказался таким хвастунишкой.

– Больше не буду, – тихо произнес Коля. Он крепко обнял деда и прошептал: – Дедушка, расскажи мне сказку про рыбку – конька?

– Ладно, – согласился дед, – только слушай внимательно, как хвастунишка Уки-конек стал племянником калуги...

Когда-то давно-давно в маленькой протоке Амура жила-была трусливая рыбка конек. Конек всю жизнь жил под грязной корягой и питался только болотной тиной.

Поэтому вся его спинка была покрыта черными точечками, как веснушками. Больше всего в жизни конек боялся сомов, щук и верхоглядов.

Однажды, когда на Амуре было большое наводнение, к коряге, где жил трусливый Уки-конек, подошла какая-то неизвестная рыба. Под ее большим длинным носом очень смешно торчали четыре кончика усов. Неизвестная была длинной, как большое гладкое бревно. А вместо чешуи с трех сторон вдоль ее тела виднелись острые зубцы.

Дед Камбука посмотрел на Колю и спросил:

– А ты знаешь, какая эта рыба была?

– Дедушка, это, наверное, калуга.

– Правильно, Коля, это была настоящая царь-рыба, амурская калуга.

– Она стояла тихо, – продолжал дед Камбука, – медленно шевеля своими плавниками. Сначала Уки-конек испугался и забился под самый нижний корень коряги. Но когда убедился, что неизвестная рыба – мирная, он начал разглядывать ее.

«Ох, какая удивительная рыба, – думал Уки, – и она чем-то похожа на мою тетю: борода, нос, особенно нижняя губа. Наверное, я тоже буду такой большой и сильный, как эта рыба...»

Пока он думал об этом, калуга куда-то уплыла, а к коряге подскочили маленькие рыбки и пролепетали:

– Ой, ой, какая страшная была калуга, ведь она же могла всех нас мигом проглотить.

Услышав такой разговор, Уки-конек выскочил из-под коряги и с гордостью закричал:

– Эй вы, малыши, не бойтесь! Это была моя родная тетя, смотрите, как я на нее похож! Вот так! Буду, как она, большим! Вот так!..

– Ура! – закричали малыши. – Здесь под корягой живет сам племянник калуги. Теперь нам не страшна любая хищная рыба!

Уки-конек поднялся над корягой и, пуская пузыри, хвастался:

– Я скоро вырасту, как тетя, вот так! С зубастой щукой расправлюсь, вот так! Сوما чернокожего я сам проглочу, вот так! – Дед Камбука нарочно подражал Коле, а Коля слушал тихо, опустив голову вниз, к коленям. Ему было стыдно за себя и за рыбку-хвастунишку.

– Маленькие рыбки, – продолжал дед Камбука, – от радости они так намутили воду возле коряги, что даже не заметили, как к коряге подплыла пятнистая Гученщука. В мутной воде она по запаху нашла несчастного хвастунишку и проглотила! Вот так!

ЭКТО И ЭЛБО

У одной женщины по имени Кэкэ было два сына – Экто и Элбо. Экто был ее приемным сыном, но этого не замечалось.

Экто и Элбо всегда ходили вместе на рыбалку, на охоту и одевались в одинаковые одежды. А люди стойбища никак не могли их различить: кто из них Экто, кто Элбо.

– Отец Экто был опытным медвежатником, но однажды на медвежьей охоте ему не повезло. Шатун покалечил охотника, и вскоре отец Экто умер.

После смерти мужа Кэкэ сразу изменила свое отношение к приемному сыну. Если Элбо по привычке называл его братом, Кэкэ, надрывая горло, кричала на сына:

– Не смей нищего братом называть!.. Экто тебе не брат, а слуга!

Обидно было Элбо за мать. Он плакал, потому что очень любил Экто и привык все делать с ним вместе, как учил его отчим.

Кэкэ, чтобы успокоить сына, вытаскивала из большого сундука одежды отца Экто и хихикала от счастья:

– Смотри, Элбо, какие теплые унты, халаты. Когда вырастешь, все будет твое...

Экто все молчал, он ходил голодным, его одежды уже давно превратились в лохмотья.

Однажды утром мачеха напекла вкусных лепешек из рыбьей икры. Кэкэ угощала сына, но Элбо не ел. Он все поглядывал в темный угол, где сидел голодный Экто. Когда мать пошла за большим медным чайником, Элбо быстро взял одну лепешку и засунул ее за пазуху Экто.

– Спрячь скорее, а то ма...

Не успел Элбо досказать, а Кэкэ тут как тут. Она взяла Экто за волосы и выгнала его в лес за дровами.

В лесу было темно. Злой мороз стучал по деревьям, словно сердился на солнце, которое только что выглянуло.

– Солнышко, солнце всходи поскорее, мне холодно, – прошептал Экто дрожащим голосом, а слезы сами потекли по его щекам.

– Не плачь, Экто... – услышал он чей-то голос сзади.

– Я не плачу, – сказал Экто, не поворачиваясь, – я вспомнил маму и папу...

– Молодец, Экто, ты, как отец, с добрым сердцем растешь, – повторил тот же ласковый голос.

Экто, вытирая глаза, повернулся назад. Перед ним стояла старая лошадь с большими усталыми глазами.

– Экто, накорми меня, пожалуйста, – попросила она.

Тут Экто вспомнил про лепешку, которую дал ему Элбо, вытащил ее из-за пазухи и накормил лошадь.

– Спасибо тебе, Экто, а теперь садись на меня, только держись покрепче, – сказала лошадь, выпрямляя спину.

Старая лошадь бежала быстро между деревьями, а Экто сидел верхом, крепко вцепившись в гриву. Лошадь бежала все быстрее, прыгая через реки и горы. Потом она остановилась перед высокой скалой.

– Чок! Чок! – лошадь ударила копытом о камень, и скала, словно дверь, открылась сама перед ними.

Экто слез с лошади и увидел три большие комнаты. В первой комнате на большом столе стояли различные блюда: горячие и холодные. Экто начал есть. Он ел с аппетитом, даже не заметил, куда ушла лошадь.

Наевшись досыта, Экто открыл вторую комнату. А там на длинных вешалах висели теплые зимние одежды: унты, рукавицы, шапки и халаты.

Экто выбрал себе теплую одежду и открыл третью комнату, наполненную золотом и серебром. Экто не был жадным. Он взял несколько золотых и серебряных монет и пошел к выходу. Старая лошадь ждала его там. Экто крепко вцепился в гриву, а лошадь, как стрела, помчалась обратно и прибежала прямо к нарте.

– До свидания, Экто, если что-нибудь тебе будет нужно, приходи сюда!

– До свидания, лошадь! – крикнул Экто ей вслед.

Лошадь исчезла между деревьями. Экто нагрузил сухими дровами нарту и потащил ее домой. По дороге Экто от радости запел:

– Хани-рани-на! Хани-рани-на!

Кэкэ, услышав веселый голос Экто, испугалась, потому что после смерти отца он никогда не пел, только молчал. Кэкэ посмотрела в окно и увидела на Экто богатый наряд. От злости она ахнула и не знала, что делать. Кэкэ схватила длинную палку и выбежала ему навстречу.

– Не смей петь возле моего дома! – крикнула она и замахнулась.

– Не тронь меня! – сказал Экто, глядя в глаза мачехе.

Кэкэ не ожидала от Экто такого ответа. Она опустила палку и, скрывая гнев, заговорила ласково:

– Сынок, я тебя не трону. Расскажи ради брата Элбо, где взял себе такие красивые наряды?

Экто был добрым мальчиком. Он рассказал все подробно и отдал мачехе золотые и серебряные монеты.

На следующее утро Кэкэ снова напекла лепешек из рыбьей икры и впервые досыта накормила Экто. А свое-

го сына Кэкэ одела в лохмотья, дала ему несколько мешков, чтобы Элбо набрал в них золота и серебра. Потом с криком выгнала голодного сына с одной лепешкой в лес за дровами. Элбо шел по тайге и наконец добрался до того места, где раньше был Экто. Кругом было тихо и холодно. Элбо заплакал громко, как велела мать.

– Не плачь, Элбо, – услышал он чей-то ласковый голос сзади.

Элбо повернулся. Перед ним стояла старая лошадь с большими усталыми глазами.

– Элбо, накорми меня, пожалуйста, – попросила она.

Элбо обрадовался. Он быстро вытащил из-за пазухи лепешку и накормил лошадь.

– Спасибо, Элбо, а теперь садись на меня, только держись крепче, – сказала лошадь и выпрямила спину.

Лошадь побежала быстро между деревьями, а Элбо сидел верхом, крепко вцепившись в гриву. Она бежала все быстрее, прыгая через реки и горы. Потом остановилась перед высокой скалой.

– Чок! Чок! – ударила она копытом о камень, и скала, словно дверь, отворилась сама. Элбо слез с лошади и прямо без остановки прошел в третью комнату, как учила мать, чтобы набрать в мешки серебро и золото. Элбо набил все свои мешки, но вдруг вспомнил про Экто и ему стало стыдно за себя и за мать. Он бросил мешки и зашел во вторую комнату. Там Элбо выбрал себе одежду, как у Экто, и пошел к выходу, где ждала его лошадь.

Кэкэ с нетерпением дожидалась возвращения сына. А когда услышала в тайге веселый голос Элбо, от радости затряслась и выбежала ему навстречу.

– Где мои мешки? – спросила она у сына, швыряя дрова с нарты. Тот молчал. Кэкэ убедилась, что Элбо ничего не привез, и накинулась на него с бранью и побоями.

На крик Элбо выбежал Экто и заступился за него. Лицо у Кэкэ от злости скривилось.

– Родную мать не послушался! – закричала она. – Спасибо, Элбо! Без вашей помощи я сама доберусь до этой лошади! Вот тогда я вам покажу!..

Всю ночь Кэкэ пекла себе на дорогу лепешки из рыбьей икры. Когда закричал первый петух, Кэкэ взяла веревки, нарту и отправилась в лес. Кэкэ торопилась, чтобы к восходу солнца успеть на место, куда приходила лошадь. Кэкэ, наконец, устала. Она села на нарту и с аппетитом принялась есть лепешки. Наевшись досыта, Кэкэ решила поплакать. Она плакала нарочно, оглядываясь по сторонам. Лошадь все не приходила. Кэкэ от злости плакала все громче и громче.

– Не плачь, Кэкэ, – услышала она за спиной чей-то ласковый голос.

Кэкэ обрадовалась. За ней стояла старая лошадь с большими усталыми глазами.

– Накорми меня, пожалуйста, – попросила лошадь.

– Сейчас накормлю! – прошептала Кэкэ, стаскивая с нарты веревки. Хитрая Кэкэ ловко схватила лошадь за гриву и тут же припрягла ее к своей нарте.

– Но!.. Вези меня к моим мешкам! – крикнула Кэкэ, больно хлестая лошадь палкой. – Но!..

Лошадь от боли вздрогнула и помчалась по горам, по сопкам. От страха Кэкэ закрыла глаза и крепко держа-

лась за нарту. Кэкэ не видела, как лошадь подошла к скале, не слышала, как она открыла ее. Когда лошадь остановилась, Кэкэ открыла глаза, тяжело дыша, слезла с нарты, чтобы добраться до третьей комнаты, где оставил Элбо мешки с золотом и серебром.

Кэкэ с ходу открыла дверь третьей комнаты. Увидев на полу кучи серебра и золота, она от радости захихикала, упала навзничь и с жадностью начала загребать их под себя.

– Это все мое! Серебро и золото! – крикнула она властно.

От этого крика вдруг затрещала скала, с грохотом сжимаясь с трех сторон. Кэкэ испугалась, но мешки, набитые золотом и серебром, не бросила. Она погрузила их в нарты и села на мешки. Потом снова начала бить лошадь палкой.

Теперь лошадь не бежала, а летела по воздуху, словно ястреб, неся за собой жадную Кэкэ вместе с нарткой. От тряски развязались мешки, золото и серебро посыпалось вниз. Кэкэ отчаянно пыталась удержать мешки и вопила:

– Не троньте! Это мое золото! Это мое серебро!

А лошадь летела все быстрее и быстрее. Наконец, веревки не выдержали, нарта оторвалась, и жадная Кэкэ рухнула вместе с ней на землю.

ХРАБРАЯ ЧОЛЧОМИАКАН

Маленькая птичка Чолчомиакан с утра до поздней ночи долбила из куска дерева себе лодку. Она долбила клювом, отщипывая кусочек за кусочком, и так увлеклась, что даже не заметила длинноухого зайчика.

– Что ты делаешь, Чолчомиакан? – полюбопытствовал он.

– Лодку, чтобы отомстить Грому-разбойнику.

– Грому?.. – удивился зайчик.

– Да! Он не дает житья всем лесным малышам.

Зайчик обрадовался, потому что он больше всего на свете боялся Грома. Он от радости прыгал, кувыркался, потом куда-то исчез и вскоре вернулся со своими друзьями. У зайчика были хорошие друзья: рыженькие белочки, толстенькие мышки, ежики-пыжики, полосатенькие бурундуки, барсуки, еноты. Они все, как и серенький зайчик, очень боялись Грома-разбойника.

Мышки взялись делать весла, белочки пошли рубить шести, зайчики в лодке сидят да задними лапами щели конопатят. А жирные барсуки, словно плотники, пыхтят, деревянные гвозди забивают. Сердитые ежи енотами и бурундуками командуют, длинную мачту в лодке поднимают. Все работают дружно, в лесу стало весело. Неподалеку была нора лисы. Она услышала стук и к опушке прибежала.

– Чол-чол-чол! – закричала Чолчомиакан. – Братцы, сестры, появилась лиса!

Зверушки испугались и по норкам разбежались.

– Эй, Чолчомиакан, куда ты собралась? – спросила лиса и села в лодку.

– Я к Грому-разбойнику еду, чтобы отомстить ему за всех малышей! – ответила Чолчомиакан с высокой мачты.

– Ха-ха! – рассмеялась лиса. – С такими трусливыми друзьями – к Грому!

Лиса так звонко смеялась над птичкой Чолчомиакан, что даже не заметила волка. Он щелкнул зубами и оскалился на лису:

– Ты долго будешь тревожить мой сон, а-а?

Лиса чуть не окаменела от страха. Она попятилась назад, показывая волку на мачту.

– А-а-рр! – закричал волк. – Эта птичка тебя так развешила?.. Ну, ну, Чолчомиакан, давай и меня развесели!.. Если не сумеешь, то лодку твою я сейчас же разломаю. Поняла?

Чолчомиакан прижалась к мачте и молчала. Вдруг на шум волка из-за чащи вышел медведь. Он ловко схватил волка за шиворот.

– За что ты ее так, а-а?.. Разве не стыдно обижать малышей?!

– Медведь, браток, – заплакал волк, – не я тут виноват. Это рыжая лиса!.. Она во всем виновата. Отпусти меня, пожалуйста!

Тут все зверушки вышли из норок. Они начали бегать вокруг медведя и наперебой рассказывать ему все подробности.

Внимательно выслушал медведь зверушек, потом повернулся назад, чтобы лису с волком наказать, а лисы давно и след простыл. Рассердился тут медведь на волка, запряг его в лодку. Малышам стало весело, потому что медведь всех посадил в лодку, а сам давай хлестать серого палкой. Волк от боли завыл и потащил лодку волоком. Хорошо досталось волку из-за лисы. Он обессилен и упал у самой речки. Люди говорят, что с того дня волки и лисы стали обходить друг друга. Вот так!

А медведь?.. Что медведь, он был хорошим, справедливым. Посадил всех малышей к себе на плечи и долго махал лапой вслед удаляющейся лодке.

– До свидания! – кричали верные друзья Чолчомиакан. – Возвращайся с победой!..

Много дней плыла Чолчомиакан на своей парусной лодке вверх по реке. Она сидела на мачте и наблюдала. Видит Чолчомиакан: навстречу ей плывет Силпон – деревянный вертел, на котором жарят рыбий шашлык.

– Чолчомиакан, куда ты едешь? – спросил ее Силпон плачущим голосом.

– Чол-чол-чол! – закричала с мачты Чолчомиакан. – Я к Грому-разбойнику еду, чтобы отомстить ему за всех лесных малышей!

– Ох! – тяжело вздохнул Силпон. – И меня он обидел. Съел он шашлык из щуки, а меня вот, видишь, бросил в воду. С тех пор много дней плыву. Пожалей, Чолчомиакан, я тебе пригожусь.

Чолчомиакан была добрая. Ей стало жалко Силпона. Она взяла его и поехала дальше. Вот едут они вдвоем и видят на песке большую щучью голову.

— Чолчомиакан, куда едешь? — медленно открывая рот, спросила щучья голова.

— Чол-чол-чол! — закричала Чолчомиакан. — Я к Грому-разбойнику еду, чтобы отомстить ему за всех лесных малышей!

— Ой! Ой! — застонала щучья голова. — Видишь, что сделал со мной Гром-разбойник. Тело мое съел, а меня бросил голодным воронам. Возьми, я тебе пригожусь! Чолчомиакан взяла на лодку и щучью голову. Теперь их стало трое. Плывут они, а на косогоре одинокий дуб стоит и качает им разбитой вершиной.

— Здравствуй, Чолчомиакан, куда ты едешь? — спросил он тихим голосом.

— Чол-чол-чол! Я к Грому-разбойнику еду, чтобы отомстить ему за всех малышей!

— Молодец, Чолчомиакан, — заплакал от радости дуб, роняя желуди, как слезы, — он меня ударил огненным топором, видишь, детки мои по земле рассыпались преждевременно. Собери, пожалуйста, мои желуди. Они тебе пригодятся!

Теперь уже Чолчомиакан, Силпон-вертел, щучья голова и желуди плывут на лодке и слышат, как кто-то стучится им в борт.

— Кто там? — спросила Чолчомиакан.

— О-о-о! Чолчомиакан, это я, деревянный молот, — раз-

дался глухой голос из-за борта. — Я знаю, где живет Гром-разбойник. Я строил дом ему, а когда выстроил, он бросил меня в воду. Возьми меня, я тебе пригожусь!

Чолчомиакан взяла и его. Молот сразу сел за руль, и они поплыли дальше.

На высокой горе стоял красивый дом Грома-разбойника. Его в доме не было. Силпон-вертел сразу спрятался за большой кроватью, где спал Гром. А щучья голова, долго не думая, нырнула в бак, где разбойник держал воду. Желуди покатались прямо в очаг и спрятались в золе. Молот встал за дверью.

Недолго им пришлось ждать Грома. Он пришел сердитый, замерзший и голодный.

— Ух! Ух! Холодно, — сказал он, — надо затопить очаг.

Гром стал раздувать горячие угольки. В золе желуди так надулись, накалились, что полопались, и осколки их полетели прямо в глаза Грому-разбойнику.

— Горю! Горю! — закричал Гром и от страха выпил всю воду из бака вместе со щучьей головой.

А щучья голова в животе Грома-разбойника начала кусаться. От боли Гром присел, потом пополз к кровати, за которой прятался Силпон. Деревянный вертел вонзил ему в бок острие. Гром соскочил с кровати и — к двери, а молот тут как тут — ударил его по спине! Чолчомиакан вскочила Грому на голову и давай долбить в затылок, приговаривая:

— Чол-чол-чол! Это за всех лесных малышей!

Чол-чол-чол! А это за моих верных друзей!

Вот какая была храбрая птичка – Чолчомиакан. Она и сейчас живет в тайге, говорят, прислушайтесь, всегда громко кричит: «Чол-чол-чол!»

Поэтому ее и зовут Чолчомиакан, а по-русски это значит – «поползень».

САЙЛА И МАЙЛА

Жили-были две сестры – Сайла и Майла. Сайла была старшая, а Майла младшая. С малых лет сестры ходили на охоту. Меткими стрелами сбивали с неба лебедей, широкими копьями, как мэргэны, могли свалить медведя – Мапу.

Однажды сестры вернулись с охоты рано. Сайла готовила ужин, а Майла сидела у очага и шила халатик из рыбьей кожи.

– Сайла, – обратилась младшая к старшей, – давай-ка слепим из икры сестренку? Она будет нам помогать, и назовем ее Чападакан?

– Нет! – строго ответила Сайла. – Глупостями я не занимаюсь, я, если захочу, настоящую найду...

Разобиделась Майла. Ей очень хотелось иметь младшую сестренку. Бросив свои дела, она вышла в амбар. Из амбара Майла притащила сушеную кетовую икру в корзине и всю ночь толкла ее в деревянной ступе. Когда из икры получилась мелкая мука, она вылепила маленькую девочку и поставила ее сушить у очага.

Потом одела на нее красивый халатик, взяла за ручку и сказала ласково:

– Если любишь Майлу,
Встанешь сестренкой сзади меня?

Но если не любишь Майлу,
То рассыплешься у огня!..

И бросила икринку через голову. Вдруг за спиной Майлы, как мячик, запрыгала и тоненьким голосочком заговорила девочка:

– Я люблю тебя, Майлакан,

Я твоя сестренка Чападакан!

С тех пор стали жить втроем. Сестры ходили на охоту, а Чападакан оставалась дома и готовила им вкусные обеды. Только она очень боялась старую крысу Сингэрэ, которая жила под нарами и страшно копошилась. Как-то вернулись сестры с охоты, а Чападакан плачет горькими слезами:

– Ой, ой, сестренки, я боюсь крысу Сингэрэ! Вылепите мне братика из икры? Хик! Хик!

Сестры очень полюбили трудолюбивую Чападакан и обещали ей вылепить братика. Сайла вышла в амбар за сушеной икрой. В амбаре было темно. Вдруг в старом сундуке Сайла услышала плач ребенка, она не испугалась, быстро открыла крышку сундука и увидела на дне крошечного младенца. Он плакал и беспомощно тряс ручонками. Сайла обрадовалась: наконец-то сбылась ее настоящая мечта. Быстро завернула малыша и принесла домой.

С тех пор Сайла и Майла сидели дома, потому что маленький братик плакал днем и ночью, не давая им покоя. Когда мальчик перестал плакать, сестры решили оставлять его с Чападакан. Она очень обрадовалась, когда впервые ей доверили братика.

В первые дни после большого перерыва сестры охотились недолго. Они волновались из-за маленького братика и возвращались домой вместе. Возвращаясь однажды с охоты, сестры заметили, что из трубы дома валит густой, черный дым с запахом горелого. Сестры испугались и, сдерживая страх, заглянули в окно.

На полу возле очага сидел старый полуголый старик. В руке он держал бедную Чападакан и жарил ее в огне.

– Вот тебе так, – злорадствовал старик, – не хотела помочь старому колдуну Онгака. Ха-ха-ха!.. Ох, как я проголодался за это время. Ничего, сегодня доберусь до твоих глупых сестер. Ха! Ха! Ха!..

Услышав шорох в дверях, колдун Онгака ту же превратился в мальчика и заплакал на весь дом. Сайла побежала к нему и, успокаивая его, нежно сказала:

– Бедный наш братик, весь день голодный и грязный. Не плачь, родной. Как затопим очаг, как наносим воды и накормим тебя досыта, и вымоем тебя добела.

Когда мальчик успокоился, девушки налили в котел воды и затопили очаг. Потом сели у открытого котла друг против друга и принялись кормить голодного братика, передавая его через парящий котел. Как только закипела вода в котле, Майла и Сайла бросили колдуна

в бурлящую воду и тут же закрыли котел деревянной крышкой.

– Ала-ла-ла! – закричал в кипящем котле колдун, стуча головой о крышку.

Сестры придавили крышку котла тяжелыми камнями и убежали из дома куда глаза глядят. Бежали они, но вдруг Майла остановилась и сказала сестре со слезами:

– Сайла, я не могу убежать из дома без маминых подарков. Я их забыла на подоконнике.

Девушки побежали обратно домой. В доме все кричал колдун: «Ала-ла-ла!», а из окон и из двери выходил густой белый пар. Но зайти в дом девушки боялись, потому что колдун Онгака вылез из котла до пояса и выбрасывал на пол камни с грохотом.

Девушки тут вспомнили о старой крысе – Сингэрэ, которая жила под нарами.

– Сингэрэ, Сингэрэ, – позвали они крысу, – помоги нам в беде? Пожалуйста, принеси нам с подоконника ножичек-чуруэн, золотой гребешок и кремниевый брусок!

Сингэрэ не заставила себя долго ждать, она тут же в зубах принесла хозяйкам их любимые вещи.

– Ах ты ночная воровка, – заворчал обваренный колдун, – и ты против меня!

И бросил камень в нее. Сингэрэ испугалась, но проворно юркнула в норку.

– Ала-ла-ла-ой, больно!

Девушки опять побежали куда глаза глядят, а за ними бежал колдун Онгака и выкрикивал на ходу:

– Как я вас захвачу-чу-чу!
Так я вас проглочу-чу-чу!..

От страха упала Сайла и заплакала, а Майла вытащи-
ла из-за пазухи золотой гребешок и проговорила:

– Ой ты золотой гребешок,
Зубья твои ровные и частые.

Встань за нами, дружок,
Густыми, непроходимыми лесами?..

И бросила гребешок на землю. Вдруг перед самым
носом Онгака вырос густой, непроходимый лес. Колдун
рассердился и начал грызть деревья. Он грыз быстро,
падали деревья, пропуская его вперед. Девушки бежали
куда глаза глядят, а за ними бежал колдун Онгака, злоб-
но стуча острыми зубами и выкрикивая на ходу:

– Как я вас догоню-ню-ню!
Так я вас проглочу-чу-чу!..

От страха упала Сайла и заплакала, а Майла вытащи-
ла из-за пазухи ножик-чуруэн и проговорила:

– Ой ты ножичек-чуруэн,
Ты ведь мастер, как мэргэн.

Ты на землю упали –
Путь злодею прегради?..

И бросила ножичек на землю. Вдруг перед самым но-
сом Онгака ножичек-чуруэн вырезал глубокий овраг.
Второпях колдун Онгака упал прямо в овраг.

– Ала-ла-ла! – слышался его жалобный стон.

Колдун рассердился, когда упал в овраг, начал караб-
каться из него острыми когтями и выбрался, оставив
здесь свои когти.

Девушки бежали куда глаза глядят, а за ними колдун
Онгака и злобно выкрикивал на ходу:

– Как я вас догоню-ню-ню!

Так я вас проглочу-чу-чу!

От страха упала Сайла и заплакала, а Майла вытащи-
ла из-за пазухи кремниевый брусок и проговорила:

– Ой ты брусок кремниевый,

Ты служил нам точилом и огнивом.

Теперь ты нам верно послужи,

Высокой скалой путь черту прегради?!

И бросила кремниевый брусок прямо под ноги Онга-
ка. Вдруг перед самым носом колдуна с земли до неба
выросла кремниевая скала.

– Ала-ла-ла! – раздался за скалой жалобный крик кол-
дуна.

Колдун рассердился, когда перед его носом встала
кремниевая стена.

Он начал копать землю и грызть камни. Наконец он
выкопал дыру, но испортил все свои острые зубы.

Девушки бежали куда глаза глядят, не чувствуя земли
под ногами, и вышли они на берег горной реки.

– Эй, девушки-пудины, куда так бежите? – закричали
им с другого берега два брата – охотники-мэргэны.

– Братцы-мэргэны, – заплакали девушки, – нас колдун
Онгака преследует, пожалуйста, перевезите нас к себе?

– Хорошо, мы сейчас, – согласились братья.

Каждый из мэргэнов на своей расписной берестяной
оморочке перевез девушек, а колдун тут как тут. Он то-

пал по берегу и, нюхая влажный воздух, выкрикивал злобно:

– Я вас здесь найду-ду-ду!

Так и сразу задушу-шу-шу!

Но, заметив на другом берегу мэргэнов, он испугался и начал хитрить тоненьким голосочком:

– Братцы-мэргэны, не видали ли моих козочек?

– Нет, – ответили братья, – мы за козочками не охотимся.

– Братцы-мэргэны, – снова обратился Онгака, – перевезите меня?

– Хорошо! – согласились братья.

Мэргэны столкнули с берега старую дырявую оморочку и сказали:

– Вот тебе оморочка, плыви за козочками!

Колдун Онгака сел в оморочку, доплыл до середины реки и вместе со старой берестяной оморочкой утонул. С тех пор на фарватере горной реки, где бурлит холодная вода, слышится умоляющий голос колдуна Онгака:

«Ала-ла-ла! Ала-ла-ла!»

ГАРПАМДИ – МЕТКИЙ СТРЕЛОК

В одном давно заброшенном доме жил некогда мальчик. С самого рождения все спал он на глиняном кане крепким беспробудным сном. Сколько зим, сколько лет этот мальчик проспал, никто не знает. Не видали люди, что он ел, не видели, что он пил. Рос, однако, мальчик

здоровым и крепким. Однажды, было это во сне или случилось наяву – мальчик и сам не понял, главный столб, что поддерживал крышу дома, – Гуситорани – вдруг с грохотом треснул пополам на его глазах. И оттуда, из Гуси Тора, вышел маленький деревянный человечек. В руке он держал длинный тальниковый прут. Мальчик очень испугался.

– Не бойся! – сказал ему деревянный человечек и подошел к кану. – Я Дюлен, хранитель дома и очага вашего рода, – продолжал он ласковым голосом, внимательно разглядывая мальчика круглыми синими глазками-бусинками. – Это я поил-кормил тебя, мой мальчик. Много лет оберегал Дюлен твоих предков и тебя самого от врагов и злых, коварных духов. Теперь же я пришел, чтобы пробудить тебя ото сна.

В голосе Дюлена мальчику и впрямь послышалось что-то родное, знакомое.

– Проснись, сынок! – повторил старик. – Погляди, что в небе творится! Заслонила ясное солнце своим могучим крылом злая железная птица Кори! Земля твоих предков лежит под ее страшной тенью, словно в черном траурном халате. И светлый Биа – месяц – закрыла своим могучим крылом злая железная птица Кори! И река твоих предков Мангбо притихла в этой тени, не поет больше песен края родного, плачем плачет над судьбой всего живого на земле!

Сказав так, Дюлен повернулся и ушел опять в Гуси Тора. Мальчик сбросил с себя старую циновку и соско-

чил на глиняный пол, где только что стоял деревянный человечек – хозяин дома. Долго глядел он на Гуси Тора, пытаясь рассмотреть трещину, в которой исчез Дюлен. Но главный столб старого дома был крепок и гладок, точно отшлифованный камень гранит.

– А-а, – подумал мальчик, – наверное, это сон. Я видел Дюлена во сне!

Он снова поднялся на кан, лег на свое место, повернулся на другой бок и, укрывшись циновкой, заснул крепким сном.

Долго ли, нет ли спал мальчик, но Гуси Тора вдруг снова с грохотом треснул от вершины до самого пола. Опять вышел из столба деревянный человечек, встал на том же самом месте, где стоял в первый раз.

– Вставай, сынок! – громко позвал он мальчика. – Имя твое – Гапчи. Это значит, что ты Гарпамди – меткий стрелок! Ты должен быть храбрым, не бояться ни грозы, ни холода! Всегда идти впереди всех!.. Иди же и сразись с заклятым врагом отцов и дедов! Если же не встанешь сейчас, я побью тебя! – старик насупился и взмахнул тальниковым прутом. – Помни, Гапчи: род твой – нанай. Это значит, что ты – сын земли, человек, рожденный землей. Встань же и защити мать родную от страшной птицы Кори!

Дюлен смолк. Затем, строго посмотрев на мальчика, повернулся и пропал в Гуси Тора.

– Дюлен! – позвал Гапчи и проснулся.

Спрыгнув на пол, он подошел к Гуси Тора и увидел на столбе лосиные рога. А на рогах этих висели лук и кол-

чан со стрелами, берестяной бунуку – манок и новая одежда с яркими узорами. Одежда оказалась мальчику великоватой. Он снял колчан со стрелами, натянул тугой, упругий лук...

И вдруг почувствовал, что растет, набирает силу. А новая одежда вдруг стала удобной и так ладно сидела на нем, будто шили ее умелые материнские руки.

– Дюлен, мой мудрый хранитель, спасибо тебе за все! – воскликнул Гапчи. – Я оставляю тебе свою стрелу. Если заржавеет ее наконечник – значит, сбился с дороги твой сын. Уцелеет стрела – значит, на верном пути стою. Упадет – значит, погиб Гапчи как воин-мэргэн, защищая землю предков!.. А если удержится, устоит стрела – скоро вернется Гапчи с победой!

Полетела стрела со свистом, молнией ударила в Гуси Тора. Поклонился Гапчи главному столбу и вышел из дома.

На улице было так темно, что юноша сначала не понял, проснулся он рано утром или поздно вечером. Пусто вокруг, только дует холодный, сильный ветер с запахом дыма и гари. Черной пылью покрыта земля, обугленные деревья похожи на страшные чудовища.

Гапчи поднял голову вверх и увидел в темном небе огромную птицу. Она висела над землей от востока до запада. Тускло мерцал сквозь ее железные крылья солнечный свет.

– Ха!.. Ха!.. Ха!.. – засмеялась, увидев Гапчи, птица Кори. И от ее громового смеха полетел вниз тяжелый ледяной град, пошел холодный дождь.

– А-а, проснулся?! – заговорила птица Кори человеческим голосом. – Много лет я поджидаю тебя здесь!

Вырвал Гапчи стрелу из колчана, натянул тугой лук.

– Брось лук! – крикнула птица Кори.

Спустил Гапчи тетиву, но из железного клюва птицы Кори, как молния, вылетела огненная стрела, и стрела Гапчи сгорела на лету, не достигнув цели.

– Ну, погоди! – разозлилась птица Кори. – Вот провожу солнце до заката и возьмусь за тебя при луне. Проглочу, как сова мышонка.

Понял тут Гапчи, что не справиться ему одному со страшной птицей, и решил искать себе верных друзей. Пошел юноша навстречу ветру и дыму, чтобы встретить хоть кого-нибудь до заката солнца.

– Бачигоапу, Гарпамди-мэргэн! – услышал Гапчи чей-то голос.

Юноша остановился и увидел лося с ветвистыми рогами. От дыма и копоты лось был черным, как земля, и только его большие умные глаза светились в темноте.

– Куда путь держишь? – спросил лось.

– Ищу себе верных друзей, чтобы сразиться с птицей Кори!

– О мэргэн! – восторгнулся лось. – Царица злого духа Кори убила всех моих сородичей – лесных великанов, один я теперь остался. Возьми меня с собой, я тебе пригожусь!

Согласился Гапчи, сел верхом на лося, и помчались они навстречу ветру и дыму.

– Бачигоапу, Гарпамди-мэргэн! – услышал Гапчи на скаку чей-то хриплый голос.

Остановил юноша лося и увидел косолапого Мапу-медведя. Почернела от дыма медвежья шкура, только его маленькие отважные глаза сверкали во мраке.

– Куда путь держишь? – спросил медведь.

– Ищу себе верных друзей, чтобы сразиться с птицей Кори!

– О мэргэн, я твой бывший брат, – сказал Мапа-медведь*.

– Царица черного духа истребила всех моих сородичей-медведей, один я на этом свете остался. Возьми меня с собой, я тебе пригожусь!

Гапчи согласился, и косолапый медведь побежал вслед за быстроногим лосям, навстречу ветру и дыму.

– Бачигоапу, Гарпамди-мэргэн! – услышал опять Гапчи чей-то голос.

Остановил юноша лося, поздоровался с Амбой-тигром. От дыма и копоты исчезли полосы на шкуре Амбы. Только желтые глаза светились в темноте.

– Куда путь держишь? – спросил Амба-тигр Гапчи.

– Ищу себе верных друзей, чтобы сразиться с птицей Кори!

– О мэргэн! – прорычал тигр. – Когда-то я был хозяином тайги, а теперь один остался на этом свете. Царица загробного мира забрала к себе всех моих полосатых родичей! Возьми меня с собой, я тебе пригожусь!

*Нанайцы считали, что когда-то медведи были людьми, и почитали их.

Гапчи согласился, и помчались они: Амба-тигр за медведем, а Мапа-медведь за длинноногим лосем – вперед, навстречу ветру и дыму.

Долго ли, нет ли мчались они, но вдруг в темноте наткнулись на высокую гору. Она была похожа на большой чум, из вершины которого вырывался со свистом густой черный дым.

«Так вот где живет проклятый ветер, – подумал Гапчи. – Надо заткнуть его черную глотку!»

Слез мэргэн с лося, начал подниматься на вершину горы. Уже до самой середины горы добрался, как вдруг полетел вниз по ее гладкому, будто железному, склону. Встал на ноги и опять полез наверх, но, добравшись до середины горы, упал и полетел вниз под чей-то веселый дружный хохот.

Встал Гапчи, огляделся – никого вокруг!

– Кто смеется надо мной? – спросил он сердито.

– Это я, Улги-бурундучок, – ответил ему маленький полосатенький зверек, – я младший брат Амбы-тигра!

– И я, Сингэрэ-мышонок. Я младший брат Мапы-медведя! – пропищал маленький черненький зверек.

– Ты, Гарпамди -мэргэн, напрасно теряешь здесь время, – сказали в один голос Улги и Сингэрэ, – на эту гору тебе не подняться. Отправляйся-ка лучше вон туда...

И друзья показали Гапчи тяжелую каменную дверь в Хурэн-горе, куда залетала железная птица Кори.

Бился рогами лось, царапал дверь острыми, как нож, когтями тигр, толкал сильными плечами медведь, но дверь Хурэн-горы была заперта крепко-накрепко.

– Ой, Гарпамди-мэргэн! – закричали вдруг радостно мышонок и бурундук. – У тебя же на поясе висит буну-ку-манок! Сыграй-ка на нем скорее!

Снял Гапчи бунуку-манок с пояса, заиграл. Тихо, нежно запел манок. Зазвучали в его волшебной мелодии голоса птиц и зверей, заплескались волны Мангбо. И в ту же минуту отворилась громадная каменная дверь Хурэн-горы.

Гапчи вошел в открытую дверь, огляделся. В полумраке он разглядел старика и старуху, которые продолжали работать, не замечая мэргэна. Старик стоял за наковальней, а старуха раздувала большой кожаный мех. Из раскаленной кузни дым и копоть поднимались вверх и со свистом вырывались наружу, превращаясь в сильный, ураганный ветер.

– Что вы здесь делаете? – спросил их Гапчи.

– Мы – слуги птицы Кори! – ответили старики. – Куем днем и ночью ей могучие крылья!

Они повернулись и увидели юношу в нанайском охотничьем наряде.

– Это же нанай! – воскликнули старики. – Бачигоапу, Гарпамди-мэргэн! – и они бросились к Гапчи со слезами на глазах.

– Освободи, мэргэн, от страшной птицы Кори нашу дочку пудин* Элгу?!

* Пудин – красавица героиня.

— Будь по-вашему, — ответил Гапчи, — но сначала скажите мне, мудрые люди, где искать пудин Элгу?

— Слушай нас внимательно, Гарпамди-мэргэн! — сказали старики.

— Путь твой, сынок, будет долгим и трудным. Но ты должен до заката солнца добраться к истокам Мангбо. Там в горах стоят два каменных чума, таких же, как наша Хурэн-гора. А между ними, раскинув голые ветви до самого неба, растет одинокий дуб. В одном из этих чумов и томится наша дочка Элга. С утра до ночи заставляя ее птица Кори рисовать узоры на своих железных перьях.

Выслушав стариков, Гапчи надел железные доспехи, которые выковали ему родители Элги, поклонился им и вышел из Хурэн-горы. Солнце клонилось к закату, и огромная птица, закрывая его от людей, все еще парила в небе.

Быстро ли, нет ли бежали Гарпамди-мэргэн и его друзья, но перед заходом солнца увидели они два огромных каменных чума. Между ними стоял дуб-великан, а из-под его могучих корней с грохотом вырывалась вода.

— Ха!.. Ха!.. Ха!.. — прозвучал в вышине страшный смех птицы Кори. — А вот и вы! Всех вас сейчас в камни превращу!

В это мгновение солнце опустилось за горизонт, а птица, с шумом рассекая крыльями холодный воздух, кинулась вниз на юношу и его спутников.

Не растерялся Гарпамди-мэргэн, вытащил из колчана стрелу и пустил ее в птицу Кори. Молнией ударилась стрела о железо и рассыпалась в воздухе, как горящий уголек. Помчался лось по горам, по сопкам. Делая хитрые петли-круги, унося Гапчи от когтей птицы Кори.

Вытащил Гарпамди-мэргэн из колчана вторую стрелу и пустил ее в птицу Кори. Молнией ударилась стрела о железо. Страшная птица два раза перевернулась в воздухе и выпустила из железного клюва огненную струю прямо в лось. Быстроногий лось на бегу окаменел под мэргэном.

— Спасайся, Гарпамди-мэргэн! — кричал мышонок. — Прыгай скорее на медведя!

Прыгнул Гапчи на медведя, и Мапа-медведь побежал по горам, по сопкам, делая хитрые петли-круги, унося от погони мэргэна.

Юноша вытащил из колчана третью стрелу и пустил ее в птицу Кори. Молнией ударилась стрела о железо. Три раза перевернулась в воздухе птица Кори и выпустила из железного клюва огненную струю. Медведь на бегу окаменел под мэргэном, а с ним вместе и мышонок.

— Гарпамди-мэргэн, прыгай скорее на тигра! — крикнул Улги-бурундучок.

Мэргэн прыгнул на тигра, и Амба-тигр побежал по горам, по сопкам, делая длинные хитрые петли-круги.

Гапчи вытащил из колчана четвертую стрелу и пустил ее в птицу Кори. Стрела ударилась молнией о железо.

Птица Кори перевернулась в воздухе четыре раза и выпустила из железного клюва огненную струю. Прямо в прыжке окаменел тигр под мэргэном, а с ним вместе бурундучок.

Гарпамди-мэргэн упал между каменными чумами и могучими корнями дуба-великана. Он встал на ноги, вытащил из колчана пятую стрелу и пустил ее в птицу Кори. Ударилась стрела молнией о железо. Птица Кори перевернулась пять раз в воздухе, выпустила в мэргэна огненную стрелу и исчезла.

Сколько дней, сколько ночей лежал мэргэн под дубом-великаном, никто не знает. И вдруг...

– Вставай, Гарпамди-мэргэн! – раздался знакомый голос.

Мэргэн открыл глаза и увидел Дюлена, хранителя дома и очага.

– Вставай, Гарпамди-мэргэн! – повторил Дюлен, прикасаясь к его плечу. – Твоя заветная стрела, сынок, упала с Гуси Тора. Вот я и пришел к тебе на помощь!

Хотел мэргэн встать, да не смог. Та часть его тела, что лежала на мертвой земле, окаменела совсем. Но та, что лежала в живой воде – истоках Мангбо, осталась живой.

Достал тогда Дюлен из-за пояса мэргэна бунику-манок и заиграл на нем древние песни земли. Когда он поднимал бунику-манок вверх, с черного неба с печальным криком опускались на землю быстрокрылые птицы. А когда он опускал бунику-манок к воде, то к берегу, без-

звучно шевеля плавниками, подплывали быстрые рыбы.

Сколько дней удерживали птицы лежащего над водой мэргэна, никто не знает. Сколько ночей держали рыбы чуть живого мэргэна – никто не ведает. А потом вдруг проснулся Гапчи и увидел, что лежит он – крепкий, здоровый – на каком-то гладком бревне. Зашевелилось бревно под ним, словно живое.

– Гарпамди-мэргэн! – услышал юноша человеческий голос. – Я – Адин-калуга, рыба-царица!.. Слушай меня, мэргэн, внимательно! Сегодня ровно в полночь зацветет дуб-великан. Разбросает он по земле волшебные цветы, чтобы земля-мать ожила в своем зеленом наряде. Птицы устали, помогая тебе, сложили крылья и все спят. Ты один, Гарпамди-мэргэн, можешь помочь природе одолеть железную птицу Кори!

– Рыба-царица! – воскликнул мэргэн. – Я готов сражаться за жизнь на земле!

– Слушай, Гарпамди-мэргэн! – продолжала Адин-калуга. – Сегодня ровно в полночь начнет выбрасывать дуб-великан из-под своих могучих корней живую воду, чтобы отец Мангбо стал сильным, полноводным... Все рыбы обессилели, помогая тебе, как без плавников они теперь стали. Ты один, Гапчи, можешь помочь природе в битве с темной силой!

– Рыба-царица! – крикнул мэргэн. – Я готов сражаться с Кори не на жизнь, а на смерть!

Только он это сказал, как вдруг от земли до самого

черного неба вспыхнуло зарево, словно восходящее солнце разбросало во все стороны разноцветные лучи. Но это не солнце взошло, а начал расцветать волшебный дуб. На голых его ветвях распускались цветы и листья, словно гирлянды живых огней. А из-под могучих корней дуба, подобно горному водопаду, хлынула вниз живая вода, оживляя озера и притоки Мангбо*.

– Гарпамди-мэргэн, держись! – крикнула Адин-калуга.

Мэргэн стоял крепко на широкой спине рыбы-царицы, натянув лук с острой стрелой, и зорко смотрел вперед. А калуга плыла по воде, словно ходкая лодка, приближаясь к могучим корням дуба.

В это время, откуда ни возьмись, налетела на дуб-великан птица Кори. Она била его железными, сильными крыльями, но дуб расцветал еще ярче, еще сильнее! Пуще прежнего рассердилась тут птица Кори, опустила на вершину дуба и стала ломать его ветви железным клювом. Пять стрел торчали между ее железными перьями. Понял мэргэн, что птицу Кори невозможно убить без хитрости.

Широко открыла Кори свой железный клюв, чтобы отломить толстую ветвь дуба-великана. Изловчился мэргэн и пустил стрелу прямо ей в пасть. Со страшным криком перевернулась в воздухе птица Кори и упала наземь между каменными чумами. В тот же миг исчезли чумы, и на их месте выросла скалистая гора, похожая на же-

* По нанайским преданиям тот, кто увидит цветущий кедр или дуб, будет самым счастливым.

лезную птицу Кори. А дуб-великан все расцветал, распрямляя свою изуродованную вершину. Потом на его ветвях появились крупные золотистые желуди. Они светились, словно яркие звезды в ночном небе, наливались и медленно падали вниз. И там, где они касались земли, вырастали зеленые рощи.

Из-за огромной скалы – окаменевшей птицы Кори – выглянуло солнце. Оно поднималось все выше и выше, оживляя все мертвое и даря счастье всему живому.

– Хани-рани-на! Хани-рани-на! – услышал мэргэн чей-то нежный голос.

Красавица Элга стояла под дубом-великаном и пела, подражая голосам птиц, зверей, журчанию реки. Гарпамди-мэргэн подошел к девушке и начал подыгрывать ей на бунику-манке. Нежный зов бунику и мелодичный хрустальный голос Элги полетели по чистому, синему небу над зелеными просторами тайги.

На зов любви и жизни прилетели к дубу-великану птицы. Приплыли с притоков Мангбо рыбы. Прибежали таежные друзья Гарпамди: Сингэрэ-мышонок с Мапой-медведем, Улги-бурундучок с Амбой-тигром и лось-великан. Они играли, купались в истоках чистой воды под веселые мелодии Гарпамди-мэргэна и становились такими же чистыми и сильными, как Мангбо.

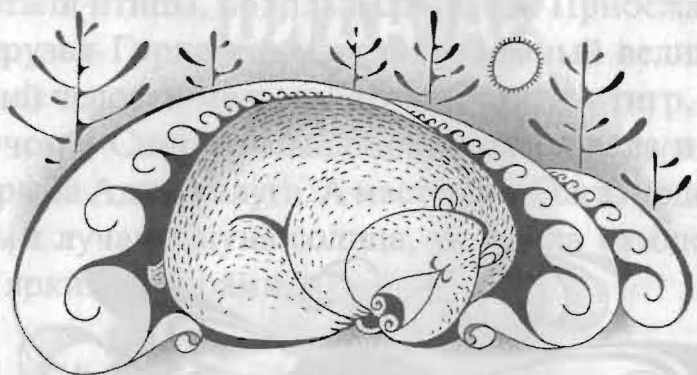
А потом Элга достала свою шкатулку с чудными узорами, в которой она хранила разноцветные, как радуга, лесные краски. Подходили к Элге-мастерице звери,

прилетали птицы, подплывали рыбы. Прибежали и верные друзья Гарпамди-мэргэна: таежный великан-лось, бывший человек-медведь, хозяин тайги – тигр, Улги-бурдучок и Сингэрэ-мышонок. Пожаловала и сама царица-рыба Адин-калуга. А мастерица Элга, подобно волшебным лучам Сиуна-солнца, украсила их одеяния новыми яркими узорами.

ЗАГАДКИ

ЗАГАДКИ

Ночью я совсем не сплю,
Все, что попадает, грызу!
А потом плачу я:
«Синк-синк! Живот болит у меня?»
/Крыса/

Кто там царапается с утра,
Точит когти острые.
«Мяу-мяу! – кричит она. –
Я самая ловкая?»
/Кошка/

Кто там просит молока,
Словно волк издалека.
«Бу-у! Бу-у!» – плачет он,
Слышен в доме его стон?
/Бычок/

«Ко-ко-ко!» – я пою,
Рано утром я встаю.
«Ко-ко-ко! Просыпайтесь!
На работу поднимайтесь!»
/Петух/

Я зимою крепко сплю,
С храпом лапу я сосу.
/Медведь/

Как матрос в тельняшке,
По тайге я бегаю.
Как нанаец в орнаменте,
Я люблюсь сам собою.
В тайге меня боятся –
А нанайцы молятся!
/Тигр/

В озере кто-то бьется ногами,
Плачет крупными слезами.
Слезы там не видно,
И голоса там не слышно.
/Рыба/

От холода кто-то ночью плачет.
«У-у-у! У-у-у!» – зовет протяжно.
Он заблудился и рыщет,
Друзей, наверное, ищет?
/Волк/

Рыбка, а может быть, нет...
Будто по воде – ныряет и блеснит,
Следы волшебные оставляет.
Следы не простые,
Все узоры золотые.
/Иголка и нитка/

Здесь мой дом, я живу,
Зорко все кругом гляжу.
«Гав! Гав! Гав!» – я говорю.
«Хар! Хар! Хар!» – предупреждаю.
/Собака/

Высоко в небе я парю,
С неба я все вижу!
«Пиу-у! Пиу-у!» – я свищу,
Словно милиционер, служу!
/Коршун/

Один мальчик, как проснется,
На одной ноге по льду скачет.
Но никто его не видел,
Только стон льда слышен.
/Треск льда/

Одна гагара прилетела,
Дверь накрепко закрыла.
Эта загадка нехитра,
В доме он нужен всегда.
/Замок/

На столе с тобой сидит
Мудрый-премудрый старик.
Он сам никому не говорит,
Словно глухонемой, молчит.
Сердцем с ним поговори,
В глаза умные посмотри.
Он с тобой заговорит,
Мудрость свою откроет.
/Книга/

Отец рассердился и кричит,
Мать факелом машет.
Сын испугался и заплакал,
Слезы, словно дождь, закапал.
/Гром, молния и дождь/

Белочка на дереве сидит,
Вдруг, как птица, парит.
У нее крыльев нет,
Словно на парашюте,
С дерева на дерево летит.
/Летяга/

К маленьким детям приходят,
Как в сказке, красивые лошади:
Когда приходит белая лошадь,
На душе радостно с утра.
Когда приходит черная лошадь,
Сказки слушаем, и спать пора.
/День и ночь/

В норе собачки живут,
Полосатые и красивые.
Они никогда не лают,
Только слезы от обиды льют.
/Глаза/

Кто ладошами по стене хлопает,
От холода в дом просится.
Он со свистом бегаёт по реке,
Он хулиганит зимой во дворе?
/Ветер/

В одном доме живут
Белые и красный братья.
Очень нужен их труд
Всем животным и людям.
Белые братья с утра рубят,
А красный брат
— как лопатка — работает.
/Зубы и язык/

Он на печке сидит,
С головы воду пьет.
Как воды напьется,
С диким хохотом смеется.
А потом из носика наливает,
Сладким всех угощает.
/Чайник/

В одном черном озере,
Где вода кипит, как в котле,
Там живет красавица-выдра,

*** Там плавает с утра до вечера.
Она там не сварится,
Только весело барахтается.
/Котел и ковш/

Хочешь, не верь,
А хочешь, поверь!..
У нас говорят кузнецы,
Мастера-мудрецы:
«Можно сто скелетов солдат
В одной ладони держать».
/Цепь/

Красивая птица на горке сидит,
Как машина: «Удод-удод», – говорит.
Она друга громко вызывает
И свое имя называет.
/Удод/

Владимир МЕЛЬНИК

И ПРЕДАНИЕ, И МЕЧТА

Поэзия Андрея Пассара удивительно молода. И это не только молодость души, личное обаяние поэта. Здесь есть и другой секрет: прикосновение к вечно молодому народному творчеству. Об этом – слова самого Андрея Пассара: «Писатель – вечный ученик у жизни, румяный подмастерье в ее безграничных пределах».

Любопытна та роль, которую выполняет сегодня Андрей Пассар в нанайской литературе. Он стоит между преданием и современностью. Напомним, что нанайский фольклор, чрезвычайно древний, не успевший разграничить отдельные жанры, сегодня почти не издан. Но нанайцы хранят его в памяти, подобно тому, как традиционный нанайский орнамент окружает их на каждом шагу.

Как-то Пассар сказал: «Без сказки, без легенды мой народ погиб бы в вечной мерзлоте. Сказка, легенда дали ему тепло». Охотники, уходившие на промысел, должны были «подарить» хозяину тайги свою сказку. Утром идти на охоту, а вечером накануне кто-то обязательно должен рассказать легенду, предание – тогда только охота может быть удачной: хозяин тайги вознаградит своих гостей ответной щедростью. Гость, пришедший в дом, тоже должен рассказать какую-либо историю. В этом – душа народа, своеобразный способ совместного существования, в котором слово – не роскошь, а такая же необходимая вещь как соль, спички, оружие.

Было, очевидно, время, когда нанайский фольклор, прежде всего миф, был выражен в стихотворной форме. Сейчас, к сожалению, уже нет на древнем берегу Амура людей, распевających предания о нанайских богатырях, о возникновении солнца, луны. Последние из этих преданий-песен ушли из народной памяти не так давно, а с ними исчезло нечто важное в народной душе. Нынче все устные нанайские предания не поются, а пересказываются.

Но вот Андрей Пассар первые свои стихи именно «пел», стараясь не только в поэтическом слове, но и в поэтической ритмике повторить древнюю народную традицию. Его неизбывная тяга к фольклору, к неисчерпаемым богатствам народного слова особенно ярко выразилась в поэмах. Начать хотя бы с жанра. Если в нанайском фольклоре миф, легенду, предание, сказку, притчу, сказ трудно различить по звучанию и содержанию, то и в поэмах Пассара отмечаешь такую же слитность поэтических жанров, их переплетение. Есть у него, например, поэма под названием «Легенда об Удэ-Мэргэне». В книге «Под стук бубна» (М., 1969) она расположена рядом с «Опоздавшей черепахой» в разделе «Легенды». А вот в «Приглашении» (М., 1983) она стоит уже в разделе «Поэмы».

Многие поэмы Андрея Пассара имеют своим творческим основанием то, что в нанайском фольклоре обозначается как «тэлунгу» (сказ, предание, легенда). Поэтическое предложение тэлунгу воспроизводит национальный колорит, народные представления о добре и зле, о любви, дружбе и верности. Народные этика и эстетика представлены здесь полно и ярко. Современный поэт творчески интерпретирует, по-своему оценивает народные представления, сложившиеся в незапамятной древности.

Вчитываясь в поэмы Андрея Пассара и видишь, как многообразны его соприкосновения с нанайским фольклором, как прочно стоит он на незыблемой почве народного слова.

Как появилось солнце? Нанайское поверье гласит, что когда-то в давние времена было три солнца. Жар был такой, что в ре-

ках закипала вода, горела тайга, погибало все живое: люди, звери, птицы в небе и рыбы в воде. «И вот один человек из рода Заксор под вечер отправился туда, откуда должны были взойти три солнца. Притаившись за валуном, он дождался их появления и поразил стрелами два солнца, оставил лишь одно. Так человек спас всю живую природу. Только иногда в сильный мороз появляются тени двух пораженных солнц» (Н.Б. Киле). Тэлунгу о трех солнца содержит в себе элементарные представления древних нанайцев о природных явлениях – в частности, объясняет, почему в сильный мороз вокруг солнечного диска образуются концентрические кольца. В современной интерпретации мифа сделан акцент не на широком явлении, а на человеке, который «спас» природу, совершил подвиг.

В «Легенде об Удэ-Мэргэне» звучит печальная повесть о любви. Девушку звали Мангбо (так нанайцы называют Амур), юношу – Удэ-Мэргэн. Шаман, отец Мангбо, был против этой любви. Он выследил дочь, ушедшую на свидание к любимому, и убил ее. Мангбо превратилась в реку, помогающую людям уберечься от жара трех солнц...

В поэзии Пассара любовь никогда не выглядит как романтическое, замкнутое в самом себе чувство. Любовь у его героев всегда возвышенная, всегда связана с подвигом во имя людей. И далеко не каждый удостоивается этого сильного чувства. В современной нанайской литературе шаман изображается как отрицательный типаж. Вот и в «Легенде об Удэ-Мэргэне» Пассара он зол и одинок, не любит людей, а потому ему не дано ни любить, ни понять любви своей дочери. В представлении же Мангбо (отражающем сугубо народное представление) любовь к одному человеку и любовь ко всем людям, к своему народу – нераздельны.

За любовь меня убил ты,
Но в любви своей права я.
И любовь не победил ты –
Вечно буду я живая.
Помогать, как прежде, людям

Никогда я не устану,
Потеку я вниз к Мэргэну –
Речкой я отныне стану...

(Перевод О. Зверева)

Борьба добра и зла, любви и ненависти достигает в «Легенде об Удэ-Мэргэне» своей высшей точки тогда, когда поэма о любви органично сливается с тэлуңгу о трех солнцах. Шаман, проклявший людей, попросил солнце взять его к себе. Светило сжалось над стариком. Два «лишних» солнца – это глаза злого шамана: «Утром над Мангбо-рекою три светила сразу встали... Даже утром стало душно людям от огня тройного. Выше поднялось светило – края не узнать лесного: вся земля окрест горела. Как смола, топился камень. Умирили, корчась, люди...» На помощь людям может прийти только любовь. Удэ-Мэргэн созывает людей к реке, в которую превратилась его любимая.

По реке Мангбо ныряя,

Меткую стрелу достал он.

И пустил он ее к солнцу –

Глаза красного не стало.

И жара немного спала.

Меньше людям стало пыток.

От стрелы второй Мэргэна

Глаз второй шамана вытек.

И сошла к земле прохлада...

В «Легенде» Пассар сумел развить поэтическую сторону тэлуңгу о трех солнцах. Словно вышивая по канве народного слова, он вдохнул в старый сюжет новую жизнь, подчеркнув, что в основе древнего народного сюжета лежит не стихийное явление природы (пожары в тайге), а вечная борьба добра и зла, столкновение прекрасного и безобразного. Интерпретируя мотивы национального фольклора, поэт обогащает их новым взглядом на человека и его земное предназначение.

В нанайском устном народном творчестве нет того культа женщины, который связан с представлениями о рыцарской люб-

ви в произведениях европейского народного эпоса. В поэмах же Андрея Пассара – и, в частности, в «Легенде об Удэ-Мэргэне» – любовь поистине рыцарственна. Она связана с подвигом, со служением людям. Храня в душе древний завет, глубоко чтя священное предание, следуя в своей поэзии за традиционными народными этическими представлениями, поэт чуток и к биению пульса своего времени.

О чем бы ни говорил автор, на какой бы предмет или явление ни обратил свой взгляд, везде и во всем он предстает как выразитель дум и чаяний своего народа. Спросите нанайского поэта, что есть красота, – и в его ответе послышится отголосок многовековой истории небольшого приамурского народа, связавшего свою жизнь с жизнью великой тайги:

Слывет красивым тот у нас,

Кому в походе верим,

Кто в ураганный стоек час

И смел в борьбе со зверем.

(Перевод А. Рыбочкина)

Опора на фольклор придает поэзии Андрея Пассара не только яркость и своеобразие, но и глубину. Если попытаться обобщить важнейшие моменты его творчества, то неизбежно придется к выводу, что главный, ведущий его мотив, главная проблема, интересующая поэта, – человек и народ в их взаимной соотношенности.

В той же «Легенде об Удэ-Мэргэне» – целая поэтическая философия жизни, развившаяся из многовекового исторического опыта. В своих преданиях и легендах народ – создатель не только общей этической нормы, но и слова, той нормы закрепляющего, – не боится прямо и однозначно отвечать на извечные философские вопросы. В его бесхитростном слове добро – всегда добро, а зло – всегда зло. И это не упрощение, а вечная норма. В кругу этих представлений добро всегда побеждает зло, даже тогда, когда само принимает гибель. Иначе быть не может: это тоже вечная норма жизни. Простота и кажущаяся поэтическая наивность лишь оттеняют надежную устойчивость и глубину веками подтвержденной мудрости. И, кстати сказать, мудрость эта

является таковой не только потому, что жизнь ее подтверждает, но и потому, что она поддерживает человека и народ в их борьбе со злом, в каком бы виде это зло ни выступало.

Пожалуй, наиболее заметная из поэм Андрея Пассара – «Мокона». О Моконе, эпическом герое нанайцев, писал не только Пассар. Существуют, например, сказки Виктора Бельды «Про Мокону». В поэме автору удалось создать своего рода «нравственную энциклопедию» жизни нанайцев. Весьма органично ввел в повествование Пассар и чисто исторический сюжет, сразу придавший «Моконе» новое качество.

Если говорить о поэме в плане избранной нами темы (соотнесенность фольклора с творчеством современного поэта), то следует обратить внимание прежде всего на то, как описывает А. Пассар жизнь природы. Это относится, разумеется, не только к поэме «Мокона», но и ко всему его творчеству. Не случайно, видимо, один из сборников его так и называется – «Мудрость тайги» (Хабаровск, 1964). Природа одушевлена в его стихах. Тайга мудра, ибо, как говорит сам поэт: «Кто учит охотника убивать медведя? – Медведь. Кто учит его бить соболя? – Соболя. Кто учит человека пройти по тайге? – Тайга». Нисколько не удивительно прочитать в поэтической книжке Андрея Пассара такие, например, строки: «Солнце в обиде, в тревоге... Деревья...страдают. А звезды дрожат от страха...»

Между героями поэзии Пассара и природой постоянно ощущаются связывающие их нити – крепкие и самых разнообразных оттенков. В «Моконе» звери и птицы выходят из лесов на призыв героя. Впечатляюще отразилось в поэме и древнее представление об «эргэни» – символе единства человека и природы.

Об «эргэни» упоминает в своей книге «Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские» (Владивосток, 1922) еще И.А. Лопатин, известный и авторитетный исследователь жизни гольдов. Он-то и пересказал притчу о борьбе двух богатырей-мэргэнов, одному из которых повезло стать обладателем «эргэни», принадлежащего противнику. Мэргэн «ловит узелок, развертывает его и на-

ходит там крошечного человечка, во всем похожего на его врага. Отрывает... правую ручонку у «эргэни» – и у богатыря отлетает правая рука, отрывает левую – и у того отлетает левая рука...» В такой интерпретации «эргэни» отдаленно напоминает по смыслу известный в русских сказках кованый сундук, в котором хранится смерть Кощея. Мнимое бессмертие зла – вот что означает мотив русского «эргэни» в сказке о злом Кощее Бессмертном. А в представлении нанайца «эргэни» – двойник, душа живого существа – не обязательно человека, но и медведя например (вспомним утку, щуку в сказке о Кощее!). И здесь главный смысловой мотив – кровная связь живущих существ, в том числе человека, с тайгой, с природой. Диву даешься, наблюдая конкретно-национальное преломление общечеловеческих «кочующих» мифов.

В «Моконе» «эргэни» главного героя – медведь. Наряду с тигром медведь – почитаемое у коренных амурцев животное, хозяин тайги. При прощании с невестой Мокона говорит:

– Как сына, Майла, медвежонка расти,
Коль станет болеть – запомни:
Значит, на трудном моем пути
Не все хорошо и спокойно.
Будет здоров – я вернусь к тебе.
Умер – поплачь о моей судьбе.

Автор прибавляет от себя: «Тайные нити от медведя тянутся к Моконе. Убивают медведя – замертво падает и богатырь...»

Душа человека – в живой природе. Уничтожение природы ведет за собой и гибель души, вообще человеческой жизни – вот как сегодня прочитывается старое поверье о таинственном «эргэни».

Андрей Пассар, создавая поэму «Мокона» как своего рода поэтический эпос, не находит, однако, жанровой аналогии в нанайском фольклоре. Характерно, что в «Песне о матери», в «Двенадцати медвежьих головах», в «Легенде об Удэ-Мэргэне» Пассар пробует различные подходы к жанру поэмы: пытается напу-

пать оптимальный вариант. Думается, многое найдено им именно в «Моконе». Поэт здесь комбинирует, соединяет в поэтическое целое сразу несколько жанров нанайского фольклора, выводя это целое на дорогу традиционной – в современном понимании – эпической поэмы, но в ее ярко национальном варианте.

В «Моконе» легко обнаруживаются следы тэлунгу о страшном, вошедшем в легенду, Калгаме. Еще П.П. Шишкевич в книге «Материалы для изучения шаманства у гольдов», изданной в Хабаровске, приводит сказание о гольдском богатыре Нанымароко, в котором упоминается и Калгама: «Некогда... по берегам Амура, на вершинах гор по ночам стали появляться огни. Гольды видели около огней человека, у которого на каждой руке было всего по два пальца; имя его было Калгама. Это был самый сильный человек на Амуре, и все, кто ни отваживался выступить с ним на поединок, домой не возвращались. Легенда гласит: у Калгамы был заключен в сумку какой-то талисман, обладание которым обеспечивало силу и богатство его владельцу. Одному гольду удалось достать эту сумку, и в ней он нашел дорогие меха. С тех пор он жил счастливо, набивал в изобилии черно-бурых лисиц и соболей. С тех пор огни потухли, и по берегам Амура стали раздаваться по ночам стоны Калгамы, в которых слышались просьбы о возвращении сокровища».

Древнее предание дает свой идеал человеческого счастья. Это богатство. Безуспешная борьба гольдов-мужчин с Калгамой – это борьба за обладание сокровищем, и только. Совершенно иной тон получает тэлунгу о Калгаме в поэме Андрея Пассара «Мокона». Как и в поэме об Удэ-Мэргэне, любовь (а именно она – смысловой центр сюжета) здесь связана со служением своему народу, с героическим подвигом во имя его спасения. В «Моконе» главное – не богатства в суме Калгамы. Ведь огромный человек с двумя пальцами на каждой руке – злое чудовище, навещающее страх не только на людей, но и на все живое: «В тайге кабаны своих поросят, землю разрыв, укрывают. С жалобным криком птицы летят... Ужас охватывает тайгу. Ужас в нанайс-

ком селенье...» А когда из жилища на берег реки выходит принесенная в жертву Майла, то снова вспоминаются сказки о чудовище, являющемся к людям за молодыми девушками. Единоборство Моконы с Калгамой – это уже битва не за личное только счастье, не за богатство, но за спасение людей и природы (как и в «Легенде об Удэ-Мэргэне»).

Андрей Пассар переосмысливает и во многом дополняет древнее тэлунгу. Явление старика во сне, разговор с ним – обычный эпизод нанайского фольклора (часто в образе старика представляли тотемные животные: медведь, тигр). Но в «Моконе» содержание речи старика явно необычно, нетрадиционно, однако это не выглядит странным. Каждая новая интерпретация фольклорных мотивов в этом произведении очень естественна, органична, направлена не на ломку традиции, а на выявление ее потенциальных возможностей.

О чем, собственно, эта поэма? «Мокона» – своеобразный вариант поэтического эпоса, в том или ином виде существующего у любого народа. В поэме ясно отразились быт и история нанайцев, склад национального характера, в нее широко вошли национальные легенды, поверья. Поэт сумел, не нарушив художественной логики нанайского фольклора, органично ввести в сюжет любовь-подвиг как смысловой стержень произведения. Емко осмыслены реалии исторической жизни народа. Калгама – это поэтическое воплощение всех бедствий, терзавших нанайский народ на протяжении многих веков: это и голод, и болезни. Появляется в поэме и маньчжурский корабль под черными парусами, олицетворяющими всенародное горе. И это тоже страницы истории, отголоски участия нанайцев в «восьмизнаменном» маньчжурском войске, о чем тоже сохранились свои предания.

Мокона – во многом предвестник народного счастья. В поэме он говорит о грядущем всеобщем благоденствии, об изгнании войн из жизни людей. Ясно виден и социальный контекст поэмы. Шаманство в поэзии Андрея Пассара вообще и в «Моконе» в частности – источник зла. Так, по одну сторону конфликта

в поэме – простые люди (Мокона, Гама, Майла, Гара), а по другую – шаман и его сын Тарго (что в переводе означает «жирный»), а также маньчжурский царь Амба-хан. По одну сторону единение с природой, умение видеть и творить добро и красоту, а по другую – уничтожение всего живого, тупая злоба и самодовольство.

В поэме побеждают силы добра, воспевается мужественный подвиг человека – борца за счастье своего народа. Борьба эта трагична: герой гибнет. И все-таки нет ощущения безысходной печали. Хотя «от слез вздымается в Мангбо вода и скорбь туманом застилает дали», все же «Мокона» утверждает глубоко оптимистический взгляд на жизнь. В сущности, главный герой поэмы – исторический предшественник современных поколений. Он живет в сердце народа, этот легендарный богатырь, герой национального эпоса.

Подобно типичному герою европейской романтической поэмы, Мокона во имя любви к девушке и своему народу обрекает себя на многолетние скитания. Сначала это три года в родной тайге – после победы над чудовищем. В это время Мокона спасает от голода родной народ. А затем – многие годы на чужбине, куда он попадает, опять-таки спасая других.

Так древнее тэлунгу, повествующее о героизме нанайского воина, который благодаря смекалке и бесстрашию стал военачальником у маньчжур, получает новую интерпретацию, иную мотивировку: служение своему, а не чужому народу.

Путь героя труден и долог. На каждом шагу подстерегают его опасности. Описание битв в поэме выдержано в традициях героического эпоса, образы приобретают гиперболический характер: «И головы в крови плывут по лугу». Но главная опасность не в этом: Мокона, который состоит на службе у Амбы-хана, привык к человеческим страданиям, крови.

Так изображается лицо войны, способной обезобразить даже благородный характер. Но все-таки любовь к людям берет верх.

Мокону потрясает бессмысленная гибель друга Гамы. Возвратившись домой, он обращается к своему народу: «Отцы и братья! Вы знать должны – и знайте: кто чьей-то гибели ищет, тот сам для смерти становится пищей».

Предание в поэзии Андрея Пассара – основа его мечты о завтрашнем дне. В дедовском копье – велика ли мощь? В поэме «Песнь о матери» автор «сталкивает» в пристрастном сравнении два времени: «С предками несхож я, как несхожи спутник и гиляцкое копье». Но копье – это еще и обозначение нравственной силы традиций. А потому совершенно иначе подан этот образ в стихотворении, которое так и называется – «Копье». «Верь: сила скрыта в нем, коснись его древка...» Бережно относится поэт к народной речи, стараясь не расплескать ни капли из широкой реки народного слова.

Андрей Пассар внимателен не только к тэлунгу, сказке. Его внимание может привлечь и простая примета, которую он умеет опозитизировать. Растет березка на могиле нанайца – значит, похоронен здесь хороший человек. «Простая примета... И мало ль примет! Но эта на сердце оставила след... Растить надо мною березе иль нет?» Лирическое переосмысление приметы сменяется порою созданием на народной основе поэтической притчи или басни. Это можно увидеть в стихотворениях «Щуки и утки», «Змея», «Крылья», «Кукушка», «Ворона».

Если действие поэмы «Мокона» происходит в далекие времена, то в других поэмах Пассар обращается к современной жизни, раскрывая основные вехи в сегодняшней судьбе нанайского народа. И снова – с надежной опорой на национальную традицию. Здесь следует назвать поэмы «Опоздавшая черепаха», «Песнь о матери», «Двенадцать медвежьих голов».

В поэме «Песнь о матери» переплелись ведущие мотивы творчества Андрея Пассара, касающиеся современности.

У каждого времени, у каждой эпохи – свои приметы. В «Песне о матери» нет традиционной для Пассара опоры на устное пре-

дание. Развивая одну из важнейших тем истории современности, поэт остается прежде всего лириком.

Как и все советские люди, нанайский народ в годы Великой Отечественной войны поднялся на борьбу с фашизмом. И боролся хорошо. Взять, например, двоюродного брата самого поэта – Максима Пассара. Отличный снайпер, он уничтожил двести семьдесят четыре фашиста! О великом подвиге маленького народа, сыны которого плечом к плечу с сынами всех больших и малых народов Советской Родины защищали завоевания социализма, Андрей Пассар написал немало стихов. В «Сыне рыбаки» поэт вспоминает, как он, совсем слабый еще мальчик, вместе с матерью тянул из зимней реки невода с рыбой «как заправский маленький мужчина». Это был подвиг в тылу, выпавший на долю женщин и детей. Они-то во многом и обеспечивали героизм своих сыновей, мужей и братьев на фронте. В поэме «Двенадцать медвежьих голов» рассказывается об одном из таких героев, приехавшем в отпуск домой. Мэргэн Гани уничтожил в бою с фашистами двенадцать вражеских танков! Это не легче, а труднее, чем убить двенадцать медведей в тайге. А потому: «Старинный закон непременно без лишних исполните слов! Поставьте на стол для мэргэна двенадцать медвежьих голов! Двенадцать танцоров при встрече закружатся вихрем одним. Двенадцать красивейших женщин ухаживать будут за ним».

Так причудливо сочетаются в поэмах Андрея Пассара народное предание и современная жизнь народа.

Стихи Андрей Пассар начал писать в двадцать два года, когда учился в Ленинграде и активно общался с писателями: нанайцем Григорием Ходжером, чукчей Юрием Рытхэу, манси Юваном Шесталовым, ненцем Леонидом Лапцум, русскими Михаилом Дудиным, Глебом Семеновым и другими... Наверное, именно тогда он ощутил дружескую поддержку собратьев по перу, и особенно ясным стало ему значение дружбы народов.

Есть у Пассара стихотворение «Мост». Оно как раз об этом: о

мостах, которые переброшены не только между амурскими берегами, но и между народами: «Над этим мостом потрудились нанайцы, и русские, и брат-украинец, и ты, удэгейка-сестра». Великие исторические перемены дали возможность каждому народу, даже самому малочисленному, осознать свое место, свое значение: «О мой народ! Ты, как песчинка, мал. Но среди равных равно ты велик». Ощущение единства земли, единства всех живущих на земле в поэзии Пассара – не только в строках-признаниях. Это еще и пафос, дающий строкам тон, масштаб.

Три точки опоры в поэзии Андрея Пассара. Умение слышать народное слово, учиться у народа, говорить на языке древнего предания. Это первое. Поэт обладает острым чувством современности, масштабно смотрит на всю историю нанайцев; легенда, предание в его устах звучат современно. Это второе. Интернационализм – вот третье.

Народ – великий создатель и хранитель поэзии. Он воспроизводит и обновляет ее постоянно – не только изустным способом, но также и самым способом своего существования, бытом своим. Коллективное бытие – источник мощного «бродильного начала» поэзии, ищущей выхода в индивидуальном слове. Когда приходит поэт, большое Время дробится неизбежно. Собственно, только тогда время и проявляет себя, только тогда и становятся различимы его «три кита»: прошедшее, настоящее, будущее. И тогда поэт – звено в цепи времен.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Автор хэсэни</i>	5
ХАМАРИХАН КАЙЛАН	13
Нани найни /дярин/	14
Мангбонкан ботамдисални /дярин/	15
Гормохакаансал	17
Чолчомиакан	18
Модакан	19
Элгэкэн /дярин/	20
Отава ангори деуруэн	21
Умэкэчиури деуруэн	22
Найва долдиаси Пито	23
Илан ахонда Гакисал	28
Хони Актанка хала очини /тэлунгу/	31
Хамарихан кайлан /тэлунгу/	36
Уй уйдуи арганку /нингман/	41
ТАСИМА	51
Тасима	52
Эрдэнгэ палоа	62
Сэлэвэ чапчи Гоко гучи Чиндэ	68
Хони соли хонгмова аргалахани	72
Хаймари индасал биачи бучичи	77
Гайкоан гучи арганку тури	81
Мактай най	87
Икто гучи Илбо	92
Чолчомиакан	100
Сайла гучи Майла	107
Гарпамди мэргэн	114
Намбокансал	129

ОПОЗДАВШАЯ ЧЕРЕПАХА	137
<i>Слово от автора</i>	138
Нани на Земле. Молодежная песня	146
Нанайская рыбацкая. Песня	147
Зайчики. Танцевальная песенка	148
Поползень. Танцевальная песенка	150
Скороговорка. Народная	151
Элгэкэн. Старинная песня	152
Деурэн о том, как делают обувь. Горинская песня	153
Рыбацкая деурэн	154
Непослушный мальчик Пито	155
Три брата-воронята	159
Как появился род Актанка. Легенда	163
Опоздавшая черепаха. Легенда	168
Кто кого хитрее?	171
ТАСИМА	183
Тасима	184
Волшебный молоток	194
Кузнец Гоко и птичка Чинда	198
Как лиса летягу обманула	201
Почему собаки воют на луну	205
Мальчик Гайкоан и хитрый боб	207
Хвастунишка	213
Экто и Элбо	216
Храбрая Чолчомиакан	223
Сайла и Майла	228
Гарпамди – меткий стрелок	234
ЗАГАДКИ	249
<i>И предание, и мечта. Владимир Мельник</i>	257

По заказу Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций и правительства Хабаровского края.

Пассар А.А.

П 19 Сказки моего детства.

Стихи, легенды, сказки, загадки. На нанайском и русском язы-
ках. – Хабаровск: Кн. изд-во, 2002. – 272 с.

Богатейшее литературное творчество одного из основополож-
ников нанайской литературы представлено в настоящем издании
широко и многогранно. Это своего рода итог почти шестидесяти-
летней литературной работы талантливого нанайского писателя,
чье творчество неотделимо от богатого устного народного твор-
чества нанайцев, живыми корнями уходящего в глубины веков.

ББК 84.3 Нан

Пассар Андрей Александрович

Сказки моего детства

Стихи, легенды, сказки,
загадки

На нанайском и русском языках

Редактор Н.Т. Кабушкин

Художественное оформление Сергей Чешкин

Технический редактор Татьяна Короткова

Верстка Татьяна Бульба

Корректор Ирина Руднянская

Сдано в набор 12.12.2001. Подписано в печать 02.04.2002.

Формат 70х90/16. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 23,80. Заказ № 3050.

Хабаровское книжное издательство Министерства
Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

680038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Хабаровская краевая типография,

68038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.